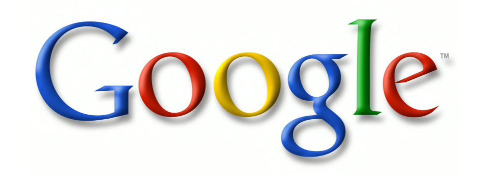
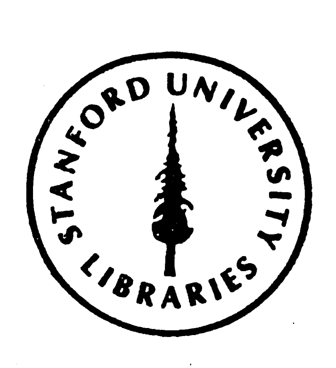

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЗАПИСКИ

о

ЖИЗНИ и СЛУЖБѢ

АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА БИБИКОВ

СЫНОМЪ ЕГО СЕНАТОРОМЪ БИБИКОВЫМЪ.

Жизнь смертныхъ измѣрять не надлежитъ годам
Но ихъ полезными Отечеству дѣлами.

Н. В. Леонтьевъ.

На кончину А. И. Бибикова

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°).

1865.

Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова были напечатаны въ 1817 году сочинителемъ ихъ, сыномъ его, сенаторомъ Александромъ Александровичемъ Бибиковымъ. Изданіе это не было повторено и экземпляры его, въ настоящее время, составляютъ почти библіографическую рѣдкость.

Имя Александра Ильича принадлежитъ къ самымъ блестящимъ именамъ знаменитой Екатерининской эпохи. Личность его ярко выдѣляется между многими другими, которымъ онъ можетъ быть уступаетъ въ блескѣ дѣяній, въ знаменитости подвиговъ и слѣдовательно въ славѣ, но изъ коихъ ни одинъ не превосходилъ его ни отчизнолюбіемъ, ни безкорыстіемъ, ни самоотверженіемъ на пользу отечества. Въ то время когда милость царская щедро одѣляла богатствомъ всѣхъ сановниковъ, невозможно безъ сочувствія и уваженія не остановиться на одномъ изъ нихъ, который, съ постояннымъ успѣхомъ исполняя важнѣйшія и затруднительнѣйшія порученія, разстроилъ на службѣ свое состояніе и нажилъ долги, которому, при жизни, постоянно угрожала необходимость «возвратиться къ первобытности дворянскаго состоянія и..... ту же капусту садить, къ которой, и по окончаніи всего въ жизни теченія, наши братья возвращаются» и *) послѣ смерти коего «жена и дѣти остались въ очень незавидномъ положеніи и притомъ еще съ долгами». **) Разгадка этого обстоятельства, по видимому противурѣчащаго справедливо укоренившемуся понятію о щедрости Екатерины II-й, заключается въ поведеніи Александра Ильича: подобно всѣмъ современникамъ своимъ благоговѣя предъ величіемъ своей госу-

*) См. письмо № 13. **) См. письмо графини Сиверсъ въ вын. 89.

дарыни, онъ отличался отъ нихъ тѣмъ, что въ мнѣніяхъ своихъ не руководствовался желаніемъ угодить ей и стараніемъ предупредить ея мысли, но повиновался внушеніямъ своей совѣсти и своего разсудка и, заботясь болѣе объ ея славѣ, чѣмъ о снисканіи ея милости, смѣло и прямодушно высказывалъ свои убѣжденія; такъ онъ не скрывалъ сочувствія своего къ несчастной судьбѣ невинныхъ Брауншвейгскихъ принцевъ и принцессъ, мнѣнія своего о преждевременности допущенія всѣхъ сословій къ участію въ законодательствѣ, неодобренія своего относительно раздѣленія Польши, этого «межеваго дѣла» которое рѣшено «соборомъ трехъ патріарховъ...... не по польскимъ статутамъ и сеймовымъ инструкціямъ, а по зборному уложенію и новоуказнымъ статьямъ.» *) Притомъ его всегдашнимъ правиломъ съ начала службы было: «ни на что не напрашиваться и ни отъ чего не отговариваться» **) и государыня, привыкшая лишь снисходить на вызовы другихъ, принуждена была сама просить Александра Ильича о принятіи имъ на себя разныхъ порученій, большею частію такихъ, которыя были «хлопотливы и заботами наполнены, безъ всякаго впрочемъ по ремеслу (военному) блеска, а можетъ быть и ни въ какой счетъ по службѣ не полагаемыя.» ***) Такъ ему были поручены: усмиреніе волненій въ Екатеринбургскомъ краѣ, объѣздъ сперва польскихъ, а потомъ шведскихъ границъ, начальствованіе войсками въ Польшѣ и наконецъ укрощеніе того страшнаго бунта, который угрожалъ истребленіемъ дворянству, духовенству и Православію и который, по выраженію современниковъ, имѣлъ цѣлью обратить всю Россію въ *мужицкое царство*.

Въ одномъ только событіи, но за то въ значительнѣй-

*) См. письмо № 2 и 3. **) См. письмо № 11. ***) См. письмо № 10.

шемъ изъ правительственныхъ событій царствованія Екатерины II-й, Александръ Ильичь принялъ блистательное участіе: въ собраніи депутатовъ отъ всѣхъ сословій, когда, впервые со временъ грознаго преобразователя ея, монаршая воля собрала около престола выборныхъ со всей земли и явила позорище руки до-Петровской—«собраніе свободное мыслію и языкомъ.» *) Избраніе Александра Ильича въ число трехъ кандидатовъ на званіе предводителя или маршала этого собранія и утвержденіе именно его императрицею несомнѣнно свидѣтельствуютъ о высокомъ понятіи, которое имѣли современники объ его государственныхъ достоинствахъ, и о томъ что Екатерина раздѣляла эти понятія.

Жизнь подобнаго человѣка безспорно должна быть любопытна и поучительна. Сознаніе это руководствовало автора *Записокъ,* когда посвящая ихъ своему сыну, онъ повторилъ слова Плинія: «Ты увидишь здѣсь кому подражать, по чьимъ стопамъ слѣдовать.» Александръ Александровичь, еслибы даже и не былъ сыномъ Александра Ильича, былъ въ полной мѣрѣ способенъ, по возвышенности своихъ чувствъ и по своей служебной опытности, оцѣнить высокія достоинства его; къ тому же, возросшій при дворѣ Екатерины, при самомъ вступленіи въ службу встрѣчая на каждомъ шагу начальниковъ, друзей и подчиненныхъ своего отца, Александръ Александровичь лучше всякаго другаго могъ узнать всѣ обстоятельства его жизни. Приступая къ сочиненію *Записокъ,* онъ поставилъ себѣ правиломъ говорить объ Александрѣ Ильичѣ, не какъ объ отцѣ своемъ, но «какъ объ одномъ изъ тѣхъ сыновъ Россіи, коихъ память можетъ сохраниться въ бытописаніяхъ нашихъ». Онъ добросовѣстно исполнилъ

---

*) См. стр. 31.

свою задачу, вездѣ отдавая должную дань удивленія качествамъ и дѣяніямъ Александра Ильича, но вездѣ строго воздерживаясь отъ преувиличенныхъ похвалъ и нигдѣ не увлекаясь сыновнимъ пристрастіемъ.

Самъ Александръ Александровичь оставилъ послѣ себя имя достойное уваженія. Двухъ лѣтъ отъ роду записанный въ гвардію и девяти лѣтъ произведенный въ офицеры, онъ оставилъ пышный дворъ Екатерины, чтобы, подъ знаменами бывшаго подчиненнаго его отца, храбраго Михельсона, отвагой своей заслужить Георгія 4-й степени; въ послѣдствіи занималъ мѣста посланника: въ Лиссабонѣ, въ Дрезденѣ и въ Неаполѣ; при собраніи земскаго войска въ 1806 году, былъ избранъ начальникомъ милиціи Ораніенбаумскаго уѣзда; но особенно ознаменовался въ Отечественную войну предводительствуя С.Петербургскимъ ополченіемъ, котораго подвиги подъ Полоцкомъ, подъ Борисовымъ, при Березинѣ и подъ Данцигомъ неразлучно связаны съ памятью объ его мужествѣ и объ его распорядительности. Свидѣтельствомъ уваженія къ нему его сослуживцевъ было поднесеніе ему шпаги съ надписью: *„Вождю къ славѣ, любимому начальнику. 1812. С.Петербургское ополченіе Сенатору Бибикову. 1814.“*

Онъ скончался въ Дрезденѣ, но тѣло его предано землѣ въ Петербургѣ, на старомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры, возлѣ милыхъ его сердцу матери и супруги. Надъ его могилой скромная надпись: «Здѣсь лежитъ, въ надеждѣ на Искупителя, тѣло Сенатора Александра Александровича Бибикова, пролившаго кровь за Вѣру и Отечество. Родился 1765 года 7-го Января, скончался 1822 года 20-го Іюля».

При нынѣшнемъ изданіи *Записокъ*, въ текстѣ не сдѣлано никакихъ перемѣнъ противъ прежняго; по возможности удержано даже старинное правописаніе. Единственное отступленіе состояло въ томъ, что нѣкоторыя рѣчи и офиціальныя бумаги, прерывавшія нить разсказа, помѣщены въ число приложеній; также и письма, которыя были напечатаны въ выноскахъ, соединены въ концѣ книги и представляютъ все что можно было собрать изъ переписки Александра Ильича. Источники, изъ которыхъ заимствованы прибавленныя вновь приложенія и письма, указаны подъ каждымъ приложеніемъ и въ оглавленіи писемъ. Выноски, сдѣланныя издателями съ цѣлью избѣгнуть читателямъ справки съ біографическими словарями и историческими сочиненіями, означены нумерами и отличаются шрифтомъ отъ выносокъ самого автора. Излишне было бы объяснять, что прибавленіе оглавленія и алфавита имѣло цѣлію облегчить пріисканіе упоминаемыхъ въ книгѣ событій и собственныхъ именъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ СОЧИНИТЕЛЯ.

СЫНУ МОЕМУ ВАСИЛІЮ.

Ты увидишь здѣсь, кому подражать, по чьимъ стопамъ слѣдовать.

Какое щастіе находить въ томъ, кого должно любить, образецъ совершенства и подражать тому, съ кѣмъ сама природа имѣть сходство повелѣла.

Молодой Плиній къ Геніалису
въ письмѣ XII, томъ II.

Гавріилъ Романовичь Державинъ служилъ при отцѣ моемъ и всегда сохранялъ сердечную къ нему привязанность; узнавъ, что я намѣренъ описать его жизнь и службу, препроводилъ ко мнѣ слѣдующее начертаніе, прося употребить гдѣ найду за лучшее. Дабы, по возможности, изъявить сколь лестно для меня желаніе безсмертнаго нашего піита, и сколь драгоцѣнно сіе произведеніе чувствованій его къ отцу моему, помѣщаю оное началомъ предлагаемыхъ здѣсь записокъ.

Посвятивъ краткую, но наполненную славными дѣяніями жизнь свою на службу отечеству, Александръ Ильичь Бибиковъ, по всей справедливости, заслужилъ уваженіе и признательность соотечественниковъ; они не престанутъ воспоминать съ почтеніемъ полезныя обществу дѣла сего знаменитаго мужа и благословлять его память.

Читая о службѣ и перемѣнахъ въ оной сего примѣрнаго государственнаго человѣка, всякой легко усмотритъ необыкновенныя его

способности, мужество, предусмотрѣніе, предпріимчивость и расторопность; такъ что онъ во всѣхъ родахъ налагаемыхъ на него должностей, съ отличіемъ и достовѣрностію былъ употребляемъ; вездѣ показалъ искусство свое и ревность, не токмо прежде въ царствованіе Императрицы Елисаветы, но и во многихъ порученіяхъ отъ Екатерины Великой, ознаменованныя успѣхами. Онъ былъ хорошій генералъ, мужъ въ гражданскихъ дѣлахъ проницательный, справедливый и честный; тонкій политикъ. одаренный умомъ просвѣщеннымъ, всеобщимъ, гибкимъ, но весьма благороднымъ. Сердце доброе его готово было къ услугамъ и къ помощи друзьямъ своимъ, даже и съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ пользъ; твердый нравъ, вѣрою и благочестіемъ подкрѣпленный, доставлялъ ему отъ всѣхъ довѣренность, въ которой онъ былъ неколебимъ; любилъ словесность и самъ весьма хорошо писалъ на природномъ языкѣ, зналъ нѣмецкій и французскій и не задолго предъ смертію выучилъ и англинскій; умѣлъ выбирать людей, былъ доступенъ и благопривѣтливъ всякому, но зналъ однако важною своею поступью, соединенною съ пріятностію, держать подчиненныхъ своихъ въ должномъ подобострастіи. Важность не умаляла въ немъ веселія, а простота не унижала важности. Всякій нижній

и высшій чиновникъ его любилъ и боялся. Послѣдній подвигъ къ защитѣ престола и къ спасенію отечества соверша, кончиною своею увѣнчалъ добродѣтельную жизнь, къ сожалѣнію всей Имперіи тогда пресѣкшуюся.

Краткое сіе начертаніе о службѣ и свойствахъ отца моего, кажется, доказываетъ, что повѣствованіе о его жизни любопытственно для любителей отечественной исторіи. Чувствованія сыновней любви и благоговѣнія да будутъ мнѣ извиненіемъ, что я, не взирая на малыя мои свѣдѣнія въ словесности, рѣшился описать его жизнь и службу въ предлагаемыхъ запискахъ. Сколь ни лестно было бы для меня называть его въ сихъ запискахъ священнымъ имянемъ отца, но я говорю просто *Александръ Ильичь,* потому что не отецъ сенатора Бибикова, но Александръ Ильичь Бибиковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ сыновъ Россіи, коихъ память можетъ сохраниться въ бытописаніяхъ нашихъ.

Александръ Ильичь Бибиковъ, генералъ-аншефъ, гвардіи Измайловскаго полка подполковникъ, маршалъ депутатской коммиссіи для составленія уложенія новыхъ законовъ, сенаторъ и кавалеръ орденовъ: Св. Андрея Первозваннаго[1]), Св. Александра Невскаго, Св. Анны и Польскаго Бѣлаго Орла, произошелъ съ отцовской стороны отъ древней фамиліи крымскихъ князей (родственниковъ царямъ Синей Орды)*), изъ коихъ многія отрасли еще и понынѣ въ Крыму существуютъ. Родоначальникъ фамиліи Бибиковыхъ Жидимиръ выѣхалъ въ Россію въ началѣ 13-го вѣка, при великомъ князѣ Михаилѣ Ярославичѣ Тверскомъ, братѣ и предмѣстникѣ Александра Невскаго; одинъ изъ потомковъ сего Жидимира, Иванъ Григорьевичь Бибиковъ, въ 1555 годѣ, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, успѣшно начальствовалъ противъ Шведовъ 30-ти тысящною арміею, на 4 корпуса раздѣленною**). Алек-

---

[1]) Александръ Ильичь скончался въ чинѣ генералъ-поручика и премьеръ-маіора гвардіи. Извѣстіе о пожалованіи его генералъ-аншефомъ, гвардіи подполковникомъ, сенаторомъ и андреевскимъ кавалеромъ не застало уже его въ живыхъ. (См. въ концѣ записокъ).

*) Гербовникъ дворянскихъ родовъ 1-го отдѣленія, № 37-й.

**) Олофа Долина, Исторія Шведск. госуд., гл. 8, § 6.

сандръ Ильичь родился въ Москвѣ 30-го мая 1729 года, отъ перваго брака инженеръ-генералъ-порутчика и кавалера ордена Св. Александра Невскаго, Ильи Александровича Бибикова, и его супруги изъ роду Писаревыхъ. Родитель его (скончавшійся въ глубокой старости, десять лѣтъ уже спустя послѣ его смерти), будучи въ связяхъ дружественныхъ съ генералъ-фельдцейхмейстеромъ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ[2]), и желая проложить сыну своему пристойное званію его поприще по службѣ, записалъ его 17-го февраля 1744 года кондукторомъ въ инженерный корпусъ, такъ что его оставили дома для довершенія воспитанія, но неожиданная кончина матери произвела весьма великую для него перемѣну. Отецъ его скоро потомъ вступилъ во вторый бракъ[3]); баб-

---

[2]) Ландграфъ Людовикъ Вильгельмъ *Гессенъ-Гомбургскій*, р. 1704 г. Вступивъ въ 1723 г. въ русскую службу, безуспѣшно искалъ руки цесаревны Елисаветы Петровны; при Аннѣ Іоанновнѣ командовалъ войсками въ Персіи 1732—34); былъ ген. фельдцейхмейстеромъ (1735) и директоромъ военной коллегіи (1738). Елисаветою пожалованъ въ фельдмаршалы (1742); ум. въ Берлинѣ 1745. При ненасытномъ честолюбіи отличался сварливостію и завистью, разстроилъ нашу артиллерію и, если вѣрить Манштейну, всегда „находился въ почтительномъ разстояніи отъ непріятеля."

[3]) Второю супругою Ильи Александровича была вдова Ларіонова, Варвара Никитишна, рожд. Шишкова; отъ перваго брака Илья Александровичь имѣлъ сына Александра и двухъ дочерей: Аграфену, супр. ген. поручика Ив. Матв. Толстаго (отца знаменитаго гр. Остермана Толстаго) и Евдокію, супр. адмирала 1 класса Ив. Логин. Голенищева Кутузова. Отъ втораго брака — двухъ сыновей: Василія, бывшаго дѣйств. камергеромъ и директоромъ придворнаго театра, и Гавріила въ супруж. а) съ Тат. Яковл. Тверды-

ка*) и тетка перевели его въ Московской Зачатейской монастырь, гдѣ, сообразно тогдашнему обычаю, были онѣ пострижены. Сіи достойнѣйшія родственницы приняли его въ мирную свою обитель, и прилагали всевозможнѣйшія попеченія о доставленіи ему лучшаго воспитанія, какое только, по тогдашнему времени, могло образовать благороднаго юношу. Съ сердечнымъ удовольствіемъ взирая на его успѣхи, имѣли особенное стараніе поселить въ сердцѣ его твердыя основанія христіанской вѣры, назидая его собственнымъ своимъ примѣромъ въ правилахъ благочестія, коимъ знаменито отличалась покойная его родительница. Послѣдствія оправдали совершенно таковыя попеченія; достойнѣйшій воспитанникъ ихъ сохранилъ во всю жизнь и при кончинѣ благоговѣйныя чувствованія истиннаго христіанина, украсивъ поприще свое многоразличными примѣрами неослабной любви къ Богу и ближнему.

7-го іюля 1746 года былъ онъ произведенъ инженеръ-прапорщикомъ, и переведенъ въ С.Петербургъ. Здѣсь юность, пылкость нрава, праздность и отдаленіе отъ близкихъ родственниковъ вовлекли его

шевой и б) Катер. Алдр. Чебышевой, и дочь Аграфену, супр. князя Смоленскаго, графа Мих. Илар. Голенищева Кутузова.

*) Мать Ильи Александровича, Евпраксія Кириловна, которою былъ Александръ Ильичь воспитанъ, всѣми свидѣтелями добродѣтельнаго и благочестиваго житія ея почиталась праведною.

въ опасныя общества. Онъ началъ было посѣщать трактиры и картежныя собранія, какъ однажды нѣкто изъ лейбъ-компанцовъ, встрѣтясь тамъ съ нимъ и пораженъ будучи благородною его наружностію, остроумными отвѣтами и живостію обращенія, взявъ его за руку, сказалъ ему: «послушай, молодой человѣкъ, «я весьма увѣренъ, что ты предопредѣленъ быть нѣ«когда отличнымъ человѣкомъ и оказать отечеству «важныя услуги; посему никакъ не соглашусь до«пустить тебя до развращенія; естли я, или товарищи «мои увидятъ тебя еще когда нибудь въ семъ са«момъ или подобномъ обществѣ, то будь увѣренъ, «что не избѣгнешь отъ нашего преслѣдованія.» Сіе предсказаніе убѣдило Александра Ильича войти въ размышленіе о своемъ поведеніи; между тѣмъ родитель его, узнавъ объ опасности, коей подвергали его праздность и худое общество, испросилъ отъ начальства отправить его въ Москву, что̀ и исполнено было 1748 года, съ препорученіемъ ему пересылать изъ московскаго сената указы по Рогервигскому порту и Кронштадскому каналу, которыхъ строеніе тогда производилось. Бдительный надзоръ родительскій и нѣжное увѣщеваніе его наставницъ столь крѣпко имъ возчувствованы, что въ слѣдующемъ же 1749 году рѣшились отправить его изъ Москвы, и онъ опредѣленъ къ строенію Кронштадскаго канала, получалъ непосредственныя предписанія и неоднократно одобряемъ былъ отъ начальника своего генерала Любе-

расса[4]). Въ остающіеся отъ должности часы занимался преложеніемъ съ французскаго на россійскій языкъ сочиненія, касающагося до его роду службы, и посвятилъ оное своему начальнику. Въ томъ же 1749 году переведенъ подпоручикомъ въ артиллерію, а 1751 года января 10-го, за усердіе къ службѣ и знаніе наукъ, пожалованъ поручикомъ артиллеріи и аудиторомъ. Родитель его, желая еще болѣе придать сыну своему степенности и утвердить въ настоящемъ добромъ поведеніи, въ семъ же годѣ женилъ его на единственной дочери друга своего полковника князя Козловскаго[5]); хотя Александръ Ильичь вступилъ въ сей бракъ единственно покорствуя волѣ родительской, но скоро увидѣвъ сколь достойную нашелъ супругу, сохранилъ во всю жизнь свою нѣжнѣйшую къ ней дружбу, довѣренность и уваженіе. Хорошее поведеніе, отличныя способности и познанія вскорѣ обратили на него вниманіе начальствующихъ и, не смотря на молодость его, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1753 года ему велѣно ѣхать въ Дрезденъ къ пребывающему тамъ россійскому посланнику, дѣй-

---

[4]) Баронъ Іоаннъ Людовикъ *Люберасъ*, изъ Лифляндскихъ дворянъ, служилъ инженеромъ при Петрѣ I-мъ; при Елисаветѣ былъ ген. аншефомъ и посломъ въ Стокгольмѣ (1743—45); слѣдующія семь лѣтъ своей жизни (1745—52) провелъ за окончаніемъ Кронштадтскаго канала, который открытъ за нѣсколько дней до его смерти.

[5]) На княжнѣ Анастасьѣ Семеновнѣ, дочери кн. Семена Борисовича. Она род. 26 декабря 1729, ум. 4 мая 1800, погребена въ С. Петербургѣ, въ Невскомъ монастырѣ.

ствительному статскому совѣтнику Гросу[6]), для разсмотрѣнія изобрѣтенной механикомъ Дюкоменъ машины, посредствомъ коей можно было безъ фитиля стрѣлять изъ пушекъ, и для примѣчанія другихъ изобрѣтеній и улучшеній, коими тогда славилась саксонская артиллерія. Александръ Ильичь нашелъ, что упомянутая машина неудобна, и исполнилъ все сдѣланное ему порученіе такъ успѣшно, что въ 1754 году февраля 28-го пожалованъ оберъ-аудиторомъ капитанскаго чина, въ которомъ продолжая служить съ отличіемъ, повышенъ въ чинъ оберъ-квартермистра 1756 года февраля 22-го. Болѣе и болѣе приобрѣтая довѣренность начальства, Александръ Ильичь отправленъ сего же года въ Прусію и Померанію, для развѣдыванія о магазейнахъ и состояніи тамъ войскъ, въ чемъ, по приближенію Семилѣтней войны, имѣли тогда величайшую нужду. За точное исполненіе Александръ Ильичь награжденъ октября 22-го чиномъ подполковника: расторопность же и усердіе его возбудили къ нему благосклонное замѣчаніе генералъ-фельдцейхмейстера, графа Петра Ивановича Шувалова[7]), тогдашняго времяни весьма знатнаго вельможи,

---

[6]) Генрихъ *Гроссъ* въ разное время былъ русскимъ министромъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Варшавѣ и Лондонѣ. Его братъ былъ воспитателемъ дѣтей гр. Андр. Ив. Остермана и, при его паденіи, привлеченный къ дѣлу о немъ, кончилъ жизнь самоубійствомъ.

[7]) Графы (съ 1756 г.) Александръ Ив. и Петръ Ив. *Шуваловы*, извѣстные временщики царствованія Елисаветы, не бывъ никогда ни въ одномъ сраженіи, оба были пожалованы фельдмаршалами Петромъ III-мъ. Гр. Петръ Ив. (р. 1711, ум. 1762), пользуясь влія-

который поручилъ ему формированіе 3-го мушкатерскаго полка въ состоящемъ подъ особымъ его веденіемъ обсерваціонномъ корпусѣ. Сіи полки были необыкновенные, ибо комплектъ каждаго состоялъ изъ 5202 человѣкъ и 1149 лошадей; Александръ Ильичь отправленъ съ инструкціею 11-го ноября 1756 года въ городъ Тулу, исполнивъ порученное ему съ извѣстною его исправностію и усердіемъ, по предписанію графа Шувалова расположился съ своимъ полкомъ въ октябрѣ слѣдующаго 1757 года, на винтеръквартиры во Псковѣ.

Возгорѣвшаяся тогда Семилѣтняя война распространила свое пламя и на Россію: императрица Елисавета присоединила свои войски къ союзникамъ Австрійцевъ, и 30-ти-тысячный корпусъ подъ командою графа Фермора[8]), перешедъ за границу чрезъ Польшу и Тильзитъ, 3-го января 1758 года вступилъ въ Прусію и, овладѣвъ безъ кровопролитія столичнымъ ея городомъ Кенигсбергомъ 11-го генваря, принудилъ все королевство принесть присягу россійской монар-

ніемъ своего старшаго брата, былъ почти полновластенъ внутри Россіи. Ознаменовавшись своимъ любостяжаніемъ, онъ впрочемъ улучшилъ нашу артиллерію, пустилъ въ обращеніе мѣдныя деньги и отмѣнилъ внутреннія пошлины.

[8]) Графъ Римской имперіи (съ 1758 г.) Виллимъ Виллим. *Ферморъ*, сынъ англійскаго изгнанника, ум. 1771, въ чинѣ ген. аншефа. Будучи главнокомандующимъ русскою арміею во второй годъ семилѣтней войны (1758) прославился Цорндорфскою побѣдою надъ Фридрихомъ В. (авг. 13). При Екатеринѣ II-й былъ ген. губернаторомъ въ Смоленскѣ. Его особенно уважалъ гр. Минихъ, при которомъ, въ началѣ своей службы, онъ былъ адъютантомъ.

хинѣ. Мужественное сопротивленіе и геройскіе подвиги, приобрѣтшіе имя Великаго прускому королю Фридриху, побудили императрицу подкрѣпить свои войски еще новымъ вспомогательнымъ корпусомъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Чернышева*). Полки сего корпуса, между коими былъ и 3-й мушкатерскій подъ командою Александра Ильича, выступили изъ предѣловъ Россіи 1-го марта 1758 года, и приняли дѣятельнѣйшее участіе въ знаменитомъ сраженіи близъ Цорндорфа, августа 14-го. Оно было столь жестоко и кровопролитно, россійскія войска съ такою храбростію и непреодолимою твердостію противустояли, что и самъ прускій король принужденъ былъ признаться, что рускихъ солдатъ убивать можно, но побѣдить и принудить къ отступленію способа не находитъ.

Въ сей достопамятный день, Александръ Ильичь показалъ себя и полкъ свой между храбрѣйшими сподвижниками; потерялъ убитыми и ранеными 60 штабъ и оберъ-офицеровъ и болѣе половины рядовыхъ. Им-

---

*) Гр. Захаръ Григ. *Чернышевъ* р. 1722; въ семилѣтнюю войну находился при пораженіи Фридриха В. Доуномъ при Коллинѣ (1757) и участвовалъ въ побѣдахъ надъ нимъ: Фермора при Цорндорфѣ (1758) и гр. П. С. Солтыкова при Куннерсдорфѣ (1759). При Екатеринѣ II-й назначенъ сперва вице-президентомъ (1762) и потомъ президентомъ военной коллегіи (1773—75) и пожалованъ фельдмаршаломъ; ум. главнокомандующимъ въ Москвѣ (1782—84). По словамъ кн. Юрія Влад. Долгорукова онъ „имѣлъ врожденный даръ всегда вводить вездѣ порядокъ, и можно сказать, что въ его начальство армейскія дѣла шли какъ по музыкальнымъ нотамъ.“

ператрица 22-го февраля слѣдующаго 1759-го года пожаловала его полковникомъ, а воинское его искусство награждено было назначеніемъ его въ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанты, на мѣсто произведеннаго тогда въ бригадиры полковника Елмпта [10]). Компанія 1759 года ознаменована августа 1-го при Франкфуртѣ славною, но кровопролитною для Россіянъ побѣдою [11]); 3-й мушкатерскій полкъ вторично отличился храбростію, и потерялъ близъ тысячи человѣкъ рядовыхъ, штабъ и оберъ-офицеровъ убитыхъ и раненыхъ 45. Хотя Александръ Ильичь былъ также раненъ, и убитою подъ нимъ и на него опрокинувшеюся лошадью сильно ушибенъ въ грудь, но усердіе его къ службѣ не позволило ему отказаться отъ предложенной чести быть ему комендантомъ города Франкфурта. Въ семъ званіи Александръ Ильичь умѣлъ успѣшно соединить строгое исполненіе возложенной на него должности, съ предохраненіемъ въ цѣлости найденныхъ тамъ человѣколюбивыхъ заведеній, какъ-

---

[10]) Баронъ (съ 1790 г. Римской имп. графъ) Ив. Карпов. *Эльмптъ* р. 1725, ум. 1802. Бывъ маіоромъ французской службы, въ 1749 г. перешелъ въ русскую капитаномъ, отличился въ семилѣтнюю войну: въ Турецкой войнѣ 1769 г. покорилъ Молдавію; командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ въ Польшѣ (1772), на шведской границѣ (1780) и участвовалъ въ походахъ Румянцова (1787 и 88 г). При коронованіи Павла I пожалованъ фельдмаршаломъ (1797) и 9 мѣсяцевъ спустя (1798) уволенъ отъ службы *„за старостью.“*

[11]) Она извѣстна подъ названіемъ *Кунерсдорфской*, по имени селенія, при которомъ одержана, въ 4 верстахъ отъ Франкфурта на Одерѣ.

то; сиротскихъ домовъ и проч.; за что, по представленію директора оныхъ, пастора Симанетти, получилъ онъ письменное одобреніе отъ главнокомандующаго графа Фермора; частныя же выгоды жителей столь счастливо соблюлъ, что городъ Франкфуртъ и понынѣ съ уваженіемъ и благодарностію вспоминаетъ кроткое и безкорыстное его правленіе. Но самое сіе ревностное исполненіе привело его въ невозможность долго оставаться въ должности коменданта. Усилившаяся болѣзнь понудила его переѣхать для излеченія въ городъ Торунъ, гдѣ между многочисленными перевезенными туда ранеными, нашелъ спасеннаго самимъ имъ съ мѣста сраженія тяжко раненаго порутчика своего полка Михельсона, бывшаго потомъ полезнымъ его сотрудникомъ*). Здѣсь же нашелъ онъ и друга своего, подполковника Михаила Михайловича Философова, страждущаго и изнемогающаго отъ тяжкихъ ранъ, полученныхъ имъ на полѣ чести [13]).

При открытіи кампаніи 1760 года, обсерваціонный

*) Скончавшійся въ 1809 году генералъ отъ кавалеріи и главнокомандующій молдавской арміи Иванъ Ивановичь Михельсонъ [12]), который по смерть сохранилъ къ Александру Ильичу сердечное почитаніе.

[12]) Михельсонъ ум. въ іюлѣ 1807; заступившій его мѣсто фельдмаршалъ кн. Алек. Алд. Прозоровскій ум. 9 авг. 1809.

[13]) За Кунерсдорфскую битву Философовъ былъ произведенъ въ полковники: при воцареніи Екатерины II-й пожалованъ ген. маіоромъ (1762) и назначенъ начальникомъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, а въ 1768 г. посланникомъ въ Копенгагенъ (см. ниже).

корпусъ билъ разформированъ; Александръ Ильичь начальствовалъ уже не однимъ нововвѣреннымъ ему Новогородскимъ пѣхотнымъ полкомъ, но и цѣлою бригадою пѣхоты, и тяжелою и легкою кавалеріею, составлявшею резервный корпусъ генералъ-лейтенанта графа Петра Александровича Румянцова*) и вскорѣ пріобрѣлъ его уваженіе. Въ сію компанію узналъ онъ графа Петра Ивановича Панина; знакомство сіе обратилось въ тѣсную дружбу, которая доставила ему таковую же съ графомъ Никитомъ Ивановичемъ Панинымъ [15]), и взаимная сія связь его сохранилась неразрывно до его кончины. Фельдцейхмейстеръ графъ

*) Знаменитаго потомъ нашего фельдмаршала Задунайскаго [14]).

[14]) Гр. П. А. *Румянцовъ* р. 1725, въ годъ смерти Петра I и ум. 1796 въ годъ смерти Екатерины II, получилъ Георгія 1 ст. за побѣду при Ларгѣ (1770 іюня 17); фельдмаршальскій жезлъ за побѣду при Кагулѣ (1770 іюня 22); наименованіе *Задунайскаго* за Кучукъ-Кайнарджійскій миръ (1774 іюл. 10).

[15]) Графы (съ 1767 г.) Никита Ив. и Петръ Ив. *Панины* принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ государственнымъ дѣятелямъ Екатерининой эпохи. Оба они ознаменовались умомъ, отчизнолюбіемъ, прямотою и безкорыстіемъ; гр. *Никита Ив.* р. 1718, ум. 1783; въ началѣ своей службы былъ посланникомъ въ Копенгагенѣ (1747) и въ Стокгольмѣ (1748—60); потомъ, въ званіи оберъ гофмейстера, былъ воспитателемъ наслѣдника престола (1760—73) и ознаменовалъ 18 лѣтъ своего управленія коллегіею иностранныхъ дѣлъ (1765—83) блистательнѣйшими успѣхами русской дипломаціи. Младшій братъ его гр. *Петръ Ив.* р. 1721 ум. 1789; началъ службу свою подъ начальствомъ Миниха и Ласси (1736); въ семилѣтнюю войну, въ званіи ген. губернатора кенигсбергскаго, управлялъ Пруссіею; прославился взятіемъ Бендеръ (1770); ему же должно приписать совершенное окончаніе Пугачевскаго бунта (см. ниже).

Шуваловъ, коего сила при дворѣ болѣе и болѣе возрастала, хотя и негодовалъ на Александра Ильича за то, что онъ выбылъ изъ корпуса, непосредственно подъ его командою состоящаго, однакожъ сохранялъ столько къ нему уваженія, что съ нимъ переписывался и спрашивалъ его мнѣнія о выгодахъ, пользѣ и недостаткахъ новоизобрѣтенной имъ артиллеріи.

Въ слѣдующую компанію 1761 года, Александръ Ильичь отличилъ себя важнымъ подвигомъ, принадлежащимъ, по всей справедливости, къ блистательнымъ дѣламъ достопамятной семилѣтней войны. Онъ состоялъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа П. А. Румянцова, который въ сіе время уже явилъ опыты тѣхъ великихъ воинскихъ способностей, каковыми пріобрѣлъ толикую славу подъ Ларгою и Кагуломъ. Начальствуя тогда отдѣленнымъ отъ главной арміи корпусомъ въ Помераніи, онъ обращалъ всѣ свои усилія на взятіе крѣпкаго города Колберга, защищаемаго генералъ-лейтенантомъ Вернеромъ и комендантомъ Гейде. Сіи неустрашимые воины, въ предшедшемъ годѣ мужественно и дерзостно нападая на осаждающіе россійскіе полки, не только оные отражали, но и принудили снять осаду, за что̀ поднесены имъ отъ соотечественниковъ медали*). Генералъ Вернеръ и въ сію компа-

*) Медали сіи представляютъ: 1-я, на одной сторонѣ изображеніе храбраго защитника Колберга съ надписью: « Ф. Сигисмонтъ Гейде, защитникъ Колберга »; 2-я, «П. Вернеръ, из-

нію неоднократно предпринималъ отважными маневрами и нападеніями отводить и отрѣзывать россійскіе отряды, прикрывающіе осаду Колберга. Въ ночи на 1-е сентября сей хитрый и неустрашимый генералъ, взявъ съ собою всю кавалерію, свой полкъ, Виртембергской и Плейтенбергской, всѣ три конные въ числѣ двухъ тысячь человѣкъ, нѣсколько сотъ егерей и двѣ пушки, поспѣшно вышелъ изъ города Трептау, и скрывая свой маршъ между морскимъ берегомъ и россійскимъ резервомъ, старался, не бывъ примѣченъ, пробраться для новаго на оный нападенія. Узнавъ о семъ, главнокомандующій предписалъ Александру Ильичу съ двумя баталіонами егерей, полковнику Минстеру съ отрядомъ кавалеріи преслѣдовать пруского генерала, стараться догнать его, побѣдить и разсѣять. Александръ Ильичь, заставъ Вернера почти при самомъ выходѣ его изъ Трептау, съ такою храбростію и искуствомъ напалъ на его фланги, что послѣ жаркаго, три часа продолжавшагося сраженія, во время котораго былъ сильно

бавитель Колберга» На оборотѣ обѣихъ Кольбергъ, въ видѣ женщины, увѣнчанной градскою короною, оперппись на щитъ съ гербомъ городскимъ, сидящая у моря, изъ коего возстаетъ чудовище, изрыгающее пламя, изображающее россійскіе и шведскіе флоты. Между чудовищемъ и устрашеннымъ городомъ стоитъ воинъ въ видѣ Персея, держащій въ одной рукѣ мечъ, коимъ, отражая чудовище, принуждаетъ его удалиться, другая покрыта щитомъ съ прускимъ гербомъ и съ надписью: «Дѣла баснословію подобныя. Освобожденная Померанія MDCCLX».

раненъ и взятъ въ плѣнъ драгунскаго Архангельгородскаго полку подполковникъ графъ Витгенштеинъ (отецъ знаменитаго полоцкаго героя)[16], весь прускій корпусъ разбитъ и совершенно разсѣянъ. Убитыхъ, 630 человѣкъ конныхъ; въ плѣнъ взято: вся пѣхота, около 600 конныхъ, 14 оберъ-офицеровъ, подполковникъ командующій Плейтенбергскимъ полкомъ фонъ Марсанъ, обѣ пушки со всѣмъ снарядомъ, и самъ начальствующій отрядомъ генералъ Вернеръ. Таковый блистательный подвигъ Александра Ильича и взятіе въ плѣнъ одного изъ храбрыхъ защитниковъ Колберга много способствовали къ сдачѣ сей важной крѣпости, и послѣ неудачнаго предпріятія принца Виртембергскаго, съ большою потерею отраженнаго, храбрый комендантъ полковникъ Гейде, лишась послѣдней надежды къ помощи, сдался 6-го декабря 1761 года.

За отличное въ сію компанію служеніе, увѣнчанное толь щастливымъ успѣхомъ, Александръ Ильичь не получилъ никакой награды по службѣ; но общее къ нему уваженіе усугубилось, и между весьма многими поздравительными письмами получилъ онъ таковое же отъ любимца императрицы Ивана Ивановича Шувалова, которой, привѣтствуя его съ одержанною имъ побѣдою, увѣрялъ во всеобщемъ и

[16]) Гр. Христіанъ Лудв. Казиміръ *Саинъ Витгенштейнъ Берлебургъ* р. 1725; ум. въ чинѣ ген. поручика 1797. Фельдмаршалъ кн. Петр. Христ. (р. 1769, ум. 1843) былъ его вторымъ сыномъ отъ его перваго брака съ граф. Финкенштейнъ.

лестномъ при дворѣ замѣчаніи и непремѣнномъ награжденіи. Пріятно было для него и то, что могъ замѣтить нѣкоторое чувство ревности, возбужденной въ самомъ главнокомандующемъ; таковая ревность не всегда чужда была великой его душѣ[17]). Онъ весьма холодно изъявилъ побѣдителю свое удовольствіе, и въ донесеніяхъ ко двору написалъ: «между «тѣмъ удалося одному козаку бородатому и самаго «генерала Вернера Вашего Императорскаго Величе«ства военноплѣнникомъ сдѣлать»[18]), когда и въ самой непріятельской реляціи сей случай былъ описанъ слѣдующимъ образомъ: «Генералъ Вернеръ, «видя опасность быть отрѣзаннымъ, вскакалъ подъ «прикрытіемъ эскадрона гусаръ на нѣкоторое воз«вышеніе, чтобы разсмотрѣть положеніе мѣста и «взять нужныя мѣры; но скоро былъ неприятелемъ «примѣченъ и во всю прыть атакованъ; прикрытіе «его было разсѣяно. и какъ въ преслѣдованіи лошадь «подъ нимъ была убита, онъ упалъ и былъ захва«ченъ неприятелемъ, не бывъ однако раненъ.» (Берлинскія газеты 24 сен. 1761 г., № 115).

Сколько ни ходатайствовали доброжелатели Александра Ильича, чтобы доставить ему награжденіе

---

[17]) Примѣрами подобной его *ревности* было его поведеніе съ Репнинымъ, съ Потемкинымъ, съ Суворовымъ, съ Солтыковымъ и пр.

[18]) Впрочемъ въ „Журналѣ корпуса подъ командою генералъ порутчика графа Румянцова 1761 года", подвигъ А. И. описанъ, повидимому, весьма безпристрастно. (См. приложеніе 1).

чиномъ бригадира, на который, исключая оказанныя имъ отличныя услуги, даже и по своему старшинству, имѣлъ онъ неоспоримое право, но неблагорасположеніе къ нему генералъ-фельдцейхмейстера поставило въ семъ непреодолимую преграду. Огорченіе видѣть себя неудостоеннымъ монаршаго благоволенія, имъ столь справедливо заслуженнаго, разстроенное отъ понесенныхъ трудовъ здоровье его, понудившее даже на нѣкоторое время оставить команду, не могли уменьшить то усердіе и ревность, съ коими Александръ Ильичь всегда продолжалъ службу, и, за болѣзнію генерала Берха[19]), вскорѣ потомъ начальствуя надъ его отрядомъ, принималъ уже значительное участіе въ вышеупомянутомъ пораженіи принца Виртембергскаго[20]) (23 ноября), пре-

---

[19]) Максимъ Васил. *Бергъ* ум. 1784 въ чинѣ ген. аншефа. Онъ былъ женатъ на родной племянницѣ знаменитаго Миниха.

[20]) Принцъ (съ 1797 г. герцогъ) *Фридрихъ Евгеній Виртембергскій* р. 1732, ум. 1797. 18-ти лѣтъ отъ роду былъ пострижень къ каноники (онъ былъ римскаго исповѣданія); но увлеченный славою Фридриха В., вступилъ въ его службу и отличился въ семилѣтнюю войну въ Помераніи. Отъ брака съ племянницей Фридриха В. Фредер. Дорот. Соф. Бранденбургъ Шведтской имѣлъ онъ семь сыновей и трехъ дочерей, изъ коихъ старшая, *Софія Доротея* была въ послѣдствіи императрицею Маріею Ѳеодоровною. Онъ самъ и трое изъ его сыновей были андреевскими кавалерами: 1, *Фридрихъ* (съ 1797 герцогъ, съ 1806 король, ум. 1816) ген. поручикъ Екатерины II-й; 2, *Людовикъ* (ум. 1817); 3, *Александръ* (ум. 1833), ген. отъ инф. и главноуправлявшій путями сообщенія въ Россіи (1823—33). Знаменитый генералъ 1812 года *принцъ Евгеній Виртембергскій* (р. 1788, ум. 1857) былъ роднымъ внукомъ герцога Фридриха Евгенія.

слѣдуя его съ легкими войсками взялъ весьма много плѣнныхъ.

Кончина императрицы Елисаветы Петровны, послѣдовавшая 25 декабря 1761 года, спасла прускую монархію отъ неминуемой гибели. Преемникъ ея императоръ Петръ III, преисполненъ особеннаго почитанія къ Фридриху, положилъ предѣлъ побѣдамъ союзниковъ, и не токмо заключилъ миръ, но повелѣлъ войскамъ своимъ стать подъ знамена прускаго героя; однако же, не смотря на сіе, достойнымъ образомъ наградилъ многихъ изъ отличившихся воиновъ, особенно же служившихъ подъ командою графа Румянцова, коему за великіе его таланты и содержаніе въ крѣпкой дисциплинѣ войскъ, чѣмъ весьма сбережены были прускія владѣнія, изъявлялъ отличное благоволеніе. 25 февраля 1762 года Александръ Ильичь произведенъ былъ генералъ-маіоромъ, (чинъ бригадира уничтоженъ); вмѣстѣ съ симъ государь пожаловалъ его шефомъ полка (коего полковникъ былъ предъ симъ другъ и благодѣтель его, Петръ Ивановичъ Панинъ) и полки велѣно называть по имяни ихъ начальниковъ. Александръ Ильичь не имѣлъ возможности принести лично благодарность императору, ибо, до вступленія его съ войсками въ предѣлы Россіи, Провидѣніе вручило всероссійскій скипетръ въ руки безсмертной Екатерины II-й 28 іюня 1762 года.

Отличные подвиги Александра Ильича были уже

извѣстны и обратили вниманіе прозорливой сей государыни. Она пожаловала его въ день коронованія своего, 22-го сентября 1762 года, орденомъ св. Анны.

Въ сіе время получилъ онъ отъ графа П. А. Румянцова письмо, доказывающее, что они уже были въ тѣсной пріязни, не взирая на произшедшее подъ Колбергомъ.

За симъ первымъ отличіемъ, отъ императрицы вскорѣ послѣдовало новое изъявленіе ея уваженія и довѣренности. Соболѣзнуя по врожденному ей милосердію и желая точно узнать о состояніи, въ которомъ находились родственники свергнутаго съ престола бывшаго императора Іоанна, она отправила Александра Ильича въ Холмогоры, (гдѣ содержалось все нещастное семейство, кромѣ Іоанна, заключеннаго въ Шлиссельбургской крѣпости) и предписала объявить принцу Антону Брауншвейгскому[21]), что ему предоставляется свобода выѣхать изъ Россіи

[21]) Принцъ Антонъ Ульрихъ *Брауншвейгскій*, сынъ герцога Фердинанда Альберта Беверискаго и принцессы Антуанеты Вольфенбиттельской, р. 1715; принятъ въ русскую службу полковникомъ (1733); служилъ волонтеромъ при Минихѣ (1737—38); вступилъ въ бракъ съ принцессою Анною Леопольдовною Мекленбургъ Шверинскою (1739); по воспріятіи ею правленія (1740) объявленъ ея соправителемъ съ титуломъ императорскаго высочества и генералиссимусомъ русскихъ войскъ; вмѣстѣ съ нею арестованъ (1731) и содержался попеременно въ Ригѣ, Динаминдѣ, Ранненбургѣ и наконецъ въ Холмогорахъ, гдѣ и ум. 1774. Антонъ Ульрихъ, по матери своей, родной племянникъ императора Карла VI и двоюродный братъ императора Петра II, а по сестрамъ, шуринъ двухъ королей: прусскаго Фридриха II и датскаго Фридриха V, въ теченіи 59-лѣтней жизни, провелъ 33 года въ заключеніи.

и избрать себѣ жилищемъ какое угодно мѣсто, въ которое будетъ онъ препровожденъ со всею почестію и отличіемъ и пристойнымъ сану его содержаніемъ; что же касается до его дѣтей, то государственныя причины, о коихъ онъ въ полной мѣрѣ извѣстенъ, не позволяютъ еще имъ оказать подобнаго снисхожденія *). Невозможно предполагать, чтобъ императрица не предвидѣла рѣшительнаго отказа, но главнѣйшая цѣль сдѣланнаго Александру Ильичу препорученія состояла въ томъ, чтобъ, вошедъ въ довѣренность принца и дѣтей его, узналъ способности, мнѣнія каждаго, о чемъ при началѣ еще не утвержденнаго ея правленія, нужно было имѣть свѣденія. Откровенность, веселый нравъ и ловкое обращеніе уполномоченнаго доставили ему въ семъ совершенный успѣхъ. Но всѣ усилія его склонить принца Антона разлучиться съ дѣтьми были напрасны, а потому Александръ Ильичь старался по крайней мѣрѣ смягчить, даже нѣкоторымъ образомъ усладить его состояніе. Хотя все сіе и дѣйствительно предписано въ данной ему отъ человѣколюбивой государыни инструкціи; но особенная ревность его въ исполненіи сей статьи была такова, что отправился въ обратной путь благословляемъ и осыпанъ живѣйшими знаками уваженія и самой пріязни отъ всѣхъ принцевъ и принцессъ.

Пріѣхавъ въ столицу, Александръ Ильичь изъ-

---

*) См. приложеніе 2.

правиться на мѣсто и стараться возстановить вездѣ спокойствіе и дѣятельное послушаніе. По сродному ей человѣколюбію, въ инструкціи своей предписывала: избѣгать сколько возможно жестокихъ мѣръ и употреблять болѣе увѣщеванія и ласки, стараясь укротить буйство крестьянъ толкованіемъ, что, не повинуясь установленнымъ надъ ними начальствамъ, сопротивляются они не только власти царской, но и самой волѣ Божіей; милосердое сіе расположеніе, столь свойственное истинно монаршей душѣ ея, было, по нещастію, къ прекращенію уже укоренѣлаго зла безуспѣшно. Отряженные отъ князя Вяземскаго чиновники встрѣчали такое сопротивленіе, что употребляя иногда и воинскія команды и доходя даже и до кровопролитныхъ сраженій, съ потерею съ обѣихъ сторонъ не малаго числа убитыми и ранеными, не всегда успѣвали въ покореніи мятежническихъ шаекъ.

Въ сіе время императрица возложила на генералъ-квартирмейстра князя Вяземскаго должность генералъ-прокурора, которую онъ съ отличнымъ усердіемъ и дѣятельностію исправлялъ до конца жизни своей; указомъ 15 декабря 1763 года повелѣла Александру Ильичу поспѣшно отправиться въ путь и, принявъ всѣ дѣла и инструкціи, данныя князю Вяземскому, приступить немедленно къ исполненію по онымъ.

Пріѣхавъ въ Казань 4-го генваря 1764 года, Алек-

сандръ Ильичь, нашедъ уже тамъ по возвращеніи изъ Екатеринбурга князя Вяземскаго, неотлагательно принялъ отъ него возложенное препорученіе, и 8-го того же мѣсяца съ нимъ же послалъ императрицѣ рапортъ о вступленіи въ должность, донося, что первымъ правиломъ поставляетъ требовать, чтобы какъ казенные, такъ и партикулярные приписные къ разнымъ заводамъ крестьяне приступили къ положеннымъ на нихъ работамъ и необинуясь повиновались установленнымъ надъ ними начальникамъ, не отказывая однако ни которому изъ нихъ въ принятіи ихъ благоразсудныхъ просьбъ, и обѣщевая всѣмъ вспоможеніе и удовлетвореніе законныхъ ихъ желаній, но твердо настаивая въ томъ, чтобъ всякой изъ нихъ предварительно покорился и съ послушаніемъ и тщаніемъ исполнялъ возложенныя на нихъ должности и работы; что со всякимъ раченіемъ и неутомимостію стараться будетъ розыскать источники и настоящія причины, возбудившіе сіе столь вредное волненіе въ народѣ, потомъ онъ предприметъ самыя дѣятельныя мѣры не только къ немедленному прекращенію, но и къ конечному ихъ изкорененію; и надѣется съ помощію Божіею достигнуть до приведенія всего края въ вожделѣнное спокойствіе, а заводы въ должный порядокъ и прежнее дѣйствіе.

Не упуская для сего ни мало времяни, Александръ Ильичь, приступивъ немедленно по отъѣздѣ своего предмѣстника къ исполненію сей послѣдней части

своего предположенія и сообразуясь съ данною ему инструкціею, какъ и собственнымъ душевнымъ его расположеніемъ, умѣрилъ сколько возможно строгости и наказанія и, при ласковомъ обхожденіи, всегда правдивымъ и кроткимъ разбирательствомъ старался войти въ довѣренность у крестьянъ, въ чемъ, къ большому удовольствію своему, почти всегда успѣвалъ. По важнѣйшимъ заводамъ самъ проѣзжалъ, а отъ другихъ призывалъ депутатовъ и довѣренныхъ. Симъ способомъ скоро удостовѣрился, что всѣ безпорядки и разстройства проистекли болѣе отъ простоумія въ семъ отдаленномъ и непросвѣщенномъ краю обитающихъ крестьянъ; чѣмъ воспользовались по корыстолюбивымъ видамъ двое злоумышленниковъ, изъ коихъ одинъ, находясь отъ приписныхъ крестьянъ съ прошеніями въ С.Петербургѣ при бергъ-коллегіи, высылалъ оттуда вымышленные имъ указы, или исправленные по своему злому намѣренію печатные манифесты, о которыхъ увѣрялъ, что даны уже сенату и скоро отъ онаго распубликованы будутъ; другой, церковнослужитель, развозилъ сіи бумаги по заводамъ и, разглашая съ твердымъ увѣреніемъ о дарованіи крестьянамъ отъ работъ свободы, угрожалъ даже имъ строжайшими наказаніями, когда тѣмъ повелѣніямъ ослушны окажутся. Сіи вредные замыслы, при помощи немногаго числа сообщниковъ, были главною причиною всего зла, которое тѣмъ быстрѣе распространилось, что находило приписныхъ крестьянъ по-

всюду раздраженныхъ на заводскихъ чиновниковъ, коими изъ лихоимства, богатѣйшія и ближнія къ заводамъ деревни были пропущены въ приписяхъ, дальнія же, состоящія въ 400 и болѣе верстахъ, были приписаны, чрезъ что крестьяне сихъ деревень приведены въ крайнее изнуреніе. Хотя плата имъ за работы, положенная бергъ-коллегіею по возвысившимся на все цѣнамъ была уже весьма недостаточна, но и той, по великимъ безпорядкамъ заводскихъ начальствъ, не имѣвшихъ даже ни книгъ для ращетовъ, ни реэстровъ для нарядовъ, крестьяне не получали; нестерпимымя же наказаніями, коими заводчики принуждали ихъ къ повиновенію, выведены они были совсѣмъ изъ терпѣнія, а ложнымъ толкованіемъ изданнаго указа 21 марта 1762 года, о которомъ выше упомянуто, болѣе поощряемы къ непослушанію.

Вышедъ изъ повиновенія, страшась испытанныхъ ими тяжкихъ истязаній, помыслили явнымъ сопротивленіемъ отъ оныхъ избавиться, или по крайней мѣрѣ ихъ отдалить. По невѣжеству своему они полагали, что всѣ насылаемые имъ повелѣнія и указы, какъ письменные — подложные, довѣряя только тѣмъ, которые развозили возмутители, потому что были печатные*). Александръ Ильичь, узнавъ истинныя при-

*) Далѣе въ сихъ Запискахъ увидимъ какъ, по суевѣрію и крайнему непросвѣщенію жителей сихъ обширныхъ странъ, могутъ они быть вовлечены злоумышленными въ непредвидимыя и опаснѣйшія бѣдствія.

чины народнаго безпокойствія, немедленно приступилъ къ искорененію оныхъ, съ твердостію требуя выдачи ему возмутителей, до чего достигалъ иногда страхомъ приближенныхъ войскъ, а болѣе увѣреніемъ общаго прощенія, даруемаго монаршимъ милосердіемъ, въ чемъ удостовѣрялъ данными ему печатными манифестами, которые разсылалъ во всѣ заводы. Посредствомъ сего возрасло къ нему всемѣстное довѣріе такъ, что требуемые имъ злоумышленники вездѣ были выдаваемы и преданы заслуженной ими торговой казни; но при семъ соображался онъ съ милосердіемъ человѣколюбивой государыни, оказывая снисхожденіе къ легкомыслію и простоумію, а потому и наказанія были до того смягчаемы, что изъ многихъ тысячь мятежническихъ шаекъ не болѣе 20-ти человѣкъ строгое возмездіе преступленіямъ ихъ получили, бывъ сосланы на вѣчныя работы; около 100 человѣкъ, по легкомъ наказаніи, разпущены по домамъ.

Довольно было сихъ примѣровъ для устрашенія общаго и обузданія къ послушанію; введеніемъ же по конторамъ шнуровыхъ книгъ и наблюденіемъ должнаго порядка о нарядахъ работамъ, часть крестьянъ, дѣйствующихъ на заводахъ, въ ихъ трудахъ весьма облегчена. Сими благоразумными распоряженіями водворено было наконецъ въ сей странѣ совершенное спокойствіе, и всѣ казенные, также и частные заводы возъимѣли прежнее дѣйствіе. По при-

чинѣ обширности губерній, заводами занимаемыхъ, Александръ Ильичь, при всей его дѣятельности, не могъ привести сіе къ окончанію прежде ноября мѣсяца 1764 года, и 29-го рапортовалъ въ сенатъ и ея величеству о благоуспѣшномъ исполненіи повелѣннаго и испрашивалъ позволенія возвратиться въ столицу.

Не могу не упомянуть, что въ числѣ приведенныхъ въ выгоднѣйшее противъ прежняго дѣйствіе заводовъ, значительнѣйшіе принадлежали людямъ неблагопріятствующимъ и причинившимъ Александру Ильичу непріятности и самый вредъ. Сіи то преимущественно старался онъ привести въ лучшій порядокъ. Не рѣдко также по личнымъ выгодамъ разныхъ селеній или заводчиковъ предлагаемы были ему знатныя денежныя суммы, которыя, по недостаточному его состоянію, послужили бы ему великимъ пособіемъ, но онъ всегда съ презрѣніемъ отвергалъ таковыя приношенія и самымъ ближнимъ къ нему о томъ едва упоминалъ. Сіи безкорыстные его поступки и понесенные имъ труды не могли сокрыты быть отъ императрицы. Она соизволила на возвращеніе его въ Петербургъ и, скоро по пріѣздѣ, то есть 1-го числа генваря 1765 года, пожаловала его гвардіи Измайловскаго полка въ секундъ-маіоры. Благорасположеніе государыни простерлось до того, что хотѣла украсить его орденомъ Св. Александра Невскаго: но Александръ Ильичь просилъ удостоить сей наградою отца его, уже нѣ-

сколько лѣтъ отъ службы уволеннаго. Великодушная монархиня на сей отцелюбивый поступокъ соблаговолила; почтительный сынъ имѣлъ счастіе поддерживать престарѣлаго своего родителя, при возложеніи на него орденскихъ знаковъ 13-го марта 1765 года и вмѣстѣ съ нимъ повергнуться къ стопамъ августѣйшей благодѣтельницы.

Сими неоднократными опытами доказалъ Александръ Ильичь, что благородство души его соотвѣтствуетъ дарованіямъ и усердію, тѣмъ усугубилъ къ себѣ монаршую довѣренность и благоволеніе, и получилъ новое оныхъ доказательство. Съ самой кончины польскаго короля Августа III (въ октябрѣ 1763 года) зачавшіяся въ королевствѣ обыкновенныя въ междуцарствіяхъ безпокойствія побудили императрицу подвинуть къ границамъ свои войски, и даже ввести ихъ въ Литву и самую Польшу. Посредствомъ сего и по согласію ея съ королемъ прускимъ уничтожены были всѣ козни и происки французскаго министерства. Желаніе союзныхъ дворовъ, чтобы былъ избранъ на престолъ Піястъ, то есть природный Полякъ, было исполнено, и графъ Понятовскій, снискавшій предъ симъ, во время своего посольства въ Россію, отличную милость императрицы, единогласнымъ избраніемъ (7-го сентября 1764 года) провозглашенъ былъ, подъ именемъ Станислава Августа, королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ и коронованъ съ приличными обрядами 25-го ноября того же года. Но вскорѣ потомъ, не

смотря на сіе единогласіе, возникшіе повсюду конфедераціи и мятежи потрясали неутвержденный еще престолъ новоизбраннаго короля, и, вопреки всѣмъ представленіямъ императрицы, многими и значительнѣйшими членами сейма, благовидное ея предложеніе о общемъ вѣротерпѣніи греческихъ и лютеранскихъ исповѣданій въ Польской республикѣ было съ буйствомъ отринуто. Всѣ политическія старанія, даже и строгія мѣры, употребляемыя знаменитымъ по его талантамъ россійскимъ посломъ, княземъ Репнинымъ[24]), не могли возстановить спокойствія въ предѣлахъ польскихъ. Императрица, по ожидаемымъ ею обстоятельствамъ, почла за нужное утвердить границы между обоихъ государствъ и для того, указомъ 19-го марта 1765 года, предписала генералъ-порутчику Веймарну [25]) объѣхать съ генералъ-маіоромъ Бибиковымъ

---

[24]) Кн. Никол. Васил. *Репнинъ* р. 1734, участвовалъ въ походѣ на Рейнъ (1748) и въ семилѣтней войнѣ (1753—61): командовалъ войсками въ Молдавіи и Валахіи (1769—71 и 1789) и въ Литвѣ (1794), покорилъ Килію (1770) и побѣдилъ Турковъ подъ Галацомъ (1791) былъ ген. губернаторомъ смоленскимъ (1777), орловскимъ (1778), псковскимъ (1781), эстляндскимъ и лифляндскимъ (1792). Но особенно прославился полновластнымъ своимъ вліяніемъ на польскія дѣла въ бытность свою полномочнымъ министромъ въ Варшавѣ (1763—69); былъ въ томъ же званіи въ Берлинѣ (1762) и Константинополѣ (1775); подписалъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ; пожалованъ Павломъ I въ фельдмаршалы (1796): ум. 1801.

[25]) Ген. поручикъ Ив. Ив. *Веймарнъ*, р. 1722, ум. 1792, отличился въ семилѣтнюю войну; потомъ командовалъ войсками въ Сибири; назначенъ главнокомандующимъ русскими войсками въ Польшѣ (1764) но въ 1772 г. отозванъ (см. ниже); ум. 1792 въ отставкѣ. Веймарнъ считался однимъ изъ образованнѣйшихъ ге-

ника. Между тѣмъ доносилъ управлявшему военной коллегіей графу Захару Григорьевичу Чернышеву о состояніи линѣйныхъ и ландмилицкихъ полковъ, и что для храненія границъ, они расположены весьма не выгодно, особенно же полки кавалерійскіе, которые раздѣлены были на малые отряды, никогда ни кѣмъ не осматриваемые, отъ чего находились въ весьма дурномъ и даже нещастномъ состояніи. При семъ, по свойственному своему усердію и откровенности, почелъ должностью донести, вопреки всѣхъ прежнихъ ласкательныхъ разсказовъ, представляющихъ щастливое положеніе Новой Сербіи[26]) и установленныхъ тамъ поселеній императрицею Елисаветою Петровною въ 1754 году, что нашелъ ихъ въ самомъ невыгодномъ состояніи какъ по безводію и безлѣсію сего края, такъ и по крайней бѣдности поселянъ, весьма мало земледѣліемъ, а почти безъ изъятія скотоводствомъ занимающихся и, по обширности границъ, подверженныхъ при разрывѣ съ Портою набѣгамъ Бѣлгородскихъ и Бугжутскихъ Татаръ[27]);

---

[26]) *Новою Сербіею* называлась съ 1751 года страна, лежащая у бывшей Польской границы, вдоль по рр. Тясминѣ, Высу и Синюхѣ и по вершинамъ рр. Ингула и Ингульца: на ней были поселены Сербы, вышедшіе изъ Австріи подъ предводительствомъ полк. Хорвата, примѣру коего послѣдовали полковники Шевичь и Депрередовичь, заселившіе нѣсколькими тысячами Славянъ *Славяно-Сербію*, т. е. страну на правомъ берегѣ Донца между рр. Бахмутомъ и Луганчикомъ.

[27]) *Буджатскіе* или *Бугжутскіе* Татары кочевали около Аккермана (Бѣлаго города), почему назывались также *Бѣлогородскими*.

для защиты же отъ оныхъ достаточнаго числа регулярныхъ войскъ никогда въ сихъ мѣстахъ содержать было невозможно, потому что селеній весьма мало, а укрѣпленное мѣсто только одно, весьма слабая крѣпость Св. Елисаветы[28]). Учрежденные же тамъ ландмилицкіе и пикинерные полки, по худому ихъ образованію, не могли противустоять нападеніямъ Татаръ*). О польскихъ границахъ Александръ Ильичь доносилъ управляющему иностранными дѣлами графу Никиту Ивановичу Панину, что онѣ состоятъ не токмо въ прежнихъ невыгодныхъ для Россіи положеніяхъ, но еще во многомъ ослаблены и упущены противъ установленныхъ въ трактатѣ о вѣчномъ мирѣ, заключенномъ въ Москвѣ 1686 года въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичевъ, въ утвержденіе Андрусовскихъ договоровъ, уполномоченными съ россійской стороны оберегателемъ большой печати и

Они происходили отъ Ногаевъ, покоренныхъ въ 1715 г. Калмыцкимъ ханомъ Аюкою и въ 1724 г., послѣ его смерти, откочевавшихъ въ Крымъ, за Кубань и за Днѣпръ. Буджатская орда покорилась Россіи въ 1770 году.

[28]) Нынѣшній Елисаветградъ.

*) Истина сего донесенія, оставленнаго безъ дальняго вниманія, вскорѣ доказана была плачевнѣйшимъ образомъ. При самомъ началѣ войны съ Портою въ 1768 годѣ, Татары, подъ предводительствомъ ихъ хана Султана Гирея ворвавшись въ Новую Сербію и опустошивъ едва только обработанныя ея земли, успѣли предать поселенія огню и мечу и увезти съ собою многочисленныхъ плѣнныхъ, прежде нежели пришли россійскія войска.

государственныхъ дѣлъ, княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ и бояриномъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, а съ польской стороны короля Яна III Собіескаго сенаторомъ Гримультовскимъ и Александромъ княземъ съ Козельска-Огинскимъ.

Невозможно, кажется, при семъ случаѣ не удивиться, что россійскій кабинетъ, многими искусными министрами управляемый и находящійся въ выгодномъ противъ Польши положеніи въ теченіи столь долгаго времени не обращалъ вниманія на невыгодность нашихъ границъ, ни въ царствованіе Петра I-го, когда сей великій государь могущественною рукою возстановлялъ на престолъ союзника своего Августа II; ни при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, когда россійскія войски подъ начальствомъ знаменитаго ихъ предводителя фельдмаршала графа Миниха, наводняя всю Польшу, предписывали симъ гордымъ республиканцамъ изгнаніе провозглашеннаго уже ими Станислава и признаніе Августа III; ни во время семилѣтней войны при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, когда она сего же самаго государя столь великодушно всѣми своими силами защищала отъ нападенія Фридриха II; однимъ словомъ, при всѣхъ щастливыхъ для Россіи обстоятельствахъ, границы ея съ Польшею оставались въ томъ же худомъ положеніи. Необходимость сіе исправить не укрылась отъ предусмотрѣнія Екатерины Великой; быстрое теченіе произшествій дало сему дѣлу совсѣмъ новый оборотъ.

По успѣшномъ окончаніи возложеннаго на нихъ порученія, генералъ-поручику Веймарну предписано было начальствовать пограничными и скоро потомъ вступившими въ Польшу войсками, а генералъ-маіоръ Бибиковъ призванъ былъ въ Петербургъ, привезъ съ собою подробное донесеніе о исполненіи общей съ его сотрудникомъ коммисіи, принятъ былъ съ особеннымъ благоволеніемъ, и въ скоромъ времени получилъ доказательство онаго; 18-го мая 1766 года произведенъ въ генералъ-поручики. Здѣсь съ восхищеніемъ замѣтить можно нѣкоторое преніе между вѣрнымъ служеніемъ подданнаго и непремѣнными за оное отъ великодушнѣйшей государыни возмездіями, въ числѣ коихъ изъ самыхъ лестныхъ почитаемо было ея, такъ сказать, очаровательное благоснисхожденіе.

По пріѣздѣ въ столицу Александръ Ильичь засталъ оную и весь дворъ занимающимися пріуготовленіями къ пышной карусели, по повелѣнію императрицы назначенной и 14-го іюля 1766 года съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ въ дѣйствіе произведенной. На четыре кадриля раздѣленные, въ римскихъ, турецкихъ, индѣйскихъ и славянскихъ одѣяніяхъ, болѣе величественнымъ видомъ, красотою и ловкостію нежели покрывающими ихъ драгоцѣнными каменьями, отличающіеся дамы и кавалеры сраженіями и турнирами воспоминали времена древняго рыцарства. Александръ Ильичь находился въ числѣ выбранныхъ судей; первый изъ нихъ, озаренный кроткими лучами непоко-

лебимой твердости души въ превратномъ щастіи, покрытый лаврами протедшихъ побѣдъ (по словамъ Фридриха II «россійскій принцъ Евгеній»), старѣйшій фельдмаршалъ въ Европѣ, Бургардъ графъ Минихъ[29]), стоялъ на возвышеніи въ центрѣ амфитеатра; по окончаніи рыцарскихъ игръ, сказалъ на француском҃ языкѣ краткую рѣчь и заключилъ оную сими словами: «Я, посѣдѣвшій подъ шлемомъ старый воинъ, служащій 65 лѣтъ, имѣвшій щастіе предводительствовать россійское воинство къ побѣдамъ, почитаю сію минуту драгоцѣннѣйшею наградою за труды мои, и горжусь, благородные дамы и кавалеры! будучи нынѣ не только свидѣтелемъ, но и судьею вашихъ блистательныхъ подвиговъ.»[30])

Сказавъ сіе, вручилъ первый призъ графинѣ Чернышевой*) и просилъ ее роздать прочіе.

---

[29]) Графу Миниху было въ то время 83 года отъ рожденія; званіе фельдмаршала получилъ онъ за 44 года передъ тѣмъ (1732).

[30]) Произнесенныя Минихомъ на этомъ каруселѣ рѣчи, см. въ приложеніи 4.

*) Нынѣ двора ихъ величествъ штатсъ-дама княгиня Наталья Петровна Голицына[31]).

[31]) Княгиня Наталья Петровна *Голицына*, дочь замѣчательнаго дипломата гр. Петра Григ. Чернышева, а, по матери, родная внука извѣстнаго начальника тайной канцеляріи гр. Андрея Ив. Ушакова, род. 17 янв. 1741 и скончалась, *переживъ семь царствованій*, 20 дек. 1837. Родная племянница обоихъ фельдмаршаловъ графовъ Захара и Ивана Григ. Чернышевыхъ, княгиня Наталья Петровна была матерью приснопамятнаго начальника Москвы, князя Дмитрія Владиміровича Голицына и двухъ дочерей: Катерины Влад. Апраксиной (род. 1767, ум. 1854) и граф. Софіи Владим. Строгановой (род. 1774, ум. 1845), которыя, вмѣстѣ съ

Императрица, какъ видно, назначила сіи великолѣпныя игры въ намѣреніи нѣсколько отвлечь всеобщее вниманіе отъ неудовольствія и впечатлѣній, произведенныхъ несчастною участью и бѣдственною кончиною бывшаго императора Ивана Антоновича и казнью Мировича и его сообщниковъ[32]). Вскорѣ премудрая Екатерина предъ лицемъ всего свѣта доказала, что не однимъ токмо блескомъ и пышностію двора намѣрена занимать своихъ подданныхъ, и обратила всеобщее ихъ вниманіе на дѣло, къ собственному ихъ благоденствію относящееся*).

долголѣтіемъ своей родительницы, наслѣдовали и то всеобщее уваженіе, которымъ она пользовалась.

[32]) *Іоаннъ*, сынъ принца Антона Ульриха Брауншвейгъ-Бевернскаго и принцессы Анны Леопольдовны Мекленбургъ-Шверинской, род. 12 авг. 1740; по завѣщанію Анны Іоанновны 17 окт. того же года объявленъ императоромъ, а 24 нояб. 1741 арестованъ вмѣстѣ съ своими родителями, съ которыми и заключенъ сперва въ рижскую, потомъ въ динаминдскую крѣпости; потомъ разлученъ съ ними и посаженъ въ шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ умерщвленъ 5 іюля 1764, по случаю попытки подпоручика Мировича возвратить ему свободу и престолъ. Въ 1756 г. Иванъ Антоновичъ былъ привезенъ въ Петербургъ гр. П. И. Шуваловымъ для удовлетворенія любопытсва Елисаветы Петровны; а въ 1762 г. его посѣщалъ Петръ III-й.

*) Въ сіе время король прускій Фридрихъ II писалъ къ посланнику своему при россійскомъ дворѣ графу Сольмсу слѣдующее: «Древнія лѣтописи представляютъ великихъ женъ Семирамиду и Зеновію, благоуспѣшно предводительствующихъ войсками; другія, между коими славится англинская королева Елисавета, признаны искусными въ политикѣ и въ управленіи своего народа; но единой изъ женъ Екатеринѣ предоставлено было Провидѣніемъ быть законодательницею многочисленныхъ своихъ подданныхъ.»

«шать законы нами вновь изданные, находить въ «оныхъ недостатки, дать свои мнѣнія и замѣчанія и «тѣмъ способствовать поправленію законовъ, спо«спѣшествовать собственному и общему благу. Симъ «учрежденіемъ даемъ мы нашему народу опытъ на«шего чистосердечія, великія довѣренности къ оному «и прямыя материнскія любви.» Великая государыня желала доказать, что не только словами, но и на самомъ дѣлѣ оправдываетъ она достойный ея титулъ матери, и для того, чтобъ лично удостовѣриться самой о точномъ состояніи всѣхъ провинцій и городовъ обширнѣйшей своей имперіи, она еще въ предшедшемъ году осматривала нѣкоторыя нѣмецкія провинціи, а теперь, какъ срокъ пріѣзда депутатамъ положенъ былъ шестимѣсячный, желая употребить сіе время на новое путешествіе, предположила изъ Твери идти по Волгѣ до Казани. Между тѣмъ Александру Ильичу повелѣла отправиться въ Кострому, гдѣ онъ присутствовалъ при выборѣ предводителей и депутатовъ въ коммисію новаго уложенія.

Марта 8-го онъ доносилъ Ея Величеству о благоуспѣшномъ сего дѣла исполненіи, о избраніи его самого въ депутаты и о душевной благодарности, преисполняющей сердца всѣхъ сословій при столь необычайномъ довѣріи и милости монаршей.

По инструкціи, самимъ имъ составленной, легко примѣтить можно, сколько извѣстны были ему намѣренія государыни, ибо почти безъ изъятія все, отъ

него предлагаемое и отъ костромскихъ его сограждань утвержденное, не только принято, но и обращено въ постановленіе*).

Съ сими инструкціями, Александръ Ильичь явился къ императрицѣ въ Москву; потомъ, возвратясь въ Кострому 12 мая, предварилъ пріѣздъ ея въ сей городъ, и когда Ея Императорское Величество съ 5-ю чужестранными министрами**), многочисленною свитою и дворомъ на галерахъ прибыла 15-го мая, имѣлъ щастіе ее привѣтствовать отъ лица своихъ согражданъ и уподобилъ въ рѣчи своей вождѣленное ея прибытіе тому благополучному для сего края времени, когда въ семъ же городѣ въ Ипатіевскомъ монастырѣ избранъ былъ на россійскій престолъ Михайла Ѳедоровичь, и воцареніемъ Романовыхъ возстановлено и утверждено было благоденствіе Россіи***).

Скоро по семъ удостоенъ былъ Александръ Ильичь новаго знака милости императрицы. Она соблаговолила посѣтить (17 мая) деревенскій домъ его на берегу Волги, откушать, принять отдохновеніе, и осыпавъ отца и все семейство ощастливленнаго хозяина изъявленіями

*) Нѣкоторыя же статьи, напримѣръ, о воспрещеніи какъ въ наслѣдствѣ, такъ и въ продажѣ раздробленія деревень въ дворянскихъ имѣніяхъ, продажи семьями и по одиначкѣ крѣпостныхъ даже и въ рекруты, были не утверждены, а оставлены впредь на благопріятственное время; также и установленіе о вольныхъ крестьянахъ почти на самыхъ тѣхъ же правилахъ, на коихъ нынѣ свободные хлѣбопашцы.

) См. приложеніе 5. *) См. приложеніе 6.

благоволенія, продолжала путь*). Тогда Александръ Ильичь причисленъ былъ къ свитѣ Ея Величества, и съ нѣкоторыми изъ знатнѣйшихъ ея чиновниковъ участвовалъ въ достойномъ занятіи Екатерины въ свободные часы сего плаванія, въ переводѣ Мармонтелева Велизарія. Въ самое то время, какъ французское духовенство и Сорбона осуждали сіе философическое сочиненіе на сожженіе, императрица посвящала преложеніе онаго одному изъ первѣйшихъ пастырей въ россійскомъ духовенствѣ. Александръ Ильичь перевелъ главу 13-ю**), особеннаго примѣчанія достойную. Въ оной Велизарій, наставляя молодаго Тиверія о должностяхъ государя, между прочимъ говоритъ, что однимъ непоколебимымъ правосудіемъ, утвердивъ благосостояніе подданныхъ, достигнетъ общаго ихъ благоговѣнія и любви.

По собраніи депутатовъ въ Москву, въ числѣ 652, всѣмъ даны для ношенія въ петлицѣ на золотой цѣпочкѣ золотыя овальныя медали, съ изображеніемъ на одной сторонѣ вензеловаго Ея Императорскаго Величества имени, а на другой пирамиды, увѣнчанной императорскою короною, съ надписью: «Блаженство каждаго и всѣхъ»; а внизу «1766 годъ декабря 14 день»; и данъ указъ, коимъ всѣ депутаты навсегда избавляются отъ смертной казни, пытокъ и конфискацій ихъ имѣнія, кромѣ собственныхъ дол-

---

*) См. приложеніе 7. **) См. приложеніе 8.

говъ, особа же ихъ во время засѣданія охраняется отъ всякихъ обидъ двойнымъ штрафомъ противъ равныхъ имъ чиновниковъ*).

30-го іюня (1767 года) депутаты, предводимые генералъ-прокуроромъ (княземъ Вяземскимъ)[33]), торжественно ходили въ Успенскій соборъ, гдѣ, отслушавъ обѣдню и молебенъ о призваніи въ помощь Святаго Духа, и принявъ благословеніе святѣйшаго синода, были допущены на аудіенцію къ императрицѣ[34]) и, привѣтствовавъ ее рѣчью, просили позволенія приступить къ начатію великаго ихъ дѣла, и получили отъ Ея Величества: 1-е, знаменитѣйшій наказъ, возбудившій похвалу и удивленіе всей Европы; 2-е, обрядъ, который коммисія должна соблюдать при сочиненіи проэкта новаго уложенія; въ заключеніе сего обряда, между прочимъ, сказано: «подтверждается «исполнять всѣ предписанныя правила онаго съ стро«гою точностію, ибо ни одно слово въ немъ не на«писано безъ того намѣренія, чтобъ довести поря«дочно сіе великое дѣло къ концу. Итакъ не мо«жемъ думать, чтобъ нашелся единый, который бы «не предпочиталъ важное въ своемъ предметѣ намѣ«реніе своевольнымъ какимъ ни есть выдумкамъ или «гордости и упрямству страстей, а естьли, паче чаянія

---

*) См. приложеніе 9.

[33]) Кн. А. А. Вяземскій былъ предсѣдателемъ коммисіи о составленіи новаго уложенія.

[34]) Аудіенція эта происходила въ Грановитой палатѣ.

«изъ сихъ источниковъ сему обряду какая будетъ
«помѣха, то чрезъ сіе объявляемъ: — Да будетъ ему
«стыдно — и всей коммисіи неудовольствіе на себѣ да
«понесетъ. Напротивъ же того, мы ожидаемъ несо-
«мнѣнно, что всѣ вообще вѣрными нашими поддан-
«ными по присягѣ выбранные въ сей важной ком-
«мисіи депутаты, и каждый изъ нихъ наполненъ вѣр-
«ностію и любовію къ престолу, ревностію къ оте-
«честву и послушаніемъ къ предписаніямъ, ведущимъ
«всѣхъ къ благоденствію; и что они покажутъ нашему
«вѣку, яко не уступаютъ предкамъ въ уваженіи и
«ненарушеніи драгоцѣннаго стариннаго слова: — да бу-
«детъ мнѣ стыдно». 3-е, Данный генералъ-прокурору
наказъ, по которому и маршалу (то есть предводи-
телю) предписано поступать. Въ одномъ изъ до-
стойныхъ замѣчанія пунктовъ (въ 12-мъ) сказано:
«Однимъ словомъ, вся наука законовъ состоитъ въ
«обращеніи людей къ добру, въ препятствованіи и
«уменьшеніи зла, и въ отвращеніи той безпечности,
«коя послѣдуетъ во всемъ правительствѣ отъ при-
«вычки и нерадѣнія, къ чему обороною служитъ за-
«конъ общій безъ изъятія лицъ, невозможность из-
«быть отъ повелѣннаго въ ономъ и поспѣшность въ
«наказаніи. Въ сихъ словахъ заключены тѣ правила,
«изъ коихъ всѣ прочія узаконенія изтекаютъ.»

Когда на другой день, то есть 31-го іюля, воспо-
слѣдовало первое полное собраніе всѣхъ депутатовъ,
генералъ-прокуроръ предложилъ имъ, что время при-

ступило къ выбору ихъ предводителя. Должность сего чиновника была весьма важна, ибо онъ предсѣдательствовалъ какъ въ большихъ собраніяхъ, такъ и во всѣхъ отдѣленныхъ коммисіяхъ, и безъ приеутствія его или генералъ-прокурора были они недѣйствительны; отъ него зависѣло предлагать дѣла и останавливать ихъ теченіе; ударомъ жезла своего могъ онъ разрушать или возобновлять собраніе; онъ подавалъ всѣ доклады и получалъ на оные монаршее рѣшеніе; и долженъ былъ имѣть крѣпкое наблюденіе, чтобы коммисія, учрежденная для сочиненія проэкта новаго уложенія, ни въ чемъ другомъ не упражнялась какъ въ томъ, для чего она установлена, то есть въ сочиненіи сего проэкта.

Собраніе, въ исполненіе 4-го пункта предписаннаго въ обрядѣ порядка, избрало кандидатами въ сію должность вяземскаго депутата графа Ивана Григорьевича Орлова, волоколамскаго депутата графа Захара Григорьевича Чернышева, и костромскаго депутата Александра Ильича Бибикова; на представленіи о семъ, 2-го августа императрица соизволила надписать: «г. Орловъ самъ проситъ увольненія; г. Чернышевъ, «занятъ будучи многими должностями, не можетъ «сего принять: утверждаю предводителемъ депутата «Александра Бибикова»*).

*) Императрица, кажется, прежде предположила сіе, ибо обрядъ управленія коммисіи и наказъ генералъ-прокурору и маршалу сочиненъ былъ Александромъ Ильичемъ.

По возвѣщеніи о семъ высочайшемъ утвержденіи, генералъ-прокуроръ вручилъ жезлъ новоизбранному маршалу, который произнесъ рѣчь*).

По окончаніи сей рѣчи, собраніе ознаменовало засѣданіе свое раздѣленіемъ депутатовъ въ разныя коммисіи, коихъ было 19**). Депутатскому маршалу и генералъ-прокурору назначено было предсѣдательствовать (какъ выше уже сказано) не только въ большомъ собраніи, но и во всѣхъ частныхъ коммисіяхъ, а графъ Андрей Петровичь Шуваловъ[35]) опредѣленъ былъ директоромъ дневныхъ записокъ или журналовъ***). Распредѣливъ такимъ образомъ чиновниковъ къ ихъ должностямъ, по предложенію маршала приступили къ чтенію даннаго имъ большаго наказа. Наказъ сей, вѣчный памятникъ мудрости Екатерины, столько имѣетъ видовъ и столько объемлетъ предметовъ, что можно назвать оный всеобщимъ законоположеніемъ и всѣмъ земнымъ обладателямъ наставленіемъ. По выслушаніи сего наказа, депутаты, пораженные великодушіемъ самодержицы, отступающей отъ первыхъ своихъ правъ и возлагающей оныя на депутатовъ своего народа, и восхищенные человѣколюбіемъ

*) См. приложеніе 10. **) См. приложеніе 11.

[35]) Гр. А. П. *Шуваловъ*, сынъ гр. Петра Ив., род. 1742, ум. 1789 дѣйств. тайн. совѣтникомъ и сенаторомъ; извѣстенъ особенно похвалами, которыя были воздаваемы его французскимъ стихамъ тогдашними французскими писателями.

***) Однимъ изъ письмоводителей при немъ былъ Михайла Ларіоновичь Голенищевъ-Кутузовъ, князь Смоленскій.

монархини, отмѣняющей постыдныя и жестокія истязанія пытокъ и конфискацій, и установляющей, «что «лучше спасти десять виновныхъ, нежели наказать «одного невиннаго, и что преступленіе, бывъ личное, «не должно изыскивать и наказывать какъ на самыхъ виновникахъ»*); преисполненные къ ней душевной благодарности, единодушно возжелали поднести ей титулъ: «Екатерины Великой, Премудрой и матери отечества» и въ опредѣленіи своемъ, 9-го августа, такъ изъяснились: «Вѣдаемъ мы совершенно, «что сіи изъявленія нашей благодарности не могутъ «придать Ея Величеству ни большей славы, ни большаго сіянія, но они украсятъ насъ и вѣкъ нашъ. «Скажутъ будущія времена, что обладала нами им«ператрица, не въ обширности пространнаго госу«дарства, не въ самодержавной власти величество «свое полагающая, но въ одномъ томъ, чтобъ сдѣ«лать безчисленный народъ, скипетръ ея лобызающій, «сколь можно по человѣчеству добродѣтельнѣйшимъ «и благополучнѣйшимъ въ свѣтѣ, императрица не«обыкновенно сказавшая, что не народъ для ея, но «она для своего народа сотворена, котораго щастіе «предпочитаетъ и дражайшей своей жизни, едино«душно нами за неоцѣненное наше щастіе призна«ваемое.»

*) Не о сей ли боготворимой государынѣ восклицалъ остроумный англинскій философъ Попе: «Изъ всѣхъ правленій лучшее было бы самодержавіе Ангела!»

12 августа Александръ Ильичь, въ качествѣ маршала депутацій, предсталъ со всѣмъ собраніемъ депутатовъ предъ сидящею на тронѣ императрицу, дабы отъ лица сената и всего россійскаго народа торжественно поднести титулъ ей совершенно слѣдующій. При семъ случаѣ достойно примѣчанія, что Александръ Ильичь, не взирая на обыкновенное милостивое съ нимъ обращеніе императрицы, и хотя еще наканунѣ предварительно предъ нею прочелъ часть пріуготовленной рѣчи, однакоже важность сей торжественной минуты и взоръ августѣйшей монархини, облеченныя во всемъ блескѣ императорскаго сана, привело его въ невольное смущеніе, и онъ съ трудомъ могъ начать свою рѣчь*).

По окончаніи ея, государственный вицъ-канцлеръ князь Голицынъ[36]), отъ лица императрицы отвѣтствовалъ, что Ея Императорское Величество тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ принимаетъ изображенную отъ господъ депутатовъ чувствительность, что она подаетъ ей надежду твердостію, съ которою исполнять будутъ на нихъ возложенное дѣло, и до ка-

---

*) См. приложеніе 12.

[36]) Кн. Александръ Мих. *Голицынъ*, р. 1723, ум. 1807, пожалованъ Петромъ III въ тайные совѣтники и вице-канцлеры: съ 1773 г. дѣйств. тайный сов. и оберъ камергеръ. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ одноименнымъ ему фельдмаршаломъ: отцы ихъ были родные братья и также одноименны — отецъ фельдмаршала былъ фельдмаршалъ же, князь Мих. Мих. *старшій;* отецъ вице-канцлера былъ генералъ-адмиралъ кн. Мих. Мих. *младшій*.

кой степени благородныя сердца могутъ простерть ревность и добродѣтели, когда имѣютъ случай утверждать блаженство рода человѣческаго, и отъ всего сердца желаетъ, чтобы Царь царствующихъ укрѣпилъ ихъ въ ихъ благихъ мысляхъ, помогъ, и утвердилъ во всѣхъ трудныхъ предпріятіяхъ. За симъ Екатерина изустно прибавила:

«О званіяхъ же, кои вы желаете, чтобъ я при-«няла, на сіе отвѣтствую: 1-е *Великая:* о моихъ «дѣлахъ оставляю времени и потомкамъ безпри-«страстно судить; 2-е *Премудрая:* никакъ себя «назвать не могу, ибо одинъ Богъ премудръ; 3-е «*Матери Отечества:* любить Богомъ врученныхъ мнѣ подданныхъ, я за долгъ званія моего «почитаю, и быть любимою отъ нихъ, есть все мое «желаніе»[37]).

Актъ сего поднесенія и августѣйшій отвѣтъ, хранящіеся въ Сенатѣ, пребудутъ навсегда неопровергаемыми свидѣтельствами народной признательности, нелицемѣрной любви и усердія къ монархинѣ и великодушія безсмертной Екатерины II*). Симъ до-

[37]) Во время отсутствія императрицы изъ С. Петербурга въ 1780 году, нѣкоторые изъ сановниковъ вновь согласились поднести ей титулы *Великой* и *Матери Отечества* и соорудить врата для ея въѣзда. Екатерина вновь отклонила это поднесеніе и даже въ письмѣ своемъ на имя главнокомандовавшаго въ столицѣ, фельдмаршала кн. А. М. Голицына выразила свое неудовольствіе „за упражненіе въ подобныхъ выдумкахъ.“ (См. въ письмахъ № 52).

*) См. приложеніе 13.

стопамятнымъ произшествіемъ открылось знаменитое собраніе депутатовъ.

Александръ Ильичь, пламенѣя неограниченною любовію и усердіемъ къ отечеству, прилагалъ всевозможнѣйшіе способы и старанія къ вспомоществованію сему великодушному предпріятію государыни и употреблялъ самыя дѣятельныя средства для направленія всѣхъ умовъ къ единой сей щастливой цѣли, душевно въ полной мѣрѣ чувствуя всю важность сего единственнаго въ своемъ родѣ дѣла*).

Императрица, часто присутствуя невидимою при засѣданіяхъ, не отлагательно изъявляла Александру Ильичу свои замѣчанія краткими своеручными записками. Я приложу здѣсь нѣкоторые изъ драгоцѣннѣйшихъ сихъ отрывковъ, преисполненныхъ глубокомысліемъ, остроуміемъ и знаніемъ человѣческаго сердца.

Восхищенные ея добродѣтелями и великодушіемъ, депутаты часто не могли воздержать себя отъ похвалъ, но Екатерина возбраняла сіе; она, слыша сіе, написала къ Александру Ильичу:

«Я имъ велѣла дѣлать разсмотрѣніе законовъ, а «они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ».

---

*) Находившійся въ сіе время при датскомъ дворѣ посланникомъ другъ его, генералъ-маіоръ М. М. Филозофовъ, признавая сколь затруднительны обстоятельства, въ которыхъ находится Александръ Ильичь, писалъ къ нему нѣсколько писемъ (*отрывки изъ коихъ см. подъ №№ 34—37*).

Слѣдующимъ предписаніемъ оправдывала истину изрѣченій Александра Ильича, что «премудрая и человѣколюбивая императрица о томъ главнѣйшее и всегдашнее попеченіе имѣетъ, чтобы свободнымъ мыслію и языкомъ собраніемъ руководствовать».

Видя, что маршалъ съ жаромъ настаиваетъ о исполненіи нѣкотораго своего предложенія, такъ сіе остановила: «Бога для не спѣшите, оставить было «на столѣ и взять время, ибо скажутъ, что вы ихъ «приневоливаете»*).

Въ сіе же время писала слѣдующее: «Господинъ «предводитель! При семъ посылаю къ вамъ журналы «Англійскаго парламента, дабы вы могли приказать «оные прочесть тому, кому поручите сдѣлать выпи- «ску ежемѣсячную изъ вашихъ дневныхъ записокъ, «для напечатанія при вѣдомостяхъ. «Екатерина.»

Желая подать краткія и весьма ясныя правила для собиранія голосовъ депутатскихъ, не выпуская никогда изъ виду непрегражденія вольности въ разсужденіяхъ, соблюдая сколь возможно порядокъ и благочиніе въ засѣданіяхъ, она прислала ихъ съ яхты 13 іюля 1768 года**).

---

*) Обѣ сіи записки были написаны карандашемъ на лоскуткѣ бумаги.

**) Императрица, намѣреваясь возвратиться изъ Москвы въ Санктъ-Петербургъ, закрыла собраніе депутатовъ 14-го декабря 1767 года, и прибывъ въ Петербургъ 28 января 1768 года, открыла собраніе съ приличнымъ торжествомъ февраля 18-го. (Правила см. въ прил. 14).

Депутаты завоеванныхъ провинцій, и въ особенности Лифляндскіе, настаивали о подтвержденіи древнихъ ихъ привиллегій, данныхъ имъ прежними ихъ владѣтелями, не внимая изъясненныхъ Дирекціонною коммисіею наставленій, въ которыхъ между прочимъ старались согласить всѣхъ, дѣйствовать къ цѣли общаго благополучія, оставя всякую личность.

Наставленіе Дирекціонной коммисіи*) и поданный притомъ весьма благоразумный голосъ камеръ-конторы Лифляндскихъ, Финляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ депутата Шишкова, остался безъ успѣха, хотя онъ ясно по всѣмъ историческимъ документамъ доказывалъ, что всѣ сіи провинціи безпрерывными обуреваемы были нещастіями, и находились въ злополучнѣйшемъ положеніи до самаго присоединенія ихъ къ Россійской имперіи въ 1721 году по Нейштадскому миру, которымъ неправильно описанныя вотчины означено возвратить дворянству, и что только съ того времени подъ великодушнымъ правленіемъ Россійскихъ самодержцевъ и подъ твердымъ ихъ защищеніемъ, безопасностію, миромъ и крайнимъ спокойствіемъ наслаждаются; и наконецъ торжественное, отъ имени императрицы, маршаломъ возвращеніе Лифляндскимъ и Эстляндскимъ депутатамъ учиненнаго отъ нихъ представленія съ особымъ прибавленіемъ**)

*) См. приложеніе 15, подъ лит. А.

**) См. приложеніе 15, подъ лит. Б.

не могли остановить ихъ отъ продолженія исканій и ходатайствъ.

Лифляндскіе и Эстляндскіе депутаты послѣ сего еще возобновили настоятельныя прозьбы изъятія ихъ изъ общихъ правилъ законодательства; императрица на всѣ пункты ихъ просьбъ своеручно отвѣтствовала, и опровергая мнимыя данныя привиллегіи Сигизмундомъ Августомъ и подъ Шведскимъ правленіемъ уже уничтоженныя, сими рѣшительными словами въ запискѣ къ Александру Ильичу, все ихъ ходатайство отринула.

«Я ничего конфирмовать не буду; что не въ силу «обряда мнѣ поднесется. Они подданные Россійской «имперіи, а я не Лифляндская императрица, но Все«россійская».

Сколь милостиво Екатерина снисходила къ прощенію впадшихъ въ преступленія депутатовъ, изъ слѣдующихъ къ Александру Ильичу записокъ, относящихся къ двумъ обличеннымъ не только въ явномъ порокѣ, но и въ злоупотребленіи даннаго имъ полномочія, видѣть можно:

«Если депутатъ Д... въ явномъ порокѣ, то онъ «не можетъ остаться въ коммисіи, но должно его «отослать въ команду, гдѣ онъ вѣдомъ, къ суду. «Но если сторожа слушаются по глупости депутата, «во истинну, онъ не можетъ осужденъ быть, а за не«осторожной его поступокъ присовѣтуйте здать де«путатство, ибо онъ оное во зло употребилъ. Чтожъ

«касается до Г..., тому сдѣлайте крѣпкой выговоръ, «дабы онъ впередъ осторожнѣе былъ въ употребле«ніи пера, и скажите и тому и другому, что со «всѣмъ тѣмъ, что моя есть склонность ихъ про«стить, однако все зависитъ отъ послушанія тѣхъ «слободъ, куда они писали, въ противномъ случаѣ «они оба отосланы будутъ къ суду».

«Господинъ Маршалъ! Естьли Г... не покорится, «и сдѣлаютъ приговоръ объ исключеніи его, то не «забудьте послѣдній пунктъ обряда, естьли чуть «складно онаго употребить способъ найдете, — да «будетъ ему стыдно, и всѣхъ неудовольствіе на себѣ «да понесетъ —».

Съ какимъ тщаніемъ разбирала она представленія депутатовъ, и съ какимъ материнскимъ попеченіемъ входила въ подробности ихъ нуждъ, можно видѣть изъ слѣдующаго ея къ Александру Ильичу отзыва на прозьбу Башкирскаго депутата: «Какъ я не знаю «наказа Башкирскихъ сосѣдовъ, точно содержитъ ли «то, что Башкирской депутатъ писалъ къ своему «народу, то не могу сказать, солгалъ ли онъ или «нѣтъ: естьли же онъ не солгалъ ни на сосѣдные «наказы, ни на губернаторскія представленія, то онъ «невиненъ въ семъ пунктѣ Что же онъ пишетъ, «что безъ денегъ оправданія или отвѣта найти не «можетъ, то статься можетъ, ибо естьли по руски «не знаетъ или самъ писать не умѣетъ, то безъ «денегъ ни одинъ подъячій не напишетъ ему го-

«лоса. Остался только пунктъ о наймѣ опекуна за «шестьсотъ рублей, который сомнителенъ; и такъ «изволь депутата допросить полюбовно о семъ про«изшествіи и о вышеписанномъ, естьли солгалъ, и «послѣ, по его отвѣтамъ, будемъ судить о семъ «дѣлѣ. Что же касается до присылки Башкирскихъ «грамотъ, то натурально, что депутатъ, желая под«крѣпить доказательства о владѣніи земли своего на«рода, оныхъ требуетъ, но естьли губернаторъ опа«сается, что отъ онаго требованія тамъ не проис«ходилъ бы ропотъ, то легко можно будетъ, по «объясненіи дѣла, и сіе учредить».

Въ изъявленіе благоволенія къ особеннымъ трудамъ Александра Ильича, въ началѣ наступившаго 1768-го года, императрица позволила принять ему присланный отъ короля Польскаго орденъ Бѣлаго Орла, бывшій тогда отличнымъ знакомъ уваженія и милости монаршей.

Вскорѣ императрица удостовѣрилась въ непобѣдимыхъ затрудненіяхъ, или справедливѣе сказать, въ неисполнительности ея великаго предпріятія, и убѣдилась въ истиннѣ слѣдующаго предварительно даннаго Александромъ Ильичемъ мнѣнія: «что собраніе «различнаго состоянія людей депутатовъ должно «быть токмо съ тѣмъ, что хотя они всѣ вообще «къ увеличенію государственнаго собранія, къ со«ставленію благоразумныхъ законовъ и согласныхъ «пользѣ каждаго состоянія способствовать будутъ,

«но въ самомъ существѣ, чтобъ не они составители «законовъ были, но особливо выбранные изъ нихъ «самихъ или изъ постороннихъ особъ и не столь «во многомъ числѣ состоящее собраніе, и которое «бы всѣ полагаемыя права и законы сообразовало съ «предположенными ея величествомъ данными гене-«ральными о законахъ правилами и со всеобщею, «а не къ одной которой части клонящеюся пользою, «а большее общество депутатовъ тому законополо-«жительному собранію доскональныя свѣдѣнія о всемъ «до нихъ касающемся преподавало; инако же когда «все множество различнаго состоянія депутатовъ «имѣть будутъ право законоположенія, то, кромѣ «многихъ затрудненій, послѣдовать можетъ и то, что «всякій изъ нихъ только пользу и выгоду своихъ «собратій наблюдать и о томъ пещися будетъ, не «размышляя о вредѣ отъ того произходящемъ въ «другихъ частяхъ и во всеобщей связи». Должно признаться чистосердечно, предпріятіе сіе было рановременно, и умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному ихъ дѣлу*); нѣкоторые же изъ нихъ, увлеченные вольнодуміемъ, ухищрялись

*) Между прочимъ сему служить можетъ доказательствомъ и то, что изъ числа Костромскихъ дворянъ, избравшихъ Александра Ильича депутатомъ города Костромы, третья часть объявила себя незнающими грамотѣ.

уже предписывать законы верховной власти, другіе предлагали уничтоженіе рабства, неоспоримо истинною философіею и христіянскимъ человѣколюбіемъ предначертанное, но исполненіе чего (говоритъ патріотическій нашъ и благоразумный писатель Болтинъ)*): «по обширности и малонаселенію Россій-«ской имперіи еще гораздо болѣе мудрыхъ и благо-«временныхъ мѣръ, прилежнаго разсмотрѣнія и опас-«наго вниманія и разсужденія требуетъ. Поражая «злоупотребленія и отъемля слабости пороковъ, бе-«речься надобно, чтобъ не уменьшить силу добро-«дѣтелей: неумѣренное исправленіе причиною было «разрушенія многихъ царствъ. Исправляя обычаи и «нравы, должно быть весьма осторожну; надобно «имѣть великое познаніе человѣческаго сердца, чтобъ «не сдѣлать при семъ случаѣ лишняго. Составъ че-«ловѣческій есть изъ пороковъ и добродѣтелей; есть «смѣшеніе качествъ добрыхъ и злыхъ; надобно на «добрыхъ вѣскахъ вѣсить неудобности обычая съ «пользою, чаемою отъ уничтоженія его, и когда вѣсъ «будетъ равенъ, то лучше оставить вещи такъ какъ «онѣ были».

Въ 1766 году 1-го ноября заданъ былъ отъ неизвѣстнаго по волѣ государыни слѣдующій вопросъ вольному С.Петербургскому экономическому обществу.

---

*) Примѣчанія на Россійскую исторію, часть 2, стр. 207.

«Полезнѣе ли для государства, чтобы крестьянинъ «имѣлъ собственныя земли, или владѣлъ бы только «движимостію и до какой степени для пользы государства простираться должна сія собственность?»

Болѣе ста меморіаловъ прислано было въ отвѣтъ, и по разсмотрѣніи оныхъ, 22 апрѣля 1768 года признанъ былъ удовлетворительнѣйшимъ полученный отъ г. Беарде, доктора юриспруденціи изъ Ахена; въ слѣдствіе чего и выданы были ему золотая медаль и обѣщанные сто червонныхъ.

Предположеніе сего доктора правъ состояло въ томъ, чтобы помѣщики вознаграждали увольненіемъ за прилежаніе въ трудахъ и успѣхи промышленности крѣпостныхъ: но, по мнѣнію моему, вопросъ или задача изложена была совсѣмъ не въ должномъ смыслѣ; отвѣтъ же былъ отнюдь неудовлетворителенъ, ибо съ весьма малымъ успѣхомъ, или, лучше сказать, вовсе выполненъ быть не можетъ. На вопросъ же: «лучше ли, или съ большимъ ли тщаніемъ обрабо«тывать будетъ хлѣбопашецъ собственныя, въ пользу «свою, поля, или, по неволѣ, помѣщичьи? полезнѣе «ли для общества, чтобы всѣ хлѣбопашцы были ра«бами или вольными?» излишнее кажется было бы отвѣчать. Но на вопросы: «какое вліяніе имѣть бу«детъ какъ на правленіе, такъ и на все теченіе дѣлъ «государственныхъ общее увольненіе рабовъ? какихъ «ожидать можно пользъ въ общемъ населеніи госу«дарства, въ улучшеніи промышленности, во нравахъ

«и проч.?» и на не менѣе важный и сей вопросъ: «какимъ способомъ достигнуть до сего и какія мѣры «должны быть приняты, чтобъ избѣгнуть потрясе-«ній и бѣдствій, какими дѣйствіе сіе почти во всѣхъ «государствахъ было послѣдуемо?» отвѣтствовать не весьма легко, и на сіе требуется глубокаго размышленія, точнаго познанія нравовъ народа, климата обитаемой имъ страны, и соображенія съ духомъ времяни, съ опытностію въ общей промышленности*).

«Не будучи апологистомъ рабства, не скажу я, «чтобъ наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, «чтобъ было не нужно дать имъ облегченія и по-«собія къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе «облегченіе, сіе пособіе не единственно въ дачѣ «вольности долженствуетъ состоять; прежде должно «учинить свободными души рабовъ (говоритъ Руссо), «а потомъ уже тѣла*). Мудрому сему правилу по-

*) Съ какою же мудростію и постепенною осторожностію благодѣтельное нынѣ правительство занимается исполненіемъ сего великаго дѣла, можно видѣть изъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ отъ 2 марта 1803 года. Благотворительное правительство подобно природѣ, которая никогда порывами, но всегда тихо и постепенно дѣйствуетъ и производитъ.

**) Указомъ отъ 19 февраля 1786 года воспретила императрица бить челомъ и называться *рабомъ*. Петръ Великій возвелъ и поставилъ Россіянъ на степень просвѣщенныхъ народовъ, но великая сія матерь отечества болѣе сего сдѣлала; она, уволивъ подданныхъ своихъ отъ уничижительнаго рабскаго имени, благоволила поступать съ ними, какъ съ людьми вольными и просвѣщенными.

«слѣдовала великая Екатерина. Желая снять узы съ «народовъ, скипетру ея подверженныхъ, предначинала «сіе великое и достойное ея намѣреніе освобожде«ніемъ душъ ихъ отъ тяжкія и мрачныя неволи не«вѣжества и суевѣрія. Не на иной конецъ устроя«лись, по высочайшей ея волѣ, по всему государ«ству установлены училища для нижнихъ чиносостоя«яній, дабы пріуготовить души юношества въ нихъ «воспитываемаго, къ воспріятію сего великаго и бо«жественнаго дара; дабы учинить ихъ достойными «вольности и способными къ снесенію ея. Не могу «сказать, которое изъ двухъ благодѣяній есть вящ«шее: то ли, чтобъ дать вольность рабу, или то, «чтобъ открыть ему таинство учиниться щастливымъ, «то есть, чтобъ научить его употреблять вольность «на пользу самого себя и вкупѣ на пользу ближняго и отечества?»**).

Ужасныя послѣдствія увольненія Сан-Доминческихъ негровъ, которыхъ число, въ сравненіи со многими миліонами земледѣльцевъ въ Россіи, было ничто не значущее, представляютъ намъ опытъ опаснаго исполненія въ необдуманныхъ предпріятіяхъ; современная намъ бѣдственная опытность съ лишкомъ разительно доказала, сколь опасно разрушать древнія учрежденія, не уготовя заблаговременно надежныхъ основаній для

---

*) Примѣчаніе Болтина на Исторію Леклерка, часть 2, стр. 355.

новаго зданія и твердѣйшихъ оплотовъ противъ буйственныхъ страстей человѣческихъ. Безпримѣрныя злополучія не только преисполнили все государство легкомысленныхъ основателей мнимой вольности, но, подобно бурному морю, разлились по всей Европѣ и наводнили ее кровію и неимовѣрными нещастіями. И какой конецъ воспослѣдовалъ предпріятію сихъ вольнодумцевъ? Самовластительство и тиранство сами въ лицѣ неистоваго Корсиканца возсѣли на тронъ мягкосердыхъ законныхъ ихъ монарховъ и, поработивъ тягчайшему игу ихъ отечество, простерли желѣзный скипетръ свой на всѣхъ вѣнценосцевъ Европы и дерзнули уже имъ коснуться и до границъ Россіи. Но возсталъ мужественный Россійскій народъ, народъ сей безчувствіемъ и рабствомъ упрекаемый, соединился единодушіемъ и подчинилъ себя предводительству мнимымъ его угнетателямъ храброму дворянству и одушевленный мудрою непоколебимостію великосердаго самодержца, исполненъ вѣрою въ Бога и безпредѣльною любовію къ царю и отечеству, жертвуя всѣмъ своимъ и самимъ собою, съ непреодолимымъ усердіемъ и храбростію, пошелъ, изгналъ, истребилъ дерзновеннаго завоевателя изъ предѣловъ Россійской державы,. низвергъ все его могущество, попралъ тронъ его, и самого его низложивъ и уничтоживъ, заплативъ великодушіемъ за варварство и сохраненіемъ за истребленіе, воспѣлъ среди надмѣн-

ной и покоренной его столицы*) благодарственную молитву Богу, признавая по примѣру державнаго и Благословеннаго предводителя своего, единственно Божеское провидѣніе спасителемъ отечества, потомъ смиренно положилъ оружіе и съ спокойнымъ покорствіемъ возвратился къ прежнему своему бытію и трудамъ.

Мы выше сказали, что Императрица вскорѣ усмотрѣла невозможность совѣщаться по ея желанію съ избранными отъ всѣхъ сословій Россій, увидѣла, что многократныя о семъ представленія Александра Ильича совершенно истинны; что должно коммисію распустить, и рѣшилась, пользуясь представленными отъ депутатовъ замѣчаніями, при помощи нѣкоторыхъ мужей опытныхъ и искусныхъ, по временамъ издавать разныя законоположенія къ благоденствію общему клонящіяся**); начертать правила всѣмъ начальникамъ и судіямъ, а себѣ предоставила одну только власть законодательную. По ея мнѣнію «быть вспомоще-«ствуемой не значитъ лишиться власти: руки, уча-«ствующія въ правленіи, не могутъ замѣнить го-«ловы».

Вскорѣ по объявленіи отъ Порты войны, данъ коммисіи депутатовъ 18 ноября 1768 года указъ***),

---

*) Отряды С.Петербургскаго и Ярославскаго ополченій находились въ Парижѣ въ незабвенный день Пасхи, 29 марта 1814 года.

) См. приложеніе 16. *) См. приложеніе 17.

по прочтеніи коего въ полномъ собраніи депутатовъ 12-го февраля 1769 года, Александръ Ильичь заключилъ собраніе рѣчью, которую окончилъ слѣдующими словами: «Вы же, почтенные господа депу-«таты, отлучаясь изъ сего собранія къ согражда-«намъ вашимъ, непрестанно имѣйте въ памяти долгъ «и званіе ваше. Вы имѣли щастіе быть руководимы «великою вашею императрицею, останетесь и нынѣ «подъ высокимъ ея покровительствомъ, не преста-«вайте показывать дѣлами и поведеніемъ вашими того «себя достойныхъ. Почасту внушаемы вамъ были, «и знаете спасительныя предписанія въ правилахъ «большаго наказа, послѣдуйте симъ съ прямымъ усер-«діемъ, постарайтесь стать примѣромъ добродѣтели «въ сообществахъ вашихъ, поощряйте собратію вашу «къ трудолюбію и согласію, умягчайте совѣтами и «дѣяніями вашими вредную суровость и ожесточеніе, «естьли бъ оная иногда гдѣ вами усмотрѣлась: вамъ «извѣстно, что человѣколюбивое и нѣжное сердце «монархини вашей сего чуждо. Вкореняйте во всѣхъ «человѣколюбіе и просвѣщеніе».

По окончаніи сея рѣчи, господа депутаты, вышедъ изъ своихъ мѣстъ и подходя къ г-ну маршалу, свидѣтельствовали ему должную свою благодарность за всѣ его попеченія и труды и къ нимъ благосклонности.

Въ слѣдствіе упомянутаго теперь указа, хотя и должно было Александру Ильичу, какъ и прочимъ военнымъ

депутатамъ, отправиться въ армію, но императрица, желая сдѣлать окончательныя распоряженія по коммисіи, изволила оставить его еще на нѣкоторое время въ Петербургѣ.

Въ началѣ сего же года Александръ Ильичь получилъ отъ Лифляндскаго дворянства дипломъ, коимъ оно причисляетъ отца его со всѣмъ его потомствомъ къ своему сословію и даетъ право пользоваться всѣми отъ Россійскихъ государей утвержденными привиллегіями. Примѣчанія достойно, что рыцарство сихъ завоеванныхъ провинцій поставляло всегда изъявленіемъ великаго отъ себя уваженія вписаніе въ свое сословіе Россійскихъ дворянскихъ фамилій и что, кротостью правленія и великодушіемъ Россійскихъ государей, предоставлено завоеваннымъ ненарушимо пользоваться правами столь лестными и для самихъ побѣдителей.

Въ теченіи сего же года въ іюлѣ мѣсяцѣ, Александръ Ильичь оказалъ благороднѣйшимъ поступкомъ нѣжность и чистосердечіе тѣсныхъ узъ дружбы, сопрягающей его съ генераломъ Философовымъ. Сей послѣдній, находившійся еще тогда при Датскомъ дворѣ, сообщалъ къ нему, «что, не смотря на всю его бережливость, не могъ онъ себя предостеречь, «по весьма небогатому его состоянію и маловажно- «сти его жалованья, отъ неоплатныхъ долговъ, въ «которые болѣе введенъ онъ былъ для сохраненія «уваженія своему посту; что онъ доносилъ о семъ

«неоднократно ко двору, и, не получивъ на сіе до «сего времени никакого отвѣта, видитъ въ опасно«сти собственную свою, и что для него гораздо чув«ствительнѣе, и честь своего званія подвергнутыми «предосудительному уничиженію». Описавъ другу своему огорчительное его положеніе, такъ продолжаетъ: «Въ Афинахъ одинъ честной, да бѣдной «гражданинъ, умирая, сдѣлалъ духовную, въ кото«рой въ наслѣдство двумъ своимъ друзьямъ препо«ручалъ: одному содержать его престарѣлую мать «по смерть, а другому свою дочь пристроить и вы«дать замужъ на равномѣрномъ основаніи и съ рав«нымъ приданымъ, какъ его собственную. Друзья «были въ отсутствіи; весь городъ смѣялся такой «глупой духовной, считая, что умирающій сдѣлалъ «сіе завѣщаніе въ слабости и помѣшательствѣ уже «ума. Друзья, возвратясь въ городъ, исполнили за«вѣщаніе; одинъ изъ нихъ скоро умеръ, оставшійся «требовалъ у суда ему наслѣдовать то исполненіе «обоихъ завѣтовъ, чтò ему и дозволено. Онъ испол«нилъ то свято, и сталъ быть удивленіемъ не только «своихъ современниковъ, но и нашихъ временъ. Ты «мнѣ другъ, я принужденнымъ себя нахожу тебя почти «подобнымъ отяготить. Весьма извѣстно мнѣ, что «состояніе твое не много моего избыточнѣе, но я «увѣренъ, что твоя дружба ко мнѣ неограничена, то «прошу тебя безъ потери времени, сыщи и займи «денегъ хотя съ закладомъ своей или своей жены

«деревни (потому что у меня ихъ нѣтъ), заплати при-
«ложенный при семъ данный отъ меня на твое имя
«во... рублей вексель. Я доведенъ до состоянія,
«что почти въ пропитаніи скоро нужду претерпѣ-
«вать долженъ, или безчестной поступокъ сдѣлать,
«занимать то, чего заплатить не въ состояніи. Я
«знаю, что ты сіе съ охотою сдѣлаешь, но я го-
«рячность твою не хочу отяготить безпредѣльно, а
«тѣмъ болѣе, что имѣешь долгъ свое небольшое
«имѣніе женѣ и дѣтямъ своимъ сберегать, но»...

Въ отвѣтъ на сіе получилъ Философовъ безъ дальняго объясненія, квитанцію на высланный имъ вексель *).

Могущество и благосостояніе благословенной Россійской имперіи, съ самаго введенія въ ней единовластія возрастающія, возбуждали ревность и страхъ въ сильнѣйшихъ державахъ Европы; но ни которая изъ оныхъ болѣе Франціи не оказывала зависти и недоброжелательства. Она никогда не упускала случаевъ всевозможными кознями возстановлять противъ Россіи сосѣдственныя государства, особенно Польшу и Швецію, въ коихъ, по образу ихъ правленія, находила болѣе способовъ къ своимъ проискамъ. Въ сіе время, обративъ уже противъ Россіи Порту и

*) Не довольно ли и сей единственной черты, чтобъ опредѣлить всю цѣну добродѣтельныхъ душъ обоихъ сихъ истинныхъ друзей, достойныхъ быть причисленными къ рѣдчайшимъ примѣрамъ древняго дружества?

бо́льшую часть бунтующихъ въ Польшѣ конфедератовъ, усиливала все свое стараніе, чтобъ присоединить еще и Швецію къ непріязненнымъ намъ державамъ, и воспаливъ огонь войны на сѣверѣ, затруднить тѣмъ дѣйствіе Россійскихъ войскъ на югѣ и западѣ. Благоразумное напротивъ сего и усердное стараніе генерала Философова «довело Датскій «дворъ до такой степени приверженности къ Россіи, «что онъ былъ готовъ на все и даже въ 24 часа «начать войну, и тѣмъ съ сей стороны остановить «ополченія Шведовъ и козни Французовъ»*); не взирая на сіе увѣреніе, императрица, для прикрытія границъ отъ Швеціи, предписала 26 сентября 1769 года Александру Ильичу объѣхать Финляндію и представить ей свое мнѣніе объ оборонѣ и планъ для веденія въ семъ краю какъ оборонительной, такъ и наступательной войны. Во время сего объѣзда ея величество неоднократно писала къ Александру Ильичу и извѣщала его о побѣдахъ Россійскихъ войскъ, и о занятіи Молдавіи и Валахіи; одно изъ сихъ писемъ оканчиваетъ такъ: «Вся Молдавія учинила намъ «присягу; новая Молдавская княгиня вамъ кланяется «и желаетъ вамъ здравствовать»[38]). При описаніи

*) Письмо М. М. Философова Александру Ильичу $^2/_{13}$ января 1769 года.

[38]) Находившійся въ арміи кн. А. М. Голицына, ген. поручикъ баронъ Эльмптъ занялъ Яссы 26 сент. 1769 и привелъ всю Молдавію къ присягѣ императрицѣ и ея наслѣднику. Господарь (князь) Молдавскій Константинъ IV (Маврокордато) умеръ въ плѣну въ Россіи.

къ императрицѣ учиненнаго торжества по полученіи извѣстія о побѣдахъ Россійскихъ войскъ, Александръ Ильичь, между прочимъ, говоритъ: «бѣгущій ви«зирь[39]) и сущіе съ нимъ возвѣстятъ въ Констан«тинополѣ и свой ужасъ и потерю всей Молдавіи, «а звукъ Фридрихсгамскихъ пушекъ буде не уско«ритъ дать извѣстіе, то по крайней мѣрѣ подтвер«дитъ оное за Ботническимъ заливомъ и проник«нетъ даже до комнаты, гдѣ сидитъ *Гегеймеръ* «*Аусшусъ* и почтенныя шапки да надѣнутся на бе«крень»[40]). Въ отвѣтъ ему императрица отъ 24 декабря[41]) писала: «Господинъ генералъ-порутчикъ! «спасибо вамъ за то, что вы такъ бухали изъ пу«шекъ, что отдается въ *Гегеймеръ Аусшусъ*», потомъ извѣщая о поднятіи оружія Грузинскими царями Ираклiемъ и Соломономъ[42]), о приходѣ Россій-

---

[39]) Верховный визирь сераскиръ Молдованжи, 27 авг. 1769 былъ разбитъ подъ Хотинымъ кн. А. М. Голицынымъ и обращенъ въ бѣгство, потерявъ большую часть своего лагеря, 78 орудій и 7 тысячъ человѣкъ убитыми.

[40]) Здѣсь очевидный намекъ на Швецію: Geheimer Ausschuß — тайный комитетъ, въ которомъ въ то время вѣроятно, разсматривались предложенія Франціи ко вреду Россіи. Партія *Шапокъ* — демократическая, которую поддерживала Россія, была противницей партіи *Шляпъ* — аристократической, которая пользовалась поддержкой Франціи.

[41]) Изъ отвѣта А. И. видно, что письмо это было писано не 24 декабря, а 23 октября.

[42]) Цари Ираклій II Карталинскій и Кахетинскій и Соломонъ I Имеретинскій содѣйствовали за Кавказомъ графу Тотлебену противъ Турковъ. *Ираклій* II-й (ум. 1798) былъ сыномъ Теймураза II и отцомъ послѣдняго царя Грузинскаго Георгія XIII-го, ум. 1800.

скаго флота въ Англію[43]) и о побѣдахъ въ морѣ Россійскихъ войскъ, присовокупляетъ: «отъ самаго Майна «до Черной горы, думаемъ, всѣ головы войдутъ въ «одну шапку»*). И въ самомъ дѣлѣ громъ пушекъ, возвѣщающихъ побѣды храбрыхъ воиновъ Россіи, разстроилъ всѣ происки Французовъ**) и воспрепятство-

---

Соломонъ I (ум. 1782) былъ сыномъ Александра V и предшественникомъ своего двоюроднаго брата, послѣдняго царя Имеретинскаго, Соломона II Арчиловича (царств. до 1810, ум. 1815).

[43]) Въ 1769 г. отправлены были въ Архипелагъ два отдѣленія Русскаго флота: одно, подъ начальствомъ контръ-адмирала Эльфинстона, во время плаванія своего, оставалось семь мѣсяцевъ въ Портсмутѣ; другое, подъ начальствомъ адмирала Спиридова, останавливалось въ портѣ Магонѣ. Здѣсь очевидно говорится объ эскадрѣ Эльфинстона, „которая оставалась столь долгое время въ Англіи только подъ предлогомъ починки кораблей; но должно предполагать, что настоящая тому причина заключалась въ непріязненныхъ отношеніяхъ Франціи къ Россіи со времени начала Турецкой войны.“ *(Записки кн. Юр. Влад. Долгорукова.)*

*) Отвѣтъ на сіе Александра Ильича при семъ помѣщается для показанія, какимъ образомъ онъ переписывался съ императрицею. (См. письмо № 1).

**) Итакъ совокупными и ревностными стараніями сихъ истинныхъ патріотовъ и друзей, отвращена отъ Россіи новая война. М. М. Филозофовъ вскорѣ, по разнымъ болѣзненнымъ и меланхолическимъ припадкамъ, усилившимся по кончинѣ его друга, оставилъ службу; по вступленіи покойнаго императора Павла Петровича на престолъ, пожалованъ въ генералы отъ инфантеріи, военнымъ губернаторомъ въ Смоленскъ и орденомъ Св. Андрея Первозваннаго; государь императоръ Александръ Павловичь повелѣлъ ему присутствовать въ Совѣтѣ. Сей почтенный и благочестивый старецъ скончался съ чувствованіями истиннаго христіанина сентября 27 дня 1811 года.

валъ имъ нарушить согласіе сосѣдственныхъ державъ; свѣдѣнія же и планы, доставленные Александромъ Ильичемъ на случай войны въ Финляндіи, были столь удовлетворительны, что императрица изволила оказать ему за оное свое удовольствіе; въ новый 1770-й годъ, пожаловала его премьеръ-маіоромъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка*) и предписала сверхъ командованія въ ввѣренной ему дивизіи, по существовавшему въ то время обыкновенію, присутствовать въ свою очередь и въ государственной военной коллегіи. Желая сдѣлать еще полезнѣе сіе новое свое служеніе, Александръ Ильичь испросилъ отъ ея величества позволеніе составить кадетскую роту для обученія и образованія бывшихъ тогда въ гвардіи въ великомъ числѣ малолѣтныхъ изъ дворянъ унтеръ-офицеровъ, и рота сія состояла по тогдашнему комплекту изъ 144 человѣкъ дворянъ, отъ солдата до сержанта. Они были обучаемы математикѣ, артиллеріи, фортификаціи, географіи, французскому и нѣмецкому языкамъ, рисованью, фехтованью, верховой ѣздѣ и прочимъ приличнымъ званію ихъ наукамъ, на иждивеніи полковой экономіи, и симъ воспитанникамъ данъ былъ утвержденный ея величествомъ отличный мундиръ. Съ 1-го числа мая по 1-е сентября, обучаемы они были военной экзерциціи и эво-

*) Замѣчанія Александра Ильича, доведенныя до высочайшаго свѣдѣнія, были приняты въ уваженіе и во время послѣдней шведской войны.

люціи и состояли подъ строгою дисциплиною; зимнее же время употребляемо было ими на вышеозначеныя упражненія. Рота сія, какъ и прибавленная еще къ ней школа изъ числа находящихся сверхъ положеннаго комплекта кадетъ, состояли подъ начальствомъ достойнаго директора, капитана того полка и потомъ статскаго совѣтника Леонтьева*). Заведеніе сіе, изъ коего выпускаемы были многіе отличные офицеры, особенно въ морскую артиллерію, существововало въ весьма хорошемъ порядкѣ и съ успѣхомъ во все царствованіе Екатерины II.

Не смотря на всѣ сіи упражненія, Александръ Ильичь находилъ еще способъ удѣлять нѣсколько празднаго времени, по любви своей къ Россійской словесности, на переводъ изъ пожалованной ему отъ императрицы Французской Энциклопедіи, главу о войнѣ и поэму о военномъ искусствѣ короля Прускаго, которая переложена потомъ была стихами и издана въ свѣтъ извѣстнымъ Василіемъ Ивановичемъ Майковымъ.

Между тѣмъ Фридрихъ Великій, возпріявъ намѣреніе раздѣлить Польшу и желая получить на сіе согласіе императрицы, отправилъ въ С.Петербургъ брата своего принца Гейнриха, столько же извѣстнаго по остроумію и пріятности въ обхожденіи, какъ

*) Нынѣ почтенный дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ Николай Васильевичь Леонтьевъ.

и по воинскимъ его дарованіямъ. Императрица препоручила Александру Ильичу встрѣтить сего знаменитаго пріѣзжаго на границахъ Швеціи, гдѣ онъ навѣщалъ молодаго короля своего племянника[44]).

Его высочество, претерпѣвъ въ проѣздъ на морѣ жестокую бурю, продолжавшуюся цѣлые 8 сутокъ, прибылъ 25 сентября (6 октября н. ст.) въ Або; изъ Гельзингфорса послалъ каммергера барона де Церюка съ увѣдомленіемъ о пріѣздѣ въ Россію, и 28-го того же сентября прибылъ съ своею свитою*) въ пограничный городъ Фридрихсгамъ, гдѣ принятъ былъ Александромъ Ильичемъ съ назначенными кавалерами**), и въ первыхъ числахъ октября прибылъ въ Петербургъ.

---

[44]) Сочинитель очевидно разумѣлъ здѣсь *Густава* III, которому въ то время было 24 года и который былъ сыномъ сестры Фридриха В. — Луизы-Ульрики; но Густавъ III-й вступилъ на престолъ только въ слѣдующемъ (1771 году), по смерти отца своего, короля Адольфа-Фридриха.

*) Генералъ-маіоръ графъ Гордъ. каммергеры: Врехъ, Шверинъ, Книпгаузенъ, Капгегентъ.

**) Каммергеръ Александръ Юрьевичь Нелединскій-Мелецкій, каммеръ-юнкеръ Александръ Николаевичь Зиновьевъ, каммеръ-юнкеръ графъ Алексѣй Кириловичь Разумовскій, каммеръ-пажъ Петръ Мальтицъ, пажъ Кашкинъ, пажъ Александръ Тормасовъ (главнокомандующій въ Москвѣ) [45]).

[45]) Изъ сихъ лицъ гр. А. К. *Разумовскій* былъ въ послѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія (1810—16); Евгеній Петр. *Кашкинъ* ум. ген. аншефомъ 1796; графъ (съ 1816 г.) Александръ Петр. *Тормасовъ* (род. 1752, ум. 1819) былъ главнокомандующимъ въ Грузіи (1808—11), въ 1812 г. — сперва 3-ю, потомъ 1-ю арміею и наконецъ (1814—19) въ Москвѣ.

По давнему личному императрицы знакомству съ принцемъ Гейнрихомъ, по уваженію къ его высокимъ достоинствамъ и по желанію еще болѣе утвердить съ великимъ Фридрихомъ союзъ по обстоятельствамъ весьма нужный, пріѣздъ принца былъ для императрицы отмѣнно пріятенъ, и онъ принятъ былъ съ особеннымъ отличіемъ; ему дозволенъ вседневный къ ней доступъ и уничтоженъ всякій этикетъ во внутреннихъ покояхъ. Но пышное великолѣпіе соединялось со вкусомъ въ безпрерывныхъ почти празднествахъ, коими сего знаменитаго посѣтителя ежедневно угощали; примѣчательнѣйшія изъ сихъ празднествъ были два маскарада: первый данъ въ Царскомъ селѣ и отъ самой Пулковой горы представлялись безпрерывныя веселія, иллюминаціи и фейерверки; другой въ С.Петербургѣ, гдѣ около 4-хъ тысячь маскъ великолѣпно были угощаемы въ нарочно построенной для сего залѣ, которая, подъ именемъ Аполлоновой, нѣсколько еще лѣтъ потомъ прельщала своею красотою[46]).

На другой день сего праздника, даннаго 3-го декабря, принцъ Гейнрихъ, въ сопровожденіи Александра Ильича и всей своей свиты, поѣхалъ въ Мо-

[46]) Принцъ *Фридр. Гейнрихъ Люд.* Прусскій (ум. 1802) пріѣхалъ въ С.Петербургъ въ 1770 году 13 октября. О впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на тамошнее общество, и о пріемѣ, ему сдѣланномъ, можно судить по письмамъ г-жи Сиверсъ къ своему мужу, тогдашнему новгородскому губернатору. (См. приложеніе 18).

скву[47]), куда прибывъ съ неимовѣрною скоростію (въ 36 часовъ), былъ тамъ встрѣченъ покрытымъ лаврами Франкфуртскихъ побѣдъ, главнокомандующимъ въ Москвѣ, графомъ Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ[48]) и, осмотрѣвъ все достойное примѣчанія въ древней Россійской столицѣ, возвратился въ Петербургъ.

Время пребыванія знаменитаго гостя (до 12 января 1771 года) проведено въ разныхъ праздникахъ и забавахъ, которымъ частныя извѣщенія о славныхъ подвигахъ Россійскихъ войскъ, сожженіи турецкаго флота при Чесмѣ, о взятіи Бендеръ и о прочихъ знаменитыхъ побѣдахъ, придавали вящшій блескъ и удовольствіе; любезность же и остроуміе принца Гейнриха въ приватныхъ бесѣдахъ привели

---

[47]) Онъ дѣйствительно собирался туда ѣхать 3 или 4 Декабря, но выѣхалъ только въ половинѣ мѣсяца, потому что „безпрестанные обѣды и ужины разстроили ему желудокъ и онъ сдѣлался боленъ.“ K. L. Blum. Ein Russischer Staatsmann, Leipzig 1857. I. 319.

[48]) Графъ П. С. *Салтыковъ* (ум. 1772) прославился разбитіемъ главнокомандующаго Прусской арміей подъ Циллихау (12 іюля 1759) и особенно побѣдою надъ Фридрихомъ В. при Куннерсдорфѣ (1 авг.), которая доставила ему фельдмаршальскій жезлъ; извѣстенъ также тѣмъ, что, будучи главнокомандующимъ въ Москвѣ, выѣхалъ изъ нея во время чумы (1771). Въ Куннерсдорфскомъ сраженіи подъ его начальствомъ находились между прочими: Кн. А. М. *Голицынъ*, гр. П. А. *Румянцовъ*, гр. З. Г. *Чернышевъ* (всѣ трое въ послѣдствіи фельдмаршалы), гр. В. В. *Ферморъ*, гр. П. И. *Панинъ*, кн. В. М. *Долгорукой (Крымскій)* (всѣ трое въ послѣдствіи знаменитые генералъ-аншефы), и А. Н. *Вильбуа* (въ послѣдствіи ген. фельдцейхмейстеръ). При Куннерсдорфѣ же собственно началось боевое поприще *Суворова*, въ то время еще подполковника, въ послѣдствіи графа, князя, фельдмаршала, генералиссимуса.

его въ довѣренность императрицы, и хотя не успѣлъ онъ въ посредничествѣ о мирѣ между Россіею и Портою, однако достигъ до исполненія главной цѣли его посланія, убѣдилъ императрицу согласиться на предполагаемый королемъ Прускимъ раздѣлъ Польши, привезъ утвержденное государынею предположеніе къ большому удовольствію короля своего брата.

Александръ Ильичь, неотлучно сопровождая принца Гейнриха, приобрѣлъ особенную его благосклонность, такъ что, по возвращеніи его въ отечество, неоднократно къ нему писалъ, увѣряя, что «усердіе его къ «нему никогда не изгладится въ его сердцѣ, и что «всегда за отличное себѣ удовольствіе поставитъ «оказывать истинное къ нему уваженіе.» Искренность же сихъ увѣреній доказана будетъ въ послѣдствіи письмомъ самого великаго Фридриха.

Сколь ни тайно содержано было предположеніе Россійскаго и Прускаго дворовъ (къ которому въ послѣдствіи приступилъ и Вѣнскій), но не могло долго быть сокрыто отъ Польши, и возбудило всю патріотическую пылкость многочисленнаго въ семъ королевствѣ дворянства. Мгновенно возникли и открылись дѣятельнѣйшія конфедераціи; и отряды оныхъ доходили до частыхъ и иногда удачныхъ для нихъ сраженій съ состоящими въ Литвѣ и Польшѣ Россійскими войсками, которыя, по малочислію ихъ деташементовъ и разсѣянности на великомъ пространствѣ, не смотря на всю храбрость и устройство,

выгодныхъ позиціяхъ, коими могли обезпечить владѣніе всею землею*). Между тѣмъ учредилъ повсюду строжайшую дисциплину; согласіе же и давнѣйшая приязнь его съ барономъ Салдерномъ, находившимся тогда въ Варшавѣ Россійскимъ посломъ[51]), доставили ему способъ войти въ выгодное сношеніе съ Польскимъ королемъ и его министрами. Изъявляя попеременно и по приличности кротость и снисхожденіе, которыя однако же никогда не доходили до послабленія, то твердость, но безъ всякой суровости, и при всѣхъ случаяхъ совершенное безкорыстіе, Александръ Ильичь пріобрѣлъ довѣренность главнѣйшихъ польскихъ вельможъ, не упуская между тѣмъ любезностію и пріятствомъ своего обхожденія снискать благосклонность отличнѣйшихъ женщинъ, которыя всегда имѣли толь значительное участіе въ управленіи дѣлами сего королевства; между тѣмъ однако же, по общему междоусобію и по личной строптивости Поляковъ, подчиненные генералы были всегда въ дѣй-

---

*) Корпусы была размѣщены: одинъ въ Варшавѣ, другой въ Люблинѣ, третій въ Петрековѣ и четвертый въ Венгровѣ; для охраненія постовъ въ Краковѣ, въ Сендомирѣ и Тарунѣ удержанъ былъ Лембергъ, яко пунктъ, соединяющійся съ главною арміею гр. Румянцова; для задержанія Литвы занималъ С.П.бургскій легіонъ посты: въ Вильнѣ, Ковнѣ, Несвижѣ и Слуцкѣ. На мѣсто сихъ отрядовъ, вступившій въ Литву въ концѣ 1771 года корпусъ подъ командою генералъ порутчика Романіуса совершенно занялъ и обезпечилъ сію область.

[51]) О Сальдернѣ см. приложеніе 20.

ствіи, но Александръ Ильичь давалъ имъ толь точныя предписанія, что могъ всегда ожидать успѣшнаго оныхъ исполненія.

Отъ таковыхъ мѣръ находящіеся подъ его начальствомъ генералы: графъ Салтыковъ[52]), Кречетниковъ и князь Петръ Михайловичь Голицынъ[53]) и извѣстные партизаны: графъ Тотлебенъ[54]) и полковникъ Древицъ, одерживали всегда поверхность надъ превосходными силами разныхъ конфедератскихъ партій. И въ сіе то время безсмертный Суворовъ началъ блистательное поприще воинской его славы. Онъ служилъ тогда генералъ-маіоромъ въ ввѣренной Александру Ильичу арміи, и, отдавая полную справедливость дарованіямъ своего начальника, всегда признавалъ себя его ученикомъ*).

---

[52]) Здѣсь вѣроятно говорится объ одномъ изъ пяти племянниковъ фельдмаршала гр. П. С. Салтыкова, сыновей его брата гр. Владиміра Сем., ибо изъ двухъ Салтыковыхъ, имѣвшихъ главное начальство надъ войсками въ Польшѣ, а именно: *Николая Ивановича* (съ 1790 г. графа, а съ 1814 свѣтл. князя) — съ 1763 по 1768; и гр. *Ивана Петровича* (въ послѣдствіи фельдмаршала) съ 1780 до 1784, во время бытности А. И. Бибикова въ Польшѣ (1770—73) первый находился въ чужихъ краяхъ, а второй въ арміи Румянцова.

[53]) О Кречетниковѣ и о кн. П. М. Голицынѣ. см. прим. 63 и 81.

[54]) Ген. маіоръ гр. *Тотлебенъ* въ семилѣтнюю войну прославился взятіемъ Берлина (29 сент. 1760), но 21 іюня 1761 года, за тайную переписку съ непріятелемъ арестованъ, а по вступленіи на престолъ Екатерины II (1763) высланъ изъ Россіи *за вредныя намѣренія противъ имперіи*. Годы его возвращенія и смерти неизвѣстны: но, еще до участія въ войнѣ противъ конфедератовъ, онъ предводительствовалъ Русскимъ отрядомъ, посланнымъ въ 1769 г. въ Имеретію и Мингрелію противъ Турокъ. (См. прим. 42).

*) Конечно пріятно будетъ для читателя видѣть здѣсь

выгодныхъ позиціяхъ, коими могли обезпечить владѣніе всею землею*). Между тѣмъ учредилъ повсюду строжайшую дисциплину; согласіе же и давнѣйшая приязнь его съ барономъ Салдерномъ, находившимся тогда въ Варшавѣ Россійскимъ посломъ[51]), доставили ему способъ войти въ выгодное сношеніе съ Польскимъ королемъ и его министрами. Изъявляя попеременно и по приличности кротость и снисхожденіе, которыя однако же никогда не доходили до послабленія, то твердость, но безъ всякой суровости, и при всѣхъ случаяхъ совершенное безкорыстіе, Александръ Ильичь пріобрѣлъ довѣренность главнѣйшихъ польскихъ вельможъ, не упуская между тѣмъ любезностію и пріятствомъ своего обхожденія снискать благосклонность отличнѣйшихъ женщинъ, которыя всегда имѣли толь значительное участіе въ управленіи дѣлами сего королевства; между тѣмъ однако же, по общему междоусобію и по личной строптивости Поляковъ, подчиненные генералы были всегда въ дѣй-

---

*) Корпусы была размѣщены: одинъ въ Варшавѣ, другой въ Люблинѣ, третій въ Петрековѣ и четвертый въ Венгровѣ; для охраненія постовъ въ Краковѣ, въ Сендомирѣ и Тарунѣ удержанъ былъ Лембергъ, яко пунктъ, соединяющійся съ главною арміею гр. Румянцова; для задержанія Литвы занималъ С.П.бургскій легіонъ посты: въ Вильнѣ, Ковнѣ, Несвижѣ и Слуцкѣ. На мѣсто сихъ отрядовъ, вступившій въ Литву въ концѣ 1771 года корпусъ подъ командою генералъ порутчика Романіуса совершенно занялъ и обезпечилъ сію область.

[51]) О Сальдернѣ см. приложеніе 20.

ствіи, но Александръ Ильичь давалъ имъ толь точныя предписанія, что могъ всегда ожидать успѣшнаго оныхъ исполненія.

Отъ таковыхъ мѣръ находящіеся подъ его начальствомъ генералы: графъ Салтыковъ[52]), Кречетниковъ и князь Петръ Михайловичь Голицынъ[53]) и извѣстные партизаны: графъ Тотлебенъ[54]) и полковникъ Древицъ, одерживали всегда поверхность надъ превосходными силами разныхъ конфедератскихъ партій. И въ сіе то время безсмертный Суворовъ началъ блистательное поприще воинской его славы. Онъ служилъ тогда генералъ-маіоромъ въ ввѣренной Александру Ильичу арміи, и, отдавая полную справедливость дарованіямъ своего начальника, всегда признавалъ себя его ученикомъ*).

---

[52]) Здѣсь вѣроятно говорится объ одномъ изъ пяти племянниковъ фельдмаршала гр. П. С. Салтыкова, сыновей его брата гр. Владиміра Сем., ибо изъ двухъ Салтыковыхъ, имѣвшихъ главное начальство надъ войсками въ Польшѣ, а именно: *Николая Ивановича* (съ 1790 г. графа, а съ 1814 свѣтл. князя) — съ 1763 по 1768; и гр. *Ивана Петровича* (въ послѣдствіи фельдмаршала) съ 1780 до 1784, во время бытности А. И. Бибикова въ Польшѣ (1770—73) первый находился въ чужихъ краяхъ, а второй въ арміи Румянцова.

[53]) О Кречетниковѣ и о кн. П. М. Голицынѣ. см. прим. 63 и 81.

[54]) Ген. маіоръ гр. *Тотлебенъ* въ семилѣтнюю войну прославился взятіемъ Берлина (29 сент. 1760), но 21 іюня 1761 года, за тайную переписку съ непріятелемъ арестованъ, а по вступленіи на престолъ Екатерины II (1763) высланъ изъ Россіи *за вредныя намѣренія противъ имперіи.* Годы его возвращенія и смерти неизвѣстны; но, еще до участія въ войнѣ противъ конфедератовъ, онъ предводительствовалъ Русскимъ отрядомъ, посланнымъ въ 1769 г. въ Имеретію и Мингрелію противъ Турокъ. (См. прим. 42).

*) Конечно пріятно будетъ для читателя видѣть здѣсь

После многократныхъ пораженій, усилившихся въ сіе время въ Литвѣ разныхъ партій конфедератовъ, генералъ Суворовъ, имѣя въ виду предупредить соединеніе отряда Касаковскаго съ корпусомъ великаго гетмана Литовскаго графа Огинскаго[55]), не ожидая на сіе ни приказанія главнокомандующаго и не смотря на малочисленность своего деташемента, съ неустрашимостью и быстротою (которыя составляли главнѣйшія правила тактики*) сего единственнаго полководца), 12 числа сентября, на самомъ разсвѣтѣ, напалъ неожидаемо при Сталовичахъ въ числѣ менѣе 1000 человѣкъ на графа Огинскаго; одержалъ надъ нимъ совершенную побѣду, разбилъ и разсѣялъ всѣ его войски; при чемъ взялъ въ плѣнъ болѣе 30 человѣкъ офицеровъ, знамёна, всю артиллерію и жезлъ гетмана. Неутомимо потомъ преслѣдуя и не давая, по обычаю своему, отдыха устрашенному непріятелю, вездѣ его поражая и разсѣвая, занялъ Слонимъ, Минскъ и Пинскъ, и изгналъ изъ всей Литвы и съ

нѣсколько писемъ знаменитаго нашего Италійскаго героя, изображающихъ пылкость его души и отличный его слогъ. (См. письма №№ 38—44).

[55]) Гетманъ великаго княжества Литовскаго гр. *Огинскій* дѣйствовалъ въ Литвѣ: изъ Пинска обнародовалъ воззваніе, собралъ до 5 тыс. войска при 12 пушкахъ, но, разбитый при Сталовичахъ и преслѣдуемый Суворовымъ, бѣжалъ въ Пруссію. *Коссаковскій* въ послѣдствіи возвратился въ Польшу и двадцать лѣтъ спустя „погибъ позорною смертью предателя.“.

*) Голова не ожидаетъ хвоста.

помощію генералъ маіора князя П. М. Голицына, разбившаго съ своей стороны Забровскаго[56]) и другихъ конфедератскихъ начальниковъ, занялъ и древнюю польскую столицу Краковъ и при семъ городѣ замокъ[57]).

По представленію Александра Ильича о сихъ блистательныхъ подвигахъ, императрица пожаловала Суворова кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго*). Но вся бдительность сего неутомимаго начальника не могла предостеречь его отъ ухищренныхъ коварствъ Французовъ, которые всегда покрѣпляли конфедератовъ. Управлявшій въ то время внѣшнимъ и военнымъ французскими министерствами герцогъ де Шуазель, преисполненъ ненависти къ Россіи и особенной зависти къ великимъ предпріятіямъ императрицы, усиливая свои ухищренія, отправилъ генералъ маіора Вьомениля въ качествѣ посланника къ конфедераціи, до 50-ти французскихъ офицеровъ и съ ними извѣстнаго въ революціонную войну генерала Дюмурье. Они предприняли вкрасться въ Краковскій замокъ и выгнать Рускихъ, что и исполнили слѣдующимъ образомъ:

---

[56]) *Заборовскій*, начальникъ одного изъ отрядовъ Огинскаго, уб. подъ Пулавами.

[57]) За взятіе Кракова Голицынъ получилъ св. Георгія 3 ст.

*) Въ сіе время Александръ Ильичь слѣдующее получилъ отъ императрицы своеручное письмо, которое, по содержанію, особеннаго примѣчанія достойно. (См. № 24.)

Комендантъ полковникъ Штакельбергъ, не смотря на немолодыя свои лѣта и оказанныя имъ въ семилѣтнюю войну при осадѣ Кольберга храбрость и дѣятельность, ослѣпленъ былъ привязанностію своею къ нѣкоторой женщинѣ, такъ что свелъ по прозьбѣ ея часовыхъ, стоящихъ близъ подземнаго прохода, сдѣланнаго для выбрасыванія нечистоты. Одинъ изъ бывшихъ въ заговорѣ далъ маскарадъ, къ коему пригласилъ многихъ Рускихъ офицеровъ, и сообщники, пользуясь симъ временемъ и темнотою ночи, съ 21-го на 22-е января 1772 года прокрались чрезъ упомянутый подземный проходъ подъ командою капитана Вьоменила*); другіе, надѣвъ бѣлое платье единомысленныхъ съ ними ксендзовъ, мало отличаясь отъ снѣга, покрывавшаго землю, небольшими кучами старались также пробираться въ замокъ; но какъ скоро были примѣчены, и стоящіе на постахъ козаки начали производить стрѣльбу, тогда мятежническія войска, усилившись уже до 2-хъ баталіоновъ, вдругъ всѣ бросились и на часовыхъ и на стоящихъ въ караульняхъ Рускихъ, и ихъ изрубили. Тщетно полковникъ Штакельбергъ, соединивъ своихъ сколько могъ и жертвуя жизнію за свою оплошность, съ отчаянною храбростію двукратно бросался къ замку, но встрѣченъ уже былъ картечными выстрѣлами изъ обращенныхъ на него пушекъ, и прискакавшими бо-

*) Сына выше упомянутаго генерала.

лѣе нежели 500 конныхъ конфедератовъ принужденъ былъ отступить съ потерею большаго числа людей. Генералъ Суворовъ, находившійся тогда при Кельцѣ въ преслѣдованіи другихъ партій конфедератовъ, извѣщенъ будучи о семъ нещастномъ произшествіи, немедленно поспѣшилъ на помощь. Но сколь ни ускорялъ своимъ прибытіемъ, не могъ достигнуть до Кракова какъ на разсвѣтѣ 24-го числа, и тогда нашелъ, что непріятели владѣли замкомъ въ безопасности.

По извѣстному характеру Суворова, легко представить себѣ можно, сколько онъ былъ раздраженъ сею единственною во всю его жизнь неудачею, и еще болѣе огорченъ полученными отъ Александра Ильича по сему случаю замѣчаніями; онъ поклялся отмстить Французамъ за наглую ихъ хитрость*).

Въ самый день прибытія успѣлъ уже отразить сильную вылазку на городскіе посты, и принудилъ непріятелей съ большою потерею бѣжать въ замокъ, но, по умножившемуся въ ономъ гарнизону до 1000 человѣкъ, видѣлъ себя вопреки своего ревнія въ невозможности на нѣкоторое время предпринять что либо важное. По скопившимся конфедератскимъ вокругъ его шайкамъ, и по усилію гарнизона въ Тинецѣ и другихъ замкахъ, непріятельскими партіями занятыхъ, Суворовъ находился, такъ сказать, въ го-

*) Сіи чувствованія можно видѣть изъ выписки изъ его письма къ Александру Ильичу. (См. № 39.)

родѣ осажденнымъ и отрѣзаннымъ отъ фуражныхъ и провіантскихъ продовольствій, ибо большая часть оныхъ заготовлена была въ замкѣ Краковскомъ; не могъ онъ также положиться на вѣрность городскихъ жителей, часто открывая многихъ изъ нихъ въ сообществѣ съ непріятелями.

Видя себя въ толь тѣсныхъ обстоятельствахъ, сей неустрашимый и дѣятельный начальникъ рѣшился взять замокъ приступомъ, и въ ночи на 18-е число февраля велѣлъ прибить петарду къ воротамъ, и взорваніе оной было сигналомъ къ штурму. Подполковники Гейсманъ и Обшельвицъ бросились съ ихъ колоннами къ воротамъ, но нашедъ оные заваленными каменьями и брусьями и притомъ усильный отпоръ непріятеля, не могли пробиться; съ другой стороны подполковникъ Елагинъ, прошедъ уже чрезъ двои вороты, третіи нашелъ камнемъ задѣланные, и столь храбро обороняемые, что и онъ не могъ исполнить своего предпріятія.

Суворовъ, усматривая, что все мужество и усердіе его войскъ были безуспѣшны, предъ разсвѣтомъ приказалъ имъ отступить. При семъ неудачномъ приступѣ потеряли подполковника Гейсмана, нѣсколько офицеровъ и до 100 солдатъ убитыми и ранеными. Сія пылкость и безпужная потеря людей, сдѣланная безъ вѣдома и приказанія главнокомандующаго, доказала Суворову, по собственнымъ его словамъ, что «быстрота наша Богъ знаетъ куда занесетъ», и

принудила его приступить къ медлительному, но вѣрному способу блокады.

По присоединеніи польскаго генералъ фельдцейхмейстера, графа Браницкаго[58]), съ деташаментомъ преданныхъ королю польскихъ войскъ, и по доставленіи въ началѣ марта мѣсяца нѣсколькихъ пушекъ осадной артиллеріи*), изъ которыхъ заложены были въ выгодныхъ мѣстахъ батареи, началась успѣшная стрѣльба по замку. Скоро потомъ разбиты были разныя партіи конфедератовъ графомъ Браницкимъ и другими частными начальниками. Храбрый Паленъ[59])

---

[58]) Янъ-Казиміръ *Браницкій*, великій гетманъ коронный, кавалеръ орденовъ: россійскаго св. Андрея, польскаго Бѣлаго Орла, испанскаго Золотаго Руна, въ третьемъ бракѣ былъ женатъ на родной сестрѣ короля Станислава-Августа, Елизаветѣ Понятовской.

*) Примѣчанія достойно, что изъ донесеній главнокомандующаго къ императрицѣ видно, что при всей его арміи не находилось болѣе 5 пушекъ, превосходящихъ калибромъ полевую артиллерію. Прусаки и Цесарцы предлагали замѣнить сей недостатокъ, но, по политическимъ видамъ, имъ отказано.

[59]) Баронъ (съ 1799 графъ) Петръ Лудвигъ (Алексѣев.) фонъ-деръ *Паленъ* род. 1745; въ чинѣ премьеръ-маіора получилъ св. Георгія 4 ст. (1772); при Екатеринѣ II управлялъ Рижскимъ намѣстничествомъ (1790) и принялъ въ Русское подданство Курляндію, Семигалію и Пильтенскій округъ (1796). Пользуясь неограниченною милостію Павла I, въ теченіи трехъ лѣтъ (1798—1801) былъ пожалованъ С. Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ и начальникомъ Остзейскихъ губерній, инспекторомъ шести военныхъ инспекцій, генераломъ отъ кав., Андреевскимъ кавалеромъ, великимъ канцлеромъ Мальтійскаго ордена, главнымъ директоромъ почтъ, членомъ Совѣта и коллегіи иностранныхъ дѣлъ и наконецъ графомъ. По воцареніи Александра I уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ; ум. 1826.

и маіоръ Михельсонъ (участь коего была раздѣлять подвиги генераловъ: Бибикова и Суворова), неоднократно отличались примѣрною дѣятельностію и неустрашимостью.

Конфедератскій генералъ Валевскій, соединя свой деташаментъ съ частію Тинецкаго гарнизона, пошелъ 4-го марта съ сими силами, чтобы принудить Суворова снять осаду Краковскаго замка, но лишь успѣлъ выйтить изъ подъ прикрытія Тинецкихъ батарей, тотчасъ былъ конницею графа Браницкаго атакованъ. Суворовъ, примѣтивъ, что сей отрядъ, не смотря на его рѣшимость, по малочисленности принужденъ будетъ уступить превосходнымъ силамъ непріятеля, самъ напалъ на него, и тогда уже, но не безъ труда, ибо его жизнь была подвержена опасности отъ вознесшаго на него саблю конфедерата, онъ одержалъ надъ возмутителями совершенную побѣду. Более 300 человѣкъ были убиты и въ Вислѣ потоплены, 350 товарищей и нѣсколько офицеровъ взяты въ плѣнъ, самъ Валевскій, видя свой деташаментъ разсѣяннымъ, принужденъ былъ спастись бѣгствомъ къ цесарскимъ границамъ и предоставить участь осажденныхъ собственной ихъ оборонѣ. По сему неудачному предпріятію, французскій комендантъ Краковскаго замка, де Шуази, потерялъ всю надежду на помочь и, дознавшись, что королевско-польскій инженеръ Бакаловичь подвелъ уже мину близъ самыхъ стѣнъ замка, принужденъ былъ вступить съ осаждающими его

россійскими войсками въ переговоры и просить для всѣхъ Французовъ свободнаго выпуска, съ принятіемъ реверса: не нести впередъ оружія противъ Россіи и въ польскія дѣла не мѣшаться; но какъ къ сему прибавлены еще были другія требованія съ тогдашнимъ щастливымъ положеніемъ россійской арміи не сообразныя, то оныя Суворовымъ отринуты, и переговоры о семъ продолжались до половины апрѣля. Въ сіе время комендантъ де Шуази, усмотря что брешь въ замкѣ сдѣланъ уже въ двухъ мѣстахъ и угрожаютъ опасностію приступа, принужденъ былъ $^{15}/_{26}$ того же мѣсяца согласиться и подписать предложенную ему отъ Суворова капитуляцію «возвратить «Краковской замокъ россійскому оружію и объявить «себя и весь гарнизонъ плѣнными»*).

Суворовъ принудилъ Французовъ выйтить тѣмъ же самымъ нечистымъ проходомъ, которымъ они въ замокъ вкрались, но принялъ ихъ весьма благосклонно и ласково и, получивъ отъ нихъ реверсъ, возвратилъ имъ шпаги и, по угощеніи обѣдомъ, отправилъ одну часть подъ прикрытіемъ отряда храбраго Михельсона въ Люблинъ, а другую съ подполковникомъ Елагинымъ во Львовъ. По донесеніи о благоуспѣшномъ довершеніи сего дѣла, Суворовъ получилъ 28-го апрѣля

---

*) Въ гарнизонѣ семъ состояло французскихъ и польскихъ офицеровъ: полковникъ 1, подполковниковъ 2, маіоровъ 2, капитановъ 16, порутчиковъ 22, всего 43; нижнихъ же чиновъ 739, въ томъ числѣ больныхъ и раненыхъ 87.

назначенный ему Александровскій орденъ и 1000 червонныхъ; офицерамъ, отличившимся подъ командою его, награжденія чинами и крестами, солдатамъ же 10,000 руб. Главнокомандующій, доставляя ему знаки сей монаршей милости, предстательствомъ его исходатайствованныя, въ письмѣ своемъ осыпалъ лестными похвалами за его храбрость и отличныя услуги, и увѣрялъ его въ искренномъ желаніи способствовать всѣми средствами къ его благу. _ Александръ Ильичь удостоился высочайшаго рескрипта, въ которомъ императрица, изъявляя ему свое благоволеніе, изволила въ знакъ онаго повелѣть всѣмъ штабъ и оберъ офицерамъ, въ начальствѣ его состоящимъ, въ ознаменованіе и въ награжденіе понесенныхъ ими въ сію кампанію трудовъ, производить прибавленіе раціонныхъ денегъ. Съ извѣстіемъ о сей высочайшей милости присланъ былъ къ нему старшій сынъ его Павелъ Александровичь, который прежде находился въ датской службѣ конной гвардіи штабсъ-ротмистромъ и потомъ, по высочайшему повелѣнію, переведенъ поручикомъ въ л.г. Измайловскій полкъ. Александръ Ильичь опредѣлилъ было его при посольствѣ въ Польшѣ, но пылкость его нрава и склонность къ военному дѣлу принудили согласиться на его желаніе, остаться въ военной службѣ и быть въ арміи графа Румянцова.

Какъ, не смотря на всѣ настоятельности Россіи и Берлинскаго двора, управлявшій тогда Вѣнскимъ ка-

бинетомъ князь Кауницъ еще не соглашался на предположенныя союзниками намѣренія и даже отказывался принять участіе въ раздѣлѣ, то къ понужденію сей рѣшимости введенъ былъ въ Польшу новый корпусъ россійскихъ войскъ подъ командою генералъ порутчика Елмпта, коему не велѣно состоять подъ начальствомъ Александра Ильича; таковое распоряженіе его огорчило. доколѣ онъ не получилъ увѣдомленія отъ графа Н. И. Панина о точномъ назначеніи сего корпуса. Воинскія его дарованія, ознаменованныя отличнымъ образомъ дѣйствованія въ сей необыкновеннаго рода войнѣ, пріобрѣли ему уваженіе и внѣ отечества; Фридрихъ Великій писалъ къ нему, что желаетъ съ нимъ познакомиться и приглашаетъ въ свой лагерь при Маріенвердерѣ; Александръ Ильичь отклонился отъ сего предложенія тѣмъ, что занятія его, не позволяя ему отлучиться, принуждаютъ жертвовать службѣ наслажденіемъ, которое бы имѣлъ видѣть его величество. Въ отвѣтъ на сіе король писалъ къ нему отъ 14-го іюня еще съ большею благосклонностью, говоря, между прочимъ, что генералъ, жертвующій удовольствіями долгу службы, пріобрѣтаетъ полное его уваженіе.

Въ сіе же время братья короля прускаго Фердинандъ и Гейнрихъ весьма пріязненно переписывались съ Александромъ Ильичемъ; отношенія же его съ королемъ Станиславомъ были самыя дружественныя. Изъ переписки его съ первыми государственными

людьми видно, сколько онъ былъ всѣми почитаемъ, и наслѣдникъ престола, покойный императоръ Павелъ Петровичь, имѣя тогда 18 лѣтъ отъ роду, удостоивалъ его своими письмами, которыя доказывали не только благорасположеніе, но искреннюю дружбу.

По исторженіи Краковскаго замка изъ рукъ мятежниковъ, первою надобностію въ тамошнемъ краю почелъ Александръ Ильичь отнять у возмутителей лежащій неподалеку отъ Кракова укрѣпленный монастырь Тинецъ, для чего и далъ предписаніе А. В. Суворову, чтобъ поспѣшилъ окружить оный со всѣхъ сторонъ ретраншаментами, отрѣзавъ у сидящихъ въ семъ гнѣздѣ всякое съ прочими конфедератами сообщеніе, дабы онымъ отъ стороны Ченстохова и Бобрика никакой помощи подано быть не могло.

Генералъ Суворовъ исполнилъ въ точности сіе предписаніе. Полковникъ же Абалдуевъ и Михельсонъ очистили весь сей край отъ шатающихся партій конфедератовъ; россійскія войски взяли дѣйствительно посты около самаго Тинеца, и укрѣпясь редутами, такъ оный облегли, что непріятели освободиться не имѣли никакой возможности; поставленныя батареи съ лѣваго берега рѣки Вислы сдѣлали въ стѣнѣ нарочитый проломъ. Все сіе подавало надежду, что скоро послѣдуетъ здача сего монастыря со всѣмъ гарнизономъ.

Между тѣмъ австрійскія войски, вступивъ со стороны Верхней Шлезіи въ Польшу, заняли часть

Краковскаго воеводства и малой Галиціи до границъ Венгерскихъ. Командующій сими войсками генералъ д'Алтонъ предлагалъ свою артиллерію и даже часть войскъ для вспомоществованія къ покоренію Тинеца, но Суворовъ съ приличною учтивостью сего не принялъ, что имъ сдѣлано по повелѣнію главнокомандующаго, которому отъ 19-го маія рескриптомъ отъ императрицы предписано было: «распорядиться «такимъ образомъ и взять такія мѣры, дабы, подъ «предлогомъ пропитанія и содержанія войскъ въ «дѣйствіяхъ противъ возмутителей, удержать заня«тою ту часть Краковскаго воеводства, которая «изключается изъ доли Австрійцовъ, а особливо тотъ «дистриктъ, гдѣ находятся соляные заводы».

Австрійскій генералъ, въ противность сихъ предположеній, занявъ Ландскронъ, домогался еще пріобрѣсть и Тинецъ, и обратилъ на сіе все стараніе и всякія хитрости; видя, что симъ способомъ не удается ему достигнуть намѣренія, рѣшился исполнить насильственнымъ образомъ; собравъ весь свой корпусъ (но предувѣдомивъ однако наканунѣ генерала Суворова), 1-го іюля, не смотря на всѣ его противурѣчія и объявленіи, тремя колоннами чрезъ россійскій кордонъ прошелъ; и какъ всѣ дороги заняты были нашими войсками, то Цесарцы сквозь грязь и болота достигли къ Тинецу, оный заняли, и д'Алтонъ, оставя тамъ свой гарнизонъ, взявъ съ собою возмутителей, возвратился въ свой лагерь.

Поступокъ генерала д'Алтона былъ довольно дерзостенъ и наглъ, но Суворовъ не могъ сему воспрепятствовать инако, какъ развѣ дѣйствительнымъ военнымъ отпоромъ: а онъ имѣлъ строгое и точное предписаніе сего избѣгать; д'Алтону тѣмъ удобнѣе было произвесть въ дѣйствіе свое предпріятіе, что гнѣздящіеся въ Тинецѣ возмутители ему отдаться были готовы, какъ они и сдѣлали, Суворову же въ здачѣ упорствовали.

Постъ Тинеца самъ собою былъ ничего незначущій, но австрійскій генералъ, слѣдовавъ данному ему предписанію, имѣлъ главнымъ намѣреніемъ вытѣснить россійскіе посты на правомъ берегу Вислы, въ воеводствѣ Краковскомъ находившіеся, дабы въ томъ округѣ, который Австрійцы занять расположились, никого кромѣ ихъ не было.

Сколь ни прискорбно было для Суворова поведеніе Цесарцевъ, и сколь онъ на сіе ни досадовалъ, но, по даннымъ ему предписаніямъ, видѣлъ себя принужденнымъ укротить свою горячность, ибо политическое положеніе дѣлъ необходимо требовало крайней умѣренности въ поступкахъ для избѣжанія всякаго разрыва съ Цесарцами. Конвенція о раздѣленіи Польши не была ратификаціею Вѣнскаго двора утверждена, конгресъ же между россійскими и турецкими уполномоченными въ Фокшанахъ еще продолжался, и Россія ожидала подписанія скораго и вожделѣннаго мира.

Александръ Ильичь, чтобъ прекратить перекоры и недовѣріе между генералъ маіорами Суворовымъ и д'Алтономъ, отвратить вкрадывающуюся уже между обоихъ войскъ холодность и удержать взаимное согласіе, велѣлъ поспѣшить для сего генералъ поручику Романіусу въ Краковъ*); самъ же писалъ къ главнокомандующему цесарскимъ корпусомъ, графу Гадику, извѣщая его о поступкахъ генерала д'Алтона, просилъ принять нужныя мѣры для предупрежденія всякаго недоразумѣнія и для соглашенія о расположеніи обоюдныхъ войскъ.

Въ отвѣтъ на сіе прибылъ въ Варшаву уполномоченный отъ Цесарскаго главнокомандующаго, генералъ маіоръ графъ Ришекуръ, съ которымъ, по нѣсколькимъ переговорамъ, условлено, чтобъ, до рѣшительнаго положенія, оставались въ Величкѣ, Бохнѣ и Вишнецѣ оба императорскія войски, такъ какъ они тамъ были, но чтобъ сообщеніе между сихъ войскъ и округи мѣстъ были содержимы россійскими; такимъ образомъ достигъ Александръ Ильичь исполненія всего того, что ему было отъ императрицы предписано.

Между тѣмъ военныя дѣйствія еще рѣшительнѣе продолжались, и россійскій главнокомандующій велѣлъ генералъ маіору князю Голицыну стѣснять Чен-

*) Огорченный Суворовъ писалъ при семъ случаѣ къ Александру Ильичу письмо отъ 9-го августа. (См. № 41).

стоховскую крѣпость, въ которой токмо, и подъ прикрытіемъ ея защищенія, держались нѣкоторые конфедератовъ маршалки.

Князь Голицынъ, въ исполненіе сего повелѣнія, искуснымъ и проворнымъ оборотомъ деташаментныхъ командировъ, внезапно и въ одинъ часъ со всѣхъ сторонъ окружилъ непріятеля и привелъ его въ толь великую робость, что высланы были отъ коменданта россійскому главнокомандующему депутатами полковники Вержебовскій и Прилуцкій, съ предложеніемъ покорить Ченстоховскую крѣпость польскому королю и прозьбою о дарованіи имъ прощенія; но сіи депутаты отосланы 25-го іюля, съ объявленіемъ, чтобъ отдана была крѣпость Ченстоховская для занятія россійскими войсками, а гарнизонъ сдался бы князю Гоцыну военноплѣннымъ безъ всякихъ условій, положась во всемъ единственно на милосердіе россійской императрицы, слѣдуя примѣру маршалка Зарембы, недавно предъ симъ со всѣмъ его войскомъ положившаго оружіе, и что поступлено съ ними будетъ сходно съ извѣстнымъ всему свѣту великодушіемъ и милостію ея величества.

Между тѣмъ князь Голицынъ продолжалъ утѣснять въ крѣпости находящіяся войски, и 21-го іюля для удобнѣйшаго расположенія сдѣлалъ новыя движенія. Тогда вся непріятельская конница, въ числѣ 1200 человѣкъ, стремительно напала на легкія россійскія войски, произведенная жъ съ бастіоновъ пушечная

пальба ей дѣлала помощь. Примѣтивъ сіе, генералъ маіоръ князь Голицынъ нашелъ себя принужденнымъ вступить въ рѣшительное сраженіе, въ слѣдствіе коего непріятельская конница обращена была въ бѣгство и прогнана до поставленныхъ при гласисѣ рогатокъ; послѣ сего жестокаго пораженія непріятель не осмѣливался уже показывать своей конницы; но, хотя и не могъ надѣяться не токмо избавленія, но даже ни откуда прокормленія, продолжалъ однакожъ разныя военныя дѣйствія и покушенія, которыя всегда видѣлъ уничтоженными; наконецъ, когда амбразуры въ укрѣпленіи выстрѣлами осаждающихъ были уже попорчены, а выстрѣлы изъ крѣпости не дѣлали никакого вреда, всѣ способы къ продовольствію людей водою, а лошадей кормомъ, пресѣклись, къ тому жъ больные часъ отъ часу умножались, тогда комендантъ сей крѣпости, маршалокъ Радзиминскій началъ помышлять о здачѣ, и, хотя со стороны духовенства былъ отъ того удерживанъ, но, видѣвъ всю крайность своего положенія, на сіе рѣшился, и 3-го числа августа самъ пріѣхалъ къ князю Голицыну для переговоровъ, послѣ которыхъ объявилъ, что войски и крѣпость отдаются на дискрецію и полагаются во всемъ на милосердіе россійской монархини. Итакъ 7-го числа августа, по утру въ 6 часовъ, крѣпость Ченстоховская покорена была Россійскому оружію со всѣмъ возмутительскимъ гарнизономъ, находившимся подъ командою двухъ маршалковъ — Раздиминскаго и

Корчевскаго, а съ ними 5 полковниковъ, 1187 человѣкъ штабъ, оберъ и унтеръ офицеровъ и рядовыхъ разныхъ командъ какъ конницы, такъ и пѣхоты; крѣпость занялъ Углицкаго пѣхотнаго полка подполковникъ Колтовскій.

Александръ Ильичь, донося о семъ щастливомъ событіи императрицѣ, присовокуплялъ, что, съ покореніемъ Ченстоховской крѣпости, окончились во всей Польшѣ конфедератскія сборища, а съ ними купно изчезли и всѣ ихъ замыслы*).

Къ дополненію щастливыхъ сихъ произшествій въ сіе же время извѣстный по своему участію въ злодѣйственномъ увозѣ короля, ротмистръ Лукавскій проворствомъ и расторопностію Донскихъ войскъ пойманъ и выданъ въ руки Польскому министерству.

Императрица, получивъ донесеніе о приведеніи сего дѣла къ столь щастливому окончанію благоразумными распоряженіями Александра Ильича, пожаловала его кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго**). Сей знакъ къ нему монаршей милости, отъ котораго Александръ Ильичь двукратно для другихъ отклоняяся, былъ принятъ имъ съ чувствіемъ должной

---

*) Особенное письмо, по сему случаю писанное Александромъ Ильичемъ къ государынѣ см. № 2.

**) См. приложеніе 21.

благодарности и удовольствія*), князь Голицынъ пожалованъ былъ кавалеромъ ордена св. Анны, и прочіе подчиненные получили, по заслугамъ ихъ, разныя и приличныя награжденія.

Въ сіе время воспослѣдовала важная перемѣна въ Швеціи: молодой король Густавъ III, остроуміемъ, дѣятельностію и мужествомъ достойный происхожденія своего отъ Густавовъ и Фридриховъ, съ помощію и совѣтами Французовъ и собственно своею рѣшимостію, 8 августа 1772 года уничтоживъ прежнее установленное правленіе, присвоилъ себѣ едва не самодержавную власть. Какъ перемѣна сія не только устрашала войною въ тѣсномъ тогда союзѣ находившуюся съ Россіею Данію, но приводила въ нѣкоторое сомнѣніе о намѣреніяхъ и противъ Россіи, то посему корпусъ, состоящій подъ командою генералъ порутчика Елмпта, получилъ отъ 17-го августа повелѣніе поспѣшно выступить изъ Польши и занять пограничныя съ Швеціею Россійскія провинціи, что̀ въ началѣ ноября было имъ исполнено**).

Безмѣрная вспыльчивость и безпокойный нравъ Россійскаго въ Варшавѣ посла барона Сальдерна, побудили министерство отозвать его и на мѣсто его

---

*) Какъ изъяснялся А. И. о семъ благодѣтелю своему графу Н. И. Панину см. письмо № 12.

**) Суворовъ, находясь тогда въ семъ корпусѣ, извѣщалъ Александра Ильича о походѣ своими письмами. (См. №№ 42, 43 и 44).

назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ баронъ Штакельбергъ[60]), который въ сентябрѣ мѣсяцѣ прибылъ къ своему мѣсту. Перемѣна сія была для Александра Ильича не непріятна, ибо, при всѣхъ стараніяхъ и снисхожденіи, онъ не могъ ужиться съ г. Сальдерномъ, съ преемникомъ же его остался всегда въ тѣсной пріязни[61]).

По окончаніи щастливой Ченстоховской експедиціи, тишина вездѣ возстановилась; совсѣмъ уже нигдѣ не было ни малѣйшихъ конфедератскихъ партій, возмутители ежедневно сами являлись, добровольно давали отъ себя о спокойномъ пребываніи обязательства и, получивъ билеты, отпускаемы были въ свои дома. Какъ конвенція о раздѣленіи части Польши между трехъ союзныхъ державъ была тогда (въ сентябрѣ мѣсяцѣ) ратификаціею утверждена и согласіе, при особенной вѣжливости, между союзными войсками продолжалось, то Александръ Ильичь заботился толь-

---

[60]) Баронъ (съ 1775 г. Римской имперіи графъ) Оттонъ Магнусъ *Штакельбергъ* род. 1736, ум. 1800; былъ полномочнымъ министромъ въ Испаніи (1766—72), въ Польшѣ (1772—80) и въ Швеціи. Его уму и опытности Екатерина II обязана была главнѣйше возстановленіемъ безграничнаго вліянія, которое имѣла Россія на дѣла Польскія, въ бытность посломъ въ Варшавѣ кн. Репнина (1763—69) и которое едва не утратилось при баронѣ Сальдернѣ. При Штакельбергѣ совершился первый раздѣлъ Польши.

[61]) Штакельбергъ, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Варшаву (въ ноябрѣ 1772 г.), писалъ къ Д. И. ф. Визину: „съ Бибиковымъ мы живемъ какъ братья. Это честнѣйшая душа: слѣдовательно ему, какъ и мнѣ, когда нибудь придется умереть съ голода.“ *(Фонъ Визинъ кн. Вяземскаго. 342)*

ко, чтобы побѣдоноснымъ россійскимъ воинамъ доставить спокойныя, выгодныя квартиры и довольствіе.

Сдѣлавъ надлежащія для сего распоряженія, онъ почелъ за нужное осмотрѣть всю начальствуемую имъ армію. 3-го ноября отправился изъ Варшавы и, проѣхавъ часть Мазовецкаго, Ленчицкаго, Сирадскаго и Краковскаго воеводствъ, прибылъ въ Краковъ; осмотрѣлъ регулярные пѣхотные и кавалерійскіе, также и Донскихъ козаковъ полки; нашелъ всѣ въ желаемой исправности, ибо бригадные и полковые начальники успѣли уже привесть въ надлежащій порядокъ все, что, чрезъ прошедшую кампанію, было въ нѣкоторой разстройкѣ. Александръ Ильичь донесъ о семъ вышнему начальству слѣдующими словами: «Всѣ «полки находятся въ такомъ хорошемъ положеніи, «что никогда и въ мирное время лучше не бывали. «Одѣты, выучены, стройны и сыты; съ радостію и «удовольствіемъ на нихъ смотрю и готовъ съ ними «итти всякую минуту, куда повелѣно будетъ»

Весь 1772 годъ прошелъ между Россіи и Порты въ переговорахъ. По блистательнымъ побѣдамъ, императрица многаго требовала, но Турки не потеряли еще надежды поправить дѣла свои; между тѣмъ россійскіе полномочные успѣли заключить трактатъ съ крымскими Татарами*), по которому сіи объявили себя независимыми отъ Порты и подчинились покро-

*) Благоразуміемъ и твердостію гр. Петра Ив. Панина.

вительству россійской императрицы; пресѣкшіеся переговоры съ графомъ Орловымъ въ Фокшанахъ, возобновлены были въ Бухарестѣ. Самъ побѣдитель Отомановъ графъ Румянцовъ сдѣлался посредникомъ къ миру, а верховный визирь со стороны Порты. Оба главнокомандующіе, недавно предъ симъ сражавшіеся, спокойно изыскивали способы къ примиренію, но не могли сего достигнуть къ назначенному сроку перемирія, т. е. 22 марта, и разъѣхались для приготовленій къ открытію новой кампаніи; вскорѣ оба берега Дуная сдѣлались поприщемъ новыхъ сраженій.

Александръ Ильичь, по возвращеніи въ Варшаву (5-го декабря), обратилъ старанія, чтобы, по желанію императрицы и ея союзниковъ, былъ собранъ сеймъ къ 19 апрѣля 1773 года, для утвержденія послѣдовавшаго раздѣла Польши. Союзники ввели войска въ свои удѣлы, и 5-го сентября 1772 года объявлено уже въ С.Петербургѣ о присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи съ раздѣленіемъ сей пріобрѣтенной страны на двѣ провинціи, Могилевскую и Полотскую[62]) въ коихъ назначены были, подъ главнымъ начальствомъ генералъ фельдмаршала графа Чернышева, губернаторами генералъ маіоры Кречетниковъ и Каховскій[63]); но противники намѣреніямъ Россіи,

---

[62]) Должно быть: *Псковскую*, см. приложеніе 22.

[63]) Мих. Никит. *Кречетниковъ*, послѣ участія въ Турецкой войнѣ 1769 и 1770 г., былъ губернаторомъ во Псковѣ (1772), въ Твери

всегда подкрѣпляемые Французскими козиями, усиливались удалить утвержденіе присоединенія, и, хотя Поляки видѣли невозможность сопротивленія, но разныя ихъ мечтанія и надѣяніе на заступленіе другихъ державъ не исчезали; одинъ только миръ съ Турками непремѣнно долженъ былъ послужить основаніемъ приведенія Польскихъ дѣлъ къ окончанію*).

Строптивые виды и примѣтное желаніе короля Шведскаго къ пріобрѣтенію воинской славы, возжигаемые Французами, были извѣстны россійскому министерству и принудили принять дѣятельнѣйшія мѣры къ отраженію непріятельскаго нападенія. Для сего предположено отозвать Александра Ильича изъ Польши

(1775), намѣстникомъ въ Калугѣ, Тулѣ и Рязани (1776); умеръ въ чинѣ ген. аншефа, начальствуя войсками въ Литвѣ 1793.

Мих. Вас. *Каховскій*. (съ 1796 г. графъ) род. 1734, былъ губернаторомъ Могилевскимъ и Витебскимъ (1772), начальствовалъ отдѣльнымъ корпусомъ въ Крыму по присоединеніи его къ Россіи (1783); послѣ смерти кн. Потемкина принялъ начальство надъ арміей (1791), которой главныя силы двинулъ къ Варшавѣ, истребивъ войска конфедератовъ (1792); назначенъ ген. губернаторомъ Нижегородскимъ и Пензенскимъ (1793), начальникомъ Таврической дивизіи (1797); ум. въ чинѣ генерала отъ инф., въ отставкѣ, 1800.

*) Какъ Польскія, такъ и другія внѣшнія для Россіи въ сіе время обстоятельства можно видѣть изъ двухъ писемъ (см. №№ 3 и 45): первое отъ Александра Ильича къ епископу Самуилу Сарскому и Подонскому (бывшему потомъ митрополитомъ Кіевскимъ); другое къ Александру Ильичу отъ Дениса Ивановича фонъ Визина, который служилъ въ иностранной коллегіи и пользовался особенною довѣренностію и расположеніемъ управлявшаго тогда внѣшнимъ министерствомъ гр Ник. Ив. Панина.

и препоручить ему, при открытіи въ Финляндіи военныхъ дѣйствій, главное начальство надъ россійскими войсками. Онъ предварительно былъ о томъ извѣщенъ отъ его друзей. Самыя же сіи обстоятельства способствовали желанію императрицы, наградить заслуги его чиномъ генералъ аншефа 21 апрѣля. Сіе справедливое воздаяніе благоразумнаго его начальства, неусыпныхъ трудовъ и прозорливой дѣятельности, которыми онъ безъ всякихъ непріятностей опровергъ происки содѣйствующихъ державъ, а особливо Австріи (изыскивавшей овладѣть Велицкими соловарнями и даже городомъ Краковымъ), было для него тѣмъ драгоцѣннѣе, что онъ зналъ сколько таковыя постоянныя изъявленія уваженія, и отличныя къ нему монаршія милости возбудили противъ него завистниковъ и недоброжелателей. Между сими находился одинъ изъ первыхъ государственныхъ чиновниковъ въ военномъ министерствѣ, который весьма часто имѣлъ и рѣдко упускалъ случай ему противудѣйствовать, и, подъ личиною пріязни, тѣмъ болѣе его ненавидѣлъ, чѣмъ менѣе могъ отказать ему въ своемъ почтеніи. Примѣчанія достойно, что Александръ Ильичь имѣлъ друзьями или непріятелями всегда важнѣйшихъ особъ того времени.

По словамъ герцога Сюлли: «нѣтъ ничего труд«нѣе, какъ избѣгнуть и предостеречь себя отъ коз«ней и клеветъ, сплетенныхъ руками придворныхъ»,

недоброжелательствующіе*) Александру Ильичу, примѣтивъ, что всѣ ухищренія и распускаемыя ими злословія и клеветы не могли перемѣнить ни благорасположенія императрицы, ни унизить предъ нею отличныхъ его способностей и заслугъ, воспользовались сими самыми его достоинствами и даже монаршею къ нему милостію. Представили государынѣ, что, когда Польша попеченіями генерала Бибикова совершенно уже успокоена, его служба гораздо полезнѣе быть можетъ въ другомъ мѣстѣ и, по настоящей тогда графу Румянцову необходимости въ подкрѣпленіи, всего лучше удовлетворить его частію войскъ, находящихся въ Польшѣ, и, дабы нѣкоторымъ образомъ вознаградить малочисленность сего подкрѣпленія, послать съ онымъ генерала, коего познанія, ревность и опытность послужатъ большимъ вспоможеніемъ. Сіи коварныя внушенія имѣли наконецъ ожидаемый успѣхъ. Александръ Ильичь получилъ высочайшій рескриптъ отъ 18 іюня, въ которомъ государыня, удостоивая его похвалами, повелѣла немедленно выступить съ 4-мя пѣхотными, 2-мя карабинерными и однимъ гусарскимъ полкомъ, съ 500 Донскихъ козаковъ, для присоединенія къ арміи графа Румянцова, на берегахъ Дуная. Сей ре-

---

*) Сіе нерасположеніе не безъизвѣстно было Александру Ильичу и образъ его мыслей о семъ можно видѣть въ выпискахъ изъ двухъ писемъ: къ графу Н. И. Панину и къ графу З. Г. Чернышеву. (См. №№ 11 и 14.)

скриптъ*) получилъ Александръ Ильичь въ то самое время, когда родительское сердце его восхищалось драгоцѣннымъ для него извѣщеніемъ о добромъ поведеніи старшаго его сына (котораго онъ отправилъ къ арміи какъ скоро узналъ о разрывѣ Фокшанскаго конгреса), о храбрости его и твердости, съ какою онъ преодолѣвалъ трудности, несоразмѣрныя 17-ти лѣтнему его возрасту; вмѣстѣ съ симъ увѣдомляли его о переходѣ россійской арміи за Дунай, о новыхъ пріобрѣтенныхъ тамъ лаврахъ и о знаменитой смерти генерала Вейсмана**). Въ сіе время Александръ Ильичь, пользуясь спокойствіемъ, въ каковое онъ привелъ Польшу по уничтоженіи конфедераціи, составлялъ изъ пѣхотныхъ баталіоновъ 16 ескадроновъ, и изъ Чугуевскаго полка не подалеку отъ Варшавы лагерь какъ для обученія войскъ, такъ и для подкрѣпленія политическихъ видовъ на сеймѣ. Такими распоряженіями дѣла приняли щастливый оборотъ согласно съ желаніемъ трехъ союзныхъ министровъ, и сеймъ рѣшилъ по ихъ намѣренію, не взирая на сопротивленія многихъ депутатовъ.

Составленіе выше упомянутаго лагеря было весьма нужно, по шестилѣтнемъ такъ сказать разсѣяніи пол-

---

*) Какое дѣйствіе произвело сіе повелѣніе надъ Александромъ Ильичемъ, видѣть можно изъ писемъ его къ графу П. А. Румянцову и къ графу Н. И. Панину. (См. №№ 10 и 13, ср. также письмо къ Д. И. ф. Визину № 8.)

**) См. письмо № 46.

ковъ по всей Польшѣ; въ краткое время войски были доведены до такой степени устройства, что старый прускій кавалерійскій генералъ Лентулусъ и австрійскій графъ Ришекуръ, видя дѣйствія кавалеріи, признавались, что они лучшей не видали, а находившіеся на семъ смотрѣ французскіе кавалерійскіе полковники Бирчини и маркизъ де Констансъ, удивленные устройствомъ и быстрыми движеніями Чугуевскихъ козаковъ, увѣряли, что кромѣ славнаго Цитенова прускаго гусарскаго полка никакая конница съ ними сравняться не можетъ.

Сколь ни неожиданно было для Александра Ильича высочайшее повелѣніе итти въ главную квартиру, но онъ былъ всегда готовъ безпрекословно жертвовать своими трудами и желаніями службѣ отечества и повиноваться волѣ государыни, о чемъ донося ей, испрашивалъ токмо позволенія, чтобъ, по отправленіи полковъ, доколѣ они находиться будутъ въ маршѣ, дозволить ему пріѣхать на самое короткое время въ Петербургъ для разпоряженія домашнихъ его обстоятельствъ. Императрица на сіе соизволила.

По полученіи повелѣнія, дошедшаго до рукъ Александра Ильича 30-го Августа, онъ немедленно приуготовился къ отъѣзду, и сдалъ начальство и данныя ему инструкціи преемнику его генералъ порутчику Романіусу. Тогда, къ утѣшенію своему, онъ ясно видѣть могъ, какую пріобрѣлъ любовь и почтеніе, не токмо отъ ему подчиненныхъ и отъ пріязненныхъ По-

ляковъ, но даже отъ тѣхъ, которые были совершенные противники Россіи и извѣстны патріотическими ихъ мыслями; въ доказательство сего прилагаю письмо одного изъ извѣстнѣйшихъ по непоколебимости мнѣній, графа Мокроновскаго; искренность его не можетъ быть подвержена сомнѣнію, потому что онъ писалъ когда Александръ Ильичь уже былъ отозванъ изъ Польши и не имѣлъ нужды ему ласкать или его бояться*).

Александръ Ильичь предъ отъѣздомъ посѣтилъ каждаго изъ находящихся подъ начальствомъ его штабъ офицеровъ для изъявленія имъ благодарности; отправился изъ Варшавы, имѣя время и намѣреніе достигнуть еще войски, пошедшія къ арміи, дабы вмѣстѣ съ ними явиться къ фельдмаршалу. Выше сего упомянуто, что графъ Петръ Александровичь не безъ соревнованія уважалъ Александра Ильича; въ сіе же время потеря генерала Вейсмана, возвращеніе изъ за Дуная арміи, отзывъ старшаго въ оной по главнокомандующемъ графа И. П. Салтыкова[64]), выборъ на его мѣсто генерала Бибикова, приводили графа Румянцова еще болѣе въ сомнѣніе о неблагорасположеніи къ нему двора. Но возвышенныя души сихъ истинныхъ государственныхъ му-

---

*) См. письмо № 47.

[64]) Сынъ Кунерсдорфскаго побѣдителя фельдмаршала гр. П. С. Салтыкова, съ 1796 г. также фельдмаршалъ, гр. Иванъ Петр. *Салтыковъ* род. 1730, ум. 1805; былъ намѣстникомъ Владимірскимъ и Костромскимъ (1784—88), главнокомандующимъ въ Финляндіи (1790), военнымъ губернаторомъ въ Кіевѣ (1796) и въ Москвѣ (1797—1804).

жей пренебрегали личными выгодами и устремлялись къ единственной цѣли: къ пользѣ и славѣ отечества.

Провидѣніе не предназначило Бибикову служить подъ побѣдоносными Задунайскими знаменами, а приготовляло ему важнѣйшіе для Россіи подвиги.

По успѣшному ли внушенію его недоброжелателей, или обыкновенною коловратностію дѣлъ придворныхъ, Александръ Ильичь, по пріѣздѣ въ С.Петербургъ, принятъ императрицею съ необычайною для него холодностію; но неблагопріятственное сіе время не долго продолжалось. Вскорѣ получены извѣстія о разпространеніи замѣшательствъ въ Сибирскихъ областяхъ, о возгорѣвшемся тамъ мятежѣ, произведенномъ самозванцемъ Пугачевымъ, еще болѣе усилившемся упадкомъ духа и постыднымъ удаленіемъ генерала К...*) отъ ввѣреннаго ему войска, посланнаго на усмиреніе сего государственнаго злодѣя. Императрица имъ пренебрегала и, шутя, въ своихъ къ Вольтеру письмахъ называла Пугачева *господиномъ маркизомъ*, но, къ великому прискорбію, увидѣла, что какъ сначала ни казался извергъ сей гнуснымъ и дѣла его презрительными, однако же приняли такой оборотъ, что угрожали спокойствію цѣлой имперіи и даже потрясти могли твердость ея престола. Императрица положила взять самыя сильныя и дѣятельныя мѣры къ постановленію оплота противъ столь

*) Ген. маіора Кара. (См. примѣчан. 75.)

быстро возрастающей грозы, и, для приведенія сего къ исполненію, избрала Александра Ильича, котораго столькократно уже испытала. Она подошла къ нему во время придворнаго бала съ тѣмъ милостивымъ и ласковымъ видомъ, коимъ государи оказываютъ свое благоволеніе ближайшимъ ихъ подданнымъ и по нѣсколькихъ привѣтственныхъ словахъ, объявила ему, что желаетъ употребить его къ утушенію опаснаго для отечества пожара. Александръ Ильичь одаренъ былъ особенною остротою ума, всегда готовъ дать смѣлый, но пріятный отвѣтъ: изъявя, что онъ посвятилъ себя на службу отечеству, прибавилъ императрицѣ, что есть простонародная русская пѣсня «*сарафанъ ли мой, сарафанъ дорогой, вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься, а не надо, сарафанъ, и подъ лавкою лежишь*»*). Екатерина улыбкой показала, что шутку сію понимаетъ и что смѣлость оной не только не была ей противна, но и не уменьшила ни ея благоразположенія, ни довѣренности; въ

*) Александръ Ильичь могъ говорить такимъ образомъ императрицѣ по той необыкновенной милости, каковою она его къ себѣ давно уже приближила, чему между прочимъ слѣдующая собственноручная ея записка доказательствомъ служить можетъ: «Александръ Ильичъ, есть ли вы на«мѣрялись обѣдать со мною, то да будетъ вамъ извѣстно, «что я обѣдаю у И. И. Бетскаго; есть ли же туда поѣдите «меня искать, то чтобъ Г. и В. съ собою взяли, а бо«лѣе никого, а насъ будетъ 9 или 10 персонъ; а оттуда «рыскъ дадимъ въ Дѣвичій Монастырь и братцово рож«деніе будемъ праздновать любимымъ гуляньемъ».

доказательство чего, описавъ ему съ искренностію критическое положеніе дѣлъ, лестнѣйшими для него выраженіями изъявила свое желаніе, чтобъ онъ отъ сего служенія, сколь оно ни многотрудно, не отказался. Александръ Ильичь безотговорочно согласился, ибо глубоко впечатлѣны были въ доблестной душѣ его чувствованія истиннаго россійскаго дворянина, безпредѣльная любовь къ отечеству и усердіе къ священной особѣ государя: ни слабость воинскихъ силъ, которыми ему надлежало дѣйствовать, ни всѣ предвидимыя имъ затрудненія его не поколебали.

Прежде повѣствованія о послѣднемъ служеніи Александра Ильича, за нужное нахожу въ кратцѣ изложить обстоятельства сего знаменитаго, толикою опасностью угрожавшаго, мятежа. Четыре главныя причины способствовали распространенію онаго: 1-е, Крайняя малочисленность полевыхъ и гарнизонныхъ войскъ въ Сибири, которыя почти всѣ были отправлены въ армію, дѣйствующую противу Турокъ. 2-е, Умноженіе раскольничьихъ селеній, всегда враждующихъ противу православія и установленныхъ властей. 3-е, Открывшееся въ станицахъ Яицкихъ козаковъ неудовольствіе, возродившее ропотъ и сопротивленіе, и превратившееся въ явный бунтъ*). 4-е, Закоренѣлое суевѣріе и грубое невѣжество народовъ въ сей обширной и отдаленной странѣ. Пугачевъ былъ стар-

*) См. приложеніе 23.

шій сынъ Ивана Измайлова, простаго Донскаго козака Зимовянской станицы, служившаго съ отличнымъ усердіемъ, храбростію и благоразуміемъ Петру Великому въ войнѣ противъ Карла XII и Турокъ; онъ попался въ плѣнъ къ симъ послѣднимъ за нѣсколько дней до заключенія Прутскаго мира, но вскорѣ съ двумя товарищами спасся, и, при великихъ опасностяхъ, возвратился въ отечество; по вѣрности и усердію своему искавъ всегда случая отличаться, палъ съ оружіемъ въ рукахъ во время войны противу Турокъ при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, въ 1734 годѣ. Сынъ его Емельянъ, родившійся въ 1729 годѣ, одаренъ былъ отъ природы необычайною силою тѣлесною, мужествомъ, рѣшимостію и пылкостью ума и чрезмѣрнымъ честолюбіемъ; сіи дарованія, при надлежащемъ воспитаніи, могли бы обратиться къ его щастію, и сдѣлать его полезнымъ и отличнымъ слугою отечеству, но, по распутству матери и безпечности опекуна и дяди, способности сіи обратились на вѣчную пагубу сего нещастнаго и на всеобщее бѣдствіе. Пугачевъ предался съ самой молодости сварливому, буйному и неистовому поведенію, при которомъ оказывалъ однакоже рѣдкую храбрость и рѣшимость духа, какъ во время служенія его въ семилѣтнюю войну противъ Прусіи, такъ и въ походѣ въ 1769 годѣ во 2-й арміи при осадѣ и взятіи Бендеръ, за что произведенъ въ эсаулы. Послѣ взятія сего города, находя, по высокомѣрію своему, что

заслуги его не были довольно награждены, просилъ увольненія; но, какъ ему было въ томъ отказано, бѣжалъ за границу въ Польшу, и, бывъ раскольникъ, нашелъ убѣжище у живущихъ тамъ раскольниковъ, и жилъ въ ихъ монастырѣ близъ слободы Вѣтки. Прошатавшись около двухъ лѣтъ по разнымъ раскольничьимъ селеніямъ, явился на границу въ Добрянку съ паспортомъ, въ которомъ показанъ былъ выходцемъ изъ Польши. Въ 1772 годѣ пришелъ въ Яицкій городокъ подъ предлогомъ закупанія рыбы для Филаретовской скиты, но съ измѣнническимъ намѣреніемъ подговаривать часть или и всѣ яицкія станицы уйти за Кубань и передаться турецкому султану, увѣряя, что онъ имѣетъ на сіе полномочное довѣріе и что, для способствованія сему побѣгу и вознагражденія за оный, турецкій паша съ знатными суммами денегъ и подарками ожидаетъ ихъ на границѣ; узнавъ, что о сихъ его предательскихъ внушеніяхъ донесено начальству, изъ Яика великимъ постомъ опять бѣжалъ, и въ Молоковской слободѣ, по доносу о подобныхъ разглашеніяхъ, схваченъ и отосланъ въ Казань, гдѣ тамошнимъ губернаторомъ фонъ Брантомъ былъ допрашиванъ и отданъ подъ судъ.

6-го мая 1773 года по рѣшенію сего суда опредѣлено было: «оному Пугачеву за побѣгъ его за границу въ Польшу и за утайку по выходѣ его оттуда въ Россію о своемъ званіи, а тѣмъ больше

«за говореніе возмутительныхъ и вредныхъ словъ, «касающихся до побѣга всѣхъ Яицкихъ козаковъ въ «Турецкую область, учинить наказаніе плетьми и по«слать, такъ какъ бродягу и привыкшаго къ празд«ной и продерзкой жизни, въ городъ Пелымъ, гдѣ «употреблять его въ казенную работу.» 19-го іюня, за три дня до полученія сего приговора, утвержденнаго въ С.Петербургѣ, по безпечности и слабому присмотру, съ помощію раскольничьяго попа подговоривъ стоящаго у него на караулѣ часоваго, Пугачевъ вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ. Около половины августа мѣсяца нашелъ способъ быть потаенно въ Яицкѣ. Здѣсь узналъ о начавшемся бунтѣ*) и о побѣгѣ нѣкоторыхъ станицъ на степи Камышь-Самарскаго озера; увидя, что весьма многіе изъ оставшихся не только въ неудовольствіи, но раздражены противъ начальства, старался усугубить ихъ неудовольствіе разными зловредными разглашеніями и тѣмъ умножалъ число своихъ сообщниковъ. Начиная тогда приводить въ дѣйствіе предпринятую имъ измѣну, разсѣевалъ слухъ, что императоръ Петръ III не скончался, какъ объявлено было отъ двора, что онъ изъ заключенія спасся и скоро явится къ храброму и вѣрному Яицкому войску и востребуетъ, чтобъ оно споспѣшествовало ему домогаться похищеннаго престола. Примѣчая, однакоже, что хотя многіе изъ станицъ съ

*) См. приложеніе 24.

жадностію слушали сіи разсказы и готовы были помогать его намѣреніямъ, но что большая часть изъ старшинъ и начальниковъ ему не вѣрятъ*), Пугачевъ опять скрылся и, спустясь прежде внизъ по теченію Волги, поднялся потомъ къ вершинѣ Иргиса, гдѣ поселены были (по указу 1762 года 11-го декабря) раскольничьи выходцы изъ Польши, такъ называемые Филипоны. Разсѣялъ между ними тѣ же слухи о скоромъ появленіи Петра III, съ такимъ коварнымъ прибавленіемъ, что сей государь, убѣгая отъ преслѣдующихъ его, скрывается въ селеніяхъ староверцевъ (какъ себя называютъ раскольники), смиряясь въ ихъ скитахъ, душевно прилѣпился къ ихъ обрядамъ, вступилъ въ ихъ вѣроисповѣданіе и обѣщалъ возсадить оное съ собою на престолъ царскій. Пугачевъ увидѣлъ, что, не смотря на нелѣпость распускаемыхъ имъ слуховъ, возбудилъ во всѣхъ раскольникахъ довѣренность, крайнее желаніе и готовность всѣмъ жертвовать къ вспомоществованію щастливаго по ихъ мнѣнію событія, не разсудилъ однако же болѣе открыться въ своихъ намѣреніяхъ и обратился къ скитающимся вокругъ Камышь-Самарскаго озера, бѣжавшимъ изъ Яицка бунтовщикамъ, многочисленно тамъ скопившимся. Зная, что они, находясь въ обличенномъ бунтѣ и безщадно за оный преслѣдуемы, въ отчаянномъ ихъ положеніи

---

*) См. приложеніе 25.

готовы пристать ко всякому злодѣйству, сбросилъ съ себя личину и всенародно объявилъ, что онъ тотъ самый императоръ Петръ III, о которомъ доходилъ до нихъ слухъ; что свергнутый съ престола, на единую храбрость и усердіе съ нимъ единовѣрнаго Яицкаго войска всю надежду свою полагаетъ. Пугачевъ не имѣлъ и малѣйшаго сходства съ тѣмъ, коего священное имя столь дерзостно принимать осмѣлился*).

Петръ III въ самой молодости привезенъ былъ въ Россію; многочисленнымъ народомъ обѣихъ столицъ почти 20 лѣтъ ежедневно былъ видаемъ, и, по ласковому его обхожденію со всѣми сословіями, подавалъ частый случай къ близкому съ нимъ знакомству. Всѣмъ извѣстно было, что онъ говорилъ на многихъ чужестранныхъ языкахъ и довольно изрядно успѣвалъ въ разныхъ приличныхъ высокому роду его наукахъ и художествахъ; волосы имѣлъ бѣлокурые, лицемъ же былъ очень бѣлъ, роста небольшаго, худощавъ и казался слабъ, хотя пріучилъ себя переносить безболѣзненно всякія перемѣны погоды. Дерзкій же самозванецъ Пугачевъ былъ смуглъ, довольно великъ ростомъ и весьма крѣпкаго сложенія[65]);

---

*) См. приложеніе 26.

[65]) Академикъ Рычковъ, лично видѣвшій Пугачева въ Симбирскѣ, описываетъ его въ слѣдующихъ словахъ: „Изъ лица и рѣчи его, Пугачева, примѣтно мнѣ было, что онъ самый извергъ натуры и ко всякому злому предпріятію склонный человѣкъ; глаза у него чрезвычайно быстры, волосы и борода черные, росту небольшаго, но широкъ въ плечахъ и весьма скоръ въ поворотахъ къ конискимъ

какъ простый козакъ безъ всякаго воспитанія, и даже не умѣлъ ни читать, ни писать. Въ злодѣйскомъ съ нимъ заговорѣ не имѣлъ болѣе 9 или 10 истинныхъ ему соумышленниковъ, подлинно знающихъ, что онъ Пугачевъ; прочіе же по простотѣ вѣрили, что онъ тотъ самый, коего имя себѣ присвоивалъ. Такимъ образомъ обольстилъ великое множество народа совершенно непросвѣщеннаго, загрубѣвшаго въ предразсудкахъ, большею частію рудокоповъ, подлой черни, поселенцевъ сего обширнаго края и разнаго роду бродягъ, для воровства и грабительства готовыхъ на всѣ законопротивные поступки. Начальствуя сею сволочью, онъ возбуждалъ къ мятежу крестьянъ противъ господъ, подчиненныхъ противъ начальниковъ, обѣщевая первымъ вольность, и вообще всѣмъ не только позволялъ, но всѣхъ поощрялъ на буйство, пьянство и всякое распутство, насилія и грабительство, поселяя вездѣ неповиновеніе и ненависть къ законнымъ властямъ; словомъ употреблялъ тѣ же мѣры и шелъ той же дорогою, коими въ послѣдствіи времени успѣвали въ дѣйствіяхъ своихъ къ пагубѣ и нещастію своего отечества и ко всеобщему ужасу, Мараты и Робеспіеры. Дворянство и высшіе чиновники оставались непоколебимы въ чувствіяхъ приверженности къ законной власти и, хотя коварный самозванецъ всячески ухищрялся дабы соблазнить и страхомъ при-

дѣламъ по козацкимъ обыкновеніямъ и при многихъ случаяхъ оказывалъ онъ великую склонность и проворность.“

нудить въ свое сообщество кого либо изъ сего сословія; но никакъ не успѣлъ; и не только ни одинъ изъ дворянъ не передался къ нему, а еще многіе, пренебрегая смерть и варварскія его мученія, въ глаза ему съ презрѣніемъ упрекали въ бунтѣ и самозванствѣ *). Достохвальному сему примѣру послѣдовали даже и нѣкоторыя женщины, превозмогавшія сродную имъ слабость твердостію и благородствомъ души. Пугачевъ отъ сего такъ ожесточился, что поклялся искоренить какъ всѣхъ дворянъ безъ изъятія, такъ и приказныхъ, что и исполнялъ безъ малѣйшаго состраданія ни къ полу, ни къ малолѣтству, предавая ихъ всѣхъ мучительной смерти. Къ духовенству съ начала оказывалъ нѣкоторое наружное почтеніе въ намѣреніи симъ вкрасться въ любовь черни; но потомъ, когда уже усилился, то, кромѣ находящихся съ нимъ въ единомысленной ереси, подвергалъ равной дворянству участи. Всѣми сими способами скопивъ уже немалую толпу и избравъ ее орудіемъ къ исполненію злодѣйскаго своего намѣренія, приступилъ къ дѣйствію.

Когда собралося къ нему до 300 человѣкъ, тогда пошелъ онъ къ Яицкому городку, въ которомъ, по отъѣздѣ генералъ маіора Фреймана въ Москву, начальствовалъ подполковникъ Симановъ съ двумя легкими командами. Сей Симановъ, увѣдомяся о злодѣ

---

*) См. приложеніе 27.

и о сборищахъ его, посылалъ въ тѣ мѣста, гдѣ онъ находился, команды для его поимки, но тайные сообщники въ городѣ о тѣхъ посылкахъ заблаговременно его извѣщали и всѣ сіи предпріятія дѣлали тщетными. По приближеніи Пугачева къ Яицкому городку, Симановъ послалъ противу него преміеръ маіора Наумова съ тремя ротами легкой полевой команды и съ нѣкоторымъ числомъ козаковъ Яицкихъ и Оренбургскихъ; но Наумовъ ничего сдѣлать не могъ и, по неосторожности, допустилъ мятежниковъ увезти у него нѣсколькихъ козачьихъ старшинъ и козаковъ, коихъ на другой день[66]) самозванецъ приказалъ перевѣшать. Въ числѣ сихъ нещастныхъ было 4 сотника, 4 пятидесятника и 4 рядовыхъ.

Пугачевъ не осмѣлился однакоже подойти къ городу и, постоявъ близъ онаго два дня, обратился къ Илецкому городку при устьѣ рѣки Илека, отъ Яицка въ 145, а отъ Оренбурга въ 124 верстахъ. На форпостахъ, по пути находящихся, Яицкихъ козаковъ всѣхъ забралъ съ собою, также и пушки съ снарядами, сколько гдѣ найти могъ. Илецкаго городка старшины съ козаками, безъ всякаго сопротивленія, ему предались и въ вѣрности присягнули какъ государю. Здѣсь усилился онъ до 700 человѣкъ, и снабдилъ себя довольною артиллеріею и всякими припасами.

---

[66]) 19 сентября 1773.

Изъ Илецкаго городка Пугачевъ посылалъ въ Киргизъ-кайсацкую орду къ хану Нуралину съ требованіемъ, чтобъ онъ, признавъ его за своего государя, прислалъ къ нему одного своего сына и лучшихъ Киргизцовъ сто человѣкъ для учиненія присяги. Ханъ не только въ томъ ему отказалъ, но сообщилъ о семъ Оренбургскому губернатору, требовавъ дозволенія взять съ собою Киргизцовъ до 5000 человѣкъ, идти и разбить сего злодѣя, но губернаторъ не согласился. Послѣ таковаго отзыва ханъ откочевалъ съ улусами своими изъ тѣхъ мѣстъ далѣе, а оставшіеся Киргизцы, видя границы безъ стражи, причинили сосѣдственному имъ краю многія раззоренія.

Выступя изъ Илецкаго городка, Пугачевъ овладѣлъ такъ называемою Разсыпною крѣпосцою (при устьѣ рѣки Илека, отъ Яицкаго городка 105, а отъ Оренбурга во 110 верстахъ) убивъ тамошняго коменданта [67]) и нѣсколькихъ человѣкъ изъ гарнизона, прочихъ всѣхъ съ ихъ оружіемъ и артиллеріею забралъ съ собою и привелъ къ присягѣ, чтобъ служили ему вѣрно какъ природному своему государю. Между тѣмъ изъ Оренбурга посланъ былъ противъ него бригадиръ Биловъ, съ отрядомъ до 700 человѣкъ и съ лучшею артиллеріею, каковая была въ городѣ [68]).

---

[67]) Маіоръ *Веловскій;* онъ былъ повѣшенъ съ женою 24 сент.

[68]) Бригадиръ баронъ *Биловъ* былъ отправленъ въ Яицкій городокъ съ 410 солдатами и 6 орудіями, по полученіи извѣстія о взятіи Илецкаго городка. Извѣстіе это было привезено въ Оренбургъ

Бригадиръ Биловъ достигъ Татищевой крѣпости (отъ Оренбурга внизъ по Яику въ 64 верстахъ) вскорѣ выступилъ изъ оной на встрѣчу злодѣю, но не извѣстно отъ чего опять въ крѣпость возвратился. Пугачевъ, овладѣвъ крѣпосцою Нижнею Озерною и убивъ тамошняго коменданта[69]), приблизился къ Татищевой ночью на 27-е сентября, зажегъ предмѣстіе и крѣпость взялъ съ великимъ кровопролитіемъ; между прочими убитъ помянутый бригадиръ и комендантъ полковникъ Елагинъ съ женою и дочерью[70]). Всѣхъ военнослужащихъ, бывшихъ въ городѣ, числомъ болѣе тысячи человѣкъ, принудилъ присягнуть, а козаки и жители добровольно ему поддалися. Пугачевъ получилъ въ добычу немалое число денегъ, военной аммуниціи, провіанта, соли и вина, да и самую лучшую артиллерію, которая отправлена была съ бригадиромъ Биловымъ; симъ пріобрѣтеніемъ столько сдѣлался силенъ, что однихъ военнослужа-

---

22 сентября во время бала, который губернаторъ Рейнсдорпъ давалъ по случаю рожденія императрицы.

[69]) Секундъ маіора *Харлова*, который былъ повѣшенъ 25 сент.

[70]) Рычковъ говоритъ также, что Елагинъ съ женою и другіе офицеры, и бригадиръ Биловъ съ его офицерами были перевѣшаны. Пушкинъ пишетъ, что Билову отсѣкли голову, съ Елагина злодѣи содрали кожу и жиромъ его мазали себѣ раны, а жену его изрубили; дочь Елагина, молодая вдова Нижнеозерскаго коменданта Харлова, по словамъ Рычкова, „какъ слышно была хорошаго вида женщина“ была взята въ кибитку Пугачева и уже въ послѣдствіи, по его приказанію, убита въ Бердской слободѣ вмѣстѣ съ своимъ 10-ти лѣтнимъ братомъ.

щихъ у него было уже болѣе 2000 человѣкъ, артиллеріи разныхъ калибровъ около 60 орудій, въ томъ числѣ два единорога съ снарядами.

Пробывъ въ Татищевой крѣпости дня съ четыре, пьянствуя и дѣля добычу между сообщниками, Пугачевъ поднялся къ Оренбургу со всею своего силою и артиллеріею. На дорогѣ взялъ крѣпосцу Чернорѣчье (отъ Оренбурга въ 18 верстахъ)[71]), въ которой бывшіе козаки также добровольно ему поддалися, и поворотилъ съ дороги, ведущей къ Оренбургу, въ лѣво, дабы пресѣчь напередъ съ симъ городомъ отвсюду сообщеніе. Раззорилъ всѣ находящіеся хутора, села и деревни и вошелъ въ Сакмарскій городокъ (отъ Оренбурга въ 29 верстахъ), гдѣ всѣ Яицкіе козаки, до 250 человѣкъ, къ нему же пристали.

Октября 5-го появился онъ въ виду Оренбурга и расположился въ 5 верстахъ лагеремъ. За день передъ тѣмъ прибыла въ Оренбургъ изъ Яицкаго городка часть шестой легкой команды, подъ предводительствомъ вышеозначеннаго маіора Наумова, и съ нимъ Яицкихъ старшинъ и козаковъ 420 человѣкъ, надъ коими начальникъ былъ войсковой ихъ старшина Мартемьянъ Бородинъ, присутствовавшій въ тамошней канцеляріи обще съ подполковникомъ Симановымъ.

---

[71]) 29 сентября Чернорѣченскій комендантъ, престарѣлый премьеръ-маіоръ Краузе, по приказанію Рейнсдорпа, выступилъ съ своимъ гарнизономъ (130 чел.) въ Оренбургъ.

Въ Оренбургѣ было достаточно войска, чтобъ не только дать отпоръ злодѣю, но разбить и разсѣять толпу его; худое распоряженіе и непростительная оплошность губернатора подали способъ ему усилиться, нѣсколько мѣсяцевъ стоя близъ города, раззорить всѣ его окрестности и, пресѣченіемъ всякаго сообщенія, привести оные, по недостатку съѣстныхъ припасовъ, въ самую крайность[72]). Изъ Симбирска послано на помощь Оренбургу апрѣля 29-го 1000 человѣкъ подъ начальствомъ тамошняго коменданта полковника Чернышева, но, не достигнувъ 4 верстъ до города, измѣною бывшихъ козаковъ, Пугачевымъ разбиты; сраженіе сіе происходило въ виду Оренбурга и губернаторъ со множествомъ народа былъ онаго зритель, но не подалъ никакой помощи, хотя сіе весьма было удобно и безъ всякой опасности возможно было исполнить[73]). Пугачевъ полковника

---

[72]) Оренбургскій губернаторъ ген. пор. Ив. Андр. *Рейнсдорпъ* (ум. 1782) награжденъ 1-го мая 1774 александровскою лентою за „вѣрность, истинное усердіе къ общему благу и непоколебимую твердость,“ оказанныя имъ во время шестимѣсячной осады Оренбурга (5 октября — 23 марта 1774). Изъ лѣтописи Рычкова видно, что онъ дѣйствительно имѣлъ эти качества, но былъ нерѣшителенъ и формалистъ: собиралъ военные совѣты, самъ снималъ допросы, заботился о соблюденіи всѣхъ канцелярскихъ формъ и пр. Притомъ приказанія его не выполнялись отрядными начальниками, которые были подчинены Казанскому губернатору ген. аншефу Бранту и начальнику Сибирской линіи ген. пор. де Калонгу.

[73]) Это несправедливо, какъ можно видѣть изъ лѣтописи самовидца этой осады, Рычкова. Въ Оренбургѣ былъ только слышенъ 13-го ноября въ 8-мъ часу утра „съ той стороны, съ которой Чер-

Чернышева и всѣхъ офицеровъ съ нимъ бывшихъ, всего 34 человѣка, перевѣшалъ, нижнихъ чиновъ удержалъ при себѣ. Подобная почти участь постигла полковника Д...[74]) и другіе отряды, высылаемые изъ разныхъ мѣстъ, рѣдко имѣли желаемый успѣхъ; ибо дѣйствовали безъ взаимной между собою связи, а напротивъ того Пугачевъ всегда отъ своихъ соумышленниковъ о выходѣ сихъ войскъ предварительно былъ извѣщаемъ и весьма дѣятельно употреблялъ сіе время, дабы разными способами, съ помощію сообщниковъ, посѣять между нижнихъ чиновъ раздоръ и страхъ, потомъ, внезапно нападая на разстроенные отряды, безъ большаго уже труда могъ ихъ побѣждать и уничтожать. Сіе же послѣдовало и съ довольно значительнымъ отрядомъ подъ командою

нышевъ шелъ, *пушечной и ружейной пальбы гулъ*, который не болѣе продолжался какъ четверть часа и тотчасъ пресѣкся". Рейнсдорпъ „хотя и старался съ своей стороны учинить Чернышеву сикурсъ, только получа сожалительный о судьбинѣ его рапортъ, что онъ, Чернышевъ, со всѣмъ корпусомъ безъ всякаго сопротивленія ведется въ лагерь злодѣйскій, принужденъ былъ здѣшнія команды, не предавъ равномѣрному жребію, возвратить въ крѣпость". Въ отрядѣ Чернышева было 600 солдатъ, 500 ставропольскихъ калмыковъ и 100 козаковъ, всего 1200 человѣкъ при 35 офицерахъ.

[74]) Единственный отдѣльный начальникъ, котораго фамилія подходитъ подъ эту начальную букву, былъ *Полковникъ Деларинъ*, оставленный командиромъ въ Верхней Озерной крѣпости. Съ 369 чел. гарнизона онъ успѣлъ, благодаря своему мужеству и благоразумію, отстоять эту крѣпость отъ нападеній Пугачева. Но шедшія къ нему три Тобольскія роты были захвачены въ кр. Ильинской; начальникъ ихъ маіоръ Заевъ убитъ, а двое офицеровъ повѣшены (29 ноября).

генералъ маіора К...[75]); сей нещастный начальникъ, примѣтивъ между своими подчиненными не только сомнѣніе, но даже измѣну, устрашась превосходныхъ силъ Пугачева, скрылся отъ своего войска и оставилъ оное участи, равной съ предшествовавшимъ.

Между тѣмъ ядовитыя послѣдствія бунта по обширнымъ симъ странамъ такъ распространились, что преградили все сношеніе Тобольской губерніи съ Оренбургомъ и даже съ самою Казанью и со столицами. Пугачевъ, видя ежедневно возрастающія свои силы скопляющимися къ нему съ всѣхъ сторонъ многочисленными толпами разной сволочи и немаловажнымъ числомъ бѣглыхъ и захваченныхъ вооруженныхъ солдатъ, получивъ знатное число оружія и артиллеріи какъ изъ разграбленныхъ имъ крѣпостей, такъ и отнятыхъ у разбитыхъ имъ или предавшихся ему военныхъ отрядовъ, умноживъ сіе число орудій вылитыми, по приказанію его, на занятыхъ имъ заводахъ, разнаго калибра пушками, велѣлъ бить

---

[75]) Ген. маіоръ *Каръ* былъ отправленъ „для возстановленія порядка и тишины... истребленія упорственныхъ и доставленія самаго того главнаго вора, возмутителя и самозванца." Но, по словамъ указа военной коллегіи отъ 30 ноября, „въ самое то время, когда предсталъ подвигъ должному его къ службѣ усердію и мужеству, ... онъ, о болѣзненномъ себя сказавши припадкѣ, оставилъ извѣстной ему важности постъ, сдалъ тотчасъ порученную ему команду и самовольно отъ оной удалился; то, по таковой слабости духа въ персонѣ званія его, ... не находитъ Ея Величество *прочности* въ немъ къ Ея службѣ..... Почему онъ изъ воинскаго стата и списка и выключенъ."

монету съ именемъ императора Петра III, разсылалъ повсюду манифесты, жаловалъ чинами и орденами, раздавалъ разныя милости и требовалъ безпрекословнаго и усерднаго повиновенія, обѣщая щедрыя награды, напротивъ же угрожалъ строжайшими наказаніями за малѣйшее сопротивленіе и ослушаніе и производилъ повсюду неимовѣрныя жестокости и раззоренья; на посылаемыя отъ начальства грамоты, обѣщевающія ему за покореніе милость и прощеніе, отвѣчалъ наглымъ образомъ и дерзкими изреченіями. Устрашенныя и разсѣянныя войски не могли уже дѣлать сему буйству никакого сопротивленія и страшная сія гидра почти безпрепятственно, быстрымъ полетомъ несла ужасъ и истребленіе къ средоточію государства и опасеніе къ столицамъ.

Въ таковомъ бѣдственномъ, дальнѣйшею опасностью угрожающемъ положеніи находились дѣла Сибири, когда Александръ Ильичь, подкрѣпляемый неослабною надеждою на Бога и безпредѣльною любовію къ отечеству, рѣшился вступить на предлагаемое терновое поприще. Въ данномъ ему на служеніе сіе рескриптѣ даны ему особенныя права и полномочіе. Рескриптъ сей весьма пространный начинался сими словами: «Чѣмъ болѣе интересуетъ общее имперіи благо, без-«опасность, да и самую цѣлость оной скорое и со-«вершенное прекращеніе сего важнаго зла до по-«слѣднихъ его источниковъ, тѣмъ надежнѣе изби-«раемъ мы васъ къ тому, яко истиннаго патріота,

«коего усердіе къ особѣ нашей, любовь и вѣрность «къ отечеству, ревность къ нераздѣльной службѣ «онаго и нашей, также отличныя качества, способ«ности и дарованія испытаны уже нами во многихъ «случаяхъ.» Окончаніе рескрипта было слѣдующее: «Впрочемъ повторяя, что мы вамъ, съ полною и не«ограниченною довѣренностію, ввѣряемъ изысканіе «и употребленіе всякихъ средствъ и мѣръ къ пре«кращенію возрастающихъ теперь безпокойствъ, по «лучшему вашему на мѣстѣ усмотрѣнію представляю«щихся тамъ удобностей, и во всемъ пространствѣ «государственныхъ нашихъ военныхъ и гражданскихъ «законовъ, уполномочиваемъ мы васъ сверхъ того «дѣлать отъ себя и собственнымъ вашимъ именемъ «всякія письменныя и печатныя публикаціи, если вы «когда въ томъ нужду признаете для пользы и по«спѣшествованія порученнаго вамъ дѣла толикой «важности.

«Да будетъ вамъ благодать Всевышняго спутни«комъ и руководителемъ. Мы же, усердно объ «оной моля, пребываемъ вамъ императорскою нашею «милостію благосклонны. Данъ въ С. Петербургѣ 29-го «ноября 1773-го года.»

Александръ Ильичь, простясь съ своимъ семействомъ по предназначенію Провидѣнія уже на вѣкъ, 9-го декабря 1773 года отправился въ многотрудный путь свой.

Пріѣхавъ въ Москву 13-го того же мѣсяца, на-

шелъ онъ обширную сію столицу въ страхѣ и унынія отъ язвы и бывшаго возмущенія; настоящая гроза приводила въ трепетъ ея жителей отъ новыхъ бѣдствій, коихъ не безъ причины опасались, ибо холопи и фабричные, и вся многочисленная чернь московская, шатаясь по улицамъ, почти явно оказывала буйственное свое расположеніе и приверженность къ самозванцу, который, по словамъ ихъ, несетъ имъ желаемую ими свободу; войска же, къ укрощенію сего буйства, было весьма мало и недостаточно. Дворянство, собирающееся обыкновенно въ Москву къ празднику, съѣхалось тогда въ великомъ множествѣ; выѣзжая изъ губерній, раззоряемыхъ разбойничьими шайками бунтовщиковъ или ими угрожаемыхъ, оставляло отеческіе свои домы и искало въ Москвѣ послѣдняго себѣ убѣжища. Радость московскихъ жителей при пріѣздѣ Александра Ильича и сдѣланный ему пріемъ доказали въ полной мѣрѣ опасенія столицы и возлагаемую ею на него надежду. Чѣмъ болѣе онъ чувствовалъ сему цѣну, тѣмъ болѣе желалъ оправдать общее и лестное о немъ мнѣніе; по мѣрѣ приближенія къ мѣсту предстоящихъ ему дѣйствій, затрудненія и препоны умножались.

По выѣздѣ изъ Москвы 18-го того же мѣсяца, Александръ Ильичь, услыша, что въ Владимірскомъ пѣхотномъ полку, который шелъ противъ Пугачева, возникли и примѣчены къ нему приверженцы, дабы узнать оныхъ, предписалъ между прочимъ начальни-

камъ городовъ, коими полку надлежало проходить, чтобы они разослали по всѣмъ кабакамъ переодѣтыхъ чиновниковъ и велѣли имъ узнавать преданныхъ самозванцу; мѣра сія не замедлила произвести ожидаемый успѣхъ. Недостойные названія россійскаго воина злодѣи скоро обнаружились и преданы посрамленію и казни.

Пріѣхавъ въ ночь 25-го декабря въ Казань, Александръ Ильичь нашелъ сей городъ въ большемъ страхѣ нежели Москву, отъ опасенія приближающихся Пугачевскихъ разбойничьихъ шаекъ. Великое число чиновниковъ, дворянъ и знатнѣйшихъ жителей, съ женами и дѣтьми, удалились изъ города и губернаторъ имъ послѣдовалъ.

Въ сіе время получены извѣстія, что въ Самарѣ, Пензѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ народъ не токмо принялъ самозванца, но и встрѣтилъ его съ крестами и хлѣбомъ и солью[76]), а шайки бунтовщиковъ возрасли до того, что могутъ уже назваться корпусомъ; ибо простирались до 20 тысячъ человѣкъ, съ довольнымъ числомъ артиллеріи; сіе разбойничье войско производило всюду ужаснѣйшія опустошенія и безчеловѣчія, отъ коихъ все дворянство,

---

[76]) Ошибочно: Пугачевъ до самаго конца марта 1773 года не оставлялъ Яицкой линіи. Самара была занята 28 декабря одною изъ его шаекъ, которая вскорѣ выгнана оттуда маіоромъ Муфелемъ (см. стр. 136). Пенза занята Пугачевымъ уже въ послѣднихъ числахъ іюля 1774 г.

воеводы и прочіе начальники спасались бѣгствомъ; Яицкъ и Оренбургъ*), самое, важное пограничное мѣсто, находится въ осадѣ; что изъ войскъ, противупоставленныхъ бунтовщикамъ, цѣлые отряды положили оружіе и даже иные перешли къ самозванцу. Многочисленная толпа Башкирцевъ и Калмыковъ**), убивъ начальника своего, бригадира Фегезака, также предались Пугачеву и онъ, ежедневно еще прибѣгающими къ нему взбунтовавшимися заводскими крестьянами и рудокопами усиленный, уже осмѣливался вступать въ дѣло съ посланными противу него войсками; нерѣдко успѣвалъ разбивать оныя; всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ, а изъ нижнихъ чиновъ тѣхъ, которые отказывались ему служить, предавалъ мучительной смерти; такой же участи подвержены были приказные, иностранцы и вообще всѣ дворяне безъ

*) Оренбургъ городъ и крѣпость построенъ близъ устья рѣки Нижней Самары, 1734 года; устройство въ городѣ и во всей Оренбургской губерніи учреждены Иваномъ Ивановичемъ Неплюевымъ. Обширная сія губернія въ длину имѣетъ 1600 верстъ, въ оной Киргизъ, Татаръ и другихъ кочующихъ народовъ было тогда болѣе 400 тысячъ мужеска и женска пола, заводовъ однихъ желѣныхъ 13.[77])

[77]) Оренбургъ построенъ д. тайн. сов. Неплюевымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣ, только въ 1742 г.; сперва былъ онъ построенъ ст. сов. Кириловымъ на мѣстѣ нынѣшней кр. Орской въ 1735 г.; потомъ перенесенъ тайн. сов. Татищевымъ на мѣсто нынѣшней кр. Красногорской въ 1740 году.

**) См. приложеніе 28.

различія пола и лѣтъ*). Какъ самозванецъ и большая часть мерзкой его сволочи были раскольники, то, по ненависти къ благочестивымъ церквамъ, ихъ грабили, оскверняли и выжигали, а съ духовенствомъ**) поступали также какъ съ дворянами. Сначала Пугачевъ, прибавляя ханжество къ злодѣяніямъ, лицемѣрилъ, притворялся смиреннымъ и увѣрялъ, что, побѣдивъ своихъ противниковъ, отдастъ престолъ свой сыну своему великому князю Павлу Петровичу (къ которому оказывалъ горячую любовь и, найдя въ одномъ домѣ портретъ его высочества, цѣловалъ проливая слезы), самъ же возвратится въ Филаретовскій скитъ, и посвятитъ остатокъ дней своихъ

---

*) По повелѣнію Пугачева всѣ въ Оренбургѣ иностранцы убиты для того, что онъ языковъ ихъ, на которыхъ Петръ III говорилъ, не зналъ. Нашедъ астронома Ловица, члена С.Петербургской академіи наукъ, занимающагося снятіемъ высотъ для проложенія канала къ соединенію Волги съ Дономъ, велѣлъ его повѣсить на высокой висѣлицѣ и, прибавляя поруганіе къ звѣрству, сказалъ, что тамъ будетъ ближе къ звѣздамъ[78]).

[78]) Профессоръ астрономіи Георгъ Морицъ *Ловицъ* былъ отправленъ въ 1768 году при академикѣ Самуилѣ Гмелинѣ (младшемъ) въ ученое путешествіе въ южную Россію; онъ былъ повѣшенъ въ Саратовѣ (въ августѣ 1774 г.)

**) Пугачевымъ и его сообщниками осквернено и разграблено 55 церквей, изъ коихъ въ нѣкоторыя въѣзжали они на лошадяхъ, а въ другихъ и въ царскія двери входили; сожжено 6 церквей. Побито духовенства, дворянства, мѣщанства и другаго состоянія, разнаго пола и возраста 1745 душъ, въ томъ числѣ женщинъ 319, дѣтей 75.

служенію Богу. Но когда увидѣлъ, что довольно уже усилился, и что не могъ обольстить никого изъ чиновниковъ и дворянъ, тогда велѣлъ главнымъ изъ своихъ приверженцевъ принять имена знатнѣйшихъ вельможъ россійскихъ, жаловалъ ихъ чинами и возлагалъ ордена: потомъ погрузился съ сими достойными его наперсниками во всякое распутство и жестокость. Распространяя страхъ, онъ распространялъ свои успѣхи, умѣлъ оными пользоваться и объявилъ, что со всѣми своими силами идетъ прямо къ Москвѣ, гдѣ будто имѣетъ многочисленныхъ сообщниковъ и съ радостію принятъ будетъ.

Сколь ни опасно было положеніе дѣлъ, Александръ Ильичь, по прибытіи въ Казань, старался всѣхъ успокоить, имѣя не только видъ спокойный, но и веселый*); симъ успѣлъ возстановить столько довѣренности къ безопасности города, что большая часть выѣхавшихъ жителей возвратились. Еще до прибытія въ Казань, онъ предписалъ ввѣреннымъ ему войскамъ, которыя шли отрядами изъ Тобольска, Малороссіи, Польши и даже изъ Петербурга, поспѣшать къ Оренбургу, важнѣйшему мѣсту для обороны и средоточію всѣхъ его дѣйствій, откуда надѣялся онъ преградить бунтовщикамъ путь во внутреннія губерніи и отрѣзать ихъ отъ Башкиріи, Перми и Сибири,

*) Между тѣмъ письма его показывали снѣдающія его безпокойства и внутреннее души его мученіе (См. № 18).

гдѣ они могли бы, уничтоживши горныя работы, усилиться рудокопными работниками, также и многочисленными азіатскими народами. Чувствуя, что сіи распоряженія, по дальнымъ разстояніямъ, такъ и по другимъ непредвидимымъ случаямъ, могутъ обмануть ожиданіе, Александръ Ильичь предположилъ особенною мѣрою произвесть надъ колеблющимися умами благопріятное впечатлѣніе и обратить къ единой цѣли общей пользы и спасенія. Въ слѣдствіе сего, въ первый день новаго 1774 года, по отслушаніи литургіи и молебна въ соборной церкви, прочтенъ манифестъ о предстоящихъ дѣлахъ изданный*), и преосвященный Казанскій Веніаминъ произнесъ проницающее сердце всѣхъ слушателей слово, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «правовѣрные должны «пребывать непоколебимы въ вѣрѣ православной и «въ повиновеніи премудраго закона Божія, коимъ «правятъ цари царствующіе и господа господствующіе, «что люди всякаго состоянія должны ополчиться на «защиту вѣры, отечества, женъ и дѣтей ихъ противъ «злобнаго возмутителя и безбожныхъ его соумышленниковъ, которые, возставши на церковь Божію и «священныхъ ея служителей, не щадятъ никакого состоянія, ниже какого пола, ни невинныхъ младен-

*) Манифестъ сей отъ 29 ноября 1773 года напечатанъ былъ церковными буквами, чтобъ раскольники, которые, по суевѣрію, другаго печатанія читать упрямятся, отъ сего отговариваться не могли.

«цевъ, распространяютъ повсюду неслыханное вар-
«варство и опустошеніе, не различаютъ и покор-
«ствующихъ имъ отъ противящихся, предаютъ всѣхъ
«безъ разбора ужаснѣйшимъ истязаніямъ и мучи-
«тельной смерти, и тѣмъ самымъ подвергаются страш-
«ной анаѳемѣ и правосудному гнѣву и мщенію Бо-
«жіему и, въ ожиданіи адскихъ мученій, не избѣг-
«нутъ и на земли достойнаго имъ наказанія.» Алек-
сандръ Ильичь тотчасъ собралъ всѣхъ дворянъ и, объявя ея императорскаго величества благоволеніе, изобразилъ какъ матернюю ея къ нимъ любовь, довѣренность и безпрерывныя щедроты, такъ видимую угрожающую имъ и семействамъ ихъ опасность отъ неистовой дерзости самозванца Пугачева; потомъ прибавилъ, что никакого нѣтъ сомнѣнія, что каждый сочленъ почтеннаго сословія дворянства знаетъ и душевно чувствуетъ первый долгъ дворянина — жертвовать не только всѣмъ имѣніемъ, но и жизнію своею для спасенія и пользы отечества и за честь вмѣняетъ себѣ быть твердою и непреодолимою подпорою трона царскаго; что таковый долгъ стократъ еще усугубляется, когда на тронѣ семъ великая и премудрая Екатерина, матерь отечества, ежедневно не щадящая ни трудовъ, ни спокойствія, ни дражайшаго здоровья своего на попеченія о благѣ своихъ подданныхъ; въ заключеніе Александръ Ильичь сказалъ, что онъ имѣлъ щастіе получить высочайшею ея довѣренностію полную власть какъ къ наказанію

вѣроломныхъ враговъ отечества, такъ и къ награжденію вѣрныхъ и усердныхъ слугъ ея величества; пріятнымъ долгомъ поставлять будетъ непремѣнно доводить въ точности до ея свѣдѣнія всякій подвигъ каждаго вѣрноподданнаго и удостовѣренъ, что благородное казанское дворянство подастъ первый къ таковымъ подвигамъ примѣръ, ополчится, съ достодолжною его званію храбростію и усердіемъ, на защиту престола и любезнаго отечества противъ богоотступнаго бунтовщика и мерзкаго самозванца. Нѣтъ пера, которое бы довольно живо изобразить могло, съ коликимъ благоговѣніемъ и радостными слезами приняли всѣ дворяне монаршее о нихъ попеченіе и милость. Они единогласно въ восторгѣ радости и благодарности объявили, что готовы за всемилостивѣйшую государыню и за отечество жертвовать не только имѣніемъ своимъ, но и жизнію, такъ какъ и предки ихъ пребыли всегда государю и отечеству непоколебимы въ вѣрности и, утвердивъ сіе письменно, въ тотъ же день положили, для скорѣйшаго искорененія настоящаго зла и для возстановленія общаго покоя, собрать на первый случай со всевозможною поспѣшностію конный корпусъ войскъ изъ собственныхъ своихъ людей и на своемъ иждивеніи, съ числа двухъ сотъ душъ по одному человѣку, вооружить и снабдить его всѣмъ потребнымъ къ службѣ. Сей добровольный наборъ распространило дворянство на всѣ уѣзды Казанской губерніи, включивъ и отсутствующихъ по-

мѣщиковъ. Главнымъ начальникомъ составляемаго дворянствомъ корпуса, избранъ былъ г-нъ генералъ маіоръ Ларіоновъ, человѣкъ извѣстный ревностію къ службѣ и оказаннымъ при семъ случаѣ усердіемъ; къ начальству эскадронами и ротами назначены были достойные изъ дворянскаго сословія чиновники*).

Таковый поступокъ казанскаго дворянства возбудилъ соревнованіе въ дворянствѣ симбирскомъ, свіяжскомъ и пензенскомъ, и первые два составили конные корпуса и избрали къ начальствованію корпуса симбирскаго — маіора Гладкова, пензенскаго — маіора Чемесова. Свіяжское же дворянство, о причинѣ малаго числа положенныхъ по его уѣзду въ подушный окладъ людей, набрало изъ оныхъ нѣсколько воиновъ и присоединило къ казанскому, назначивъ надъ ними начальникомъ отставнаго капитана Матюнина. Казанскій магистратъ вооружилъ на свое иждивеніе одинъ эскадронъ гусаръ. Казалось, что возвратились незабвенныя времена Пожарскаго и Минина**). Александръ Ильичь поспѣшилъ о таковыхъ подвигахъ любви къ отечеству и государю донести императрицѣ и въ отвѣтъ получилъ ея рескриптъ***). Императрица изъявила желаніе поставить себя въ число казанскаго дворянства и, по находящимся въ сей губерніи дворцовымъ волостямъ, изволила въ особенномъ письмѣ къ Александру Ильичу назваться

---

*) См. прил. 30. **) См. прил. 37. ***) См. прил. 32.

казанскою помѣщицею и, въ качествѣ помѣщицы, принять дѣйствительное и непосредственное участіе въ общихъ дворянства приуготовленіяхъ и мѣрахъ*).

Александръ Ильичь, получа сей рескриптъ января 27-го, для выслушанія онаго назначилъ общее всѣхъ дворянъ собраніе 30-го числа и, открывъ засѣданіе краткою на сей случай рѣчью, прочиталъ рескриптъ. Тогда отъ всюду раздалось громогласное восклицаніе: «Да здраствуетъ великая наша самодержица! да царствуетъ надъ нами щедрая мать наша! готовы мы за «нее пролить кровь нашу и жертвовать всѣмъ, что «мы имѣемъ.» Когда умолкли сіи радостныя изреченія, предводитель, отъ имени всего дворянства, сказалъ рѣчь и прочелъ написанныя къ императрицѣ и къ Александру Ильичу письма**).

По прочтеніи сихъ писемъ г. казанскій губернаторъ и Александръ Ильичь поѣхали въ сопровожденіи всѣхъ дворянъ въ соборную церковь для благодарственнаго молебствія. Весь день проведенъ въ радости и пиршествѣ.

Между тѣмъ Александръ Ильичь, желая скорѣе успокоить города и обезпечить собственность гражданъ, обратилъ часть дѣйствительно пришедшихъ войскъ на освобожденіе города Самары, который незадолго предъ тѣмъ былъ взятъ Пугачева сообщниками. Посланный для сего 24-й полевой легкой команды маіоръ и

---

*) См. прил. 33. **) См. прил. 34 и 36.

кавалеръ Муффель 29 января 1774 года, по разбитіи бунтовщиковъ, взялъ Самару, причемъ взято болѣе 200 плѣнныхъ и 8 пушекъ[79]).

Въ сіе время войски начали приходить въ назначенныя имъ мѣста и раздѣлены на корпуса. Главный, который долженъ былъ дѣйствовать отъ Оренбурга до Казани и заградить московскую дорогу, порученъ былъ отъ главнокомандующаго начальству генералъ маіора князя П. М. Голицына[80]). Генералъ маіору Мансурову ввѣрено правое крыло, назначенное къ защищенію Самарской линіи; лѣвое, для обороны дороги отъ Екатеринбурга и Уфы, сначала отдано подъ команду генералъ маіора Ларіонова, но, по медленному его движенію или нѣкоторой несмѣлости, поручено подполковнику Михельсону[81]); съ

---

[79]) У Пушкина: 29 декабря 1773 года — 6 пушекъ и 300 плѣнныхъ.

[80]) Кн. Петръ Мих. *Голицынъ* (р. 1738, убитъ на поединкѣ 1775), уже отличился въ войнѣ съ конфедератами (см. выше стр. 79, 81, 93—97); онъ первый началъ дѣйствовать рѣшительно противъ Пугачева: для большей быстроты въ передвиженіяхъ онъ поставилъ артиллерію на зимній ходъ, а солдаты его шли по глубокимъ снѣгамъ на лыжахъ. Пораженіемъ Пугачева подъ Татищевой (22 марта) онъ принудилъ его снять осаду Оренбурга, а разбитіемъ при Каргалѣ (1 апрѣля) отбросилъ его къ Уральскимъ горамъ, откуда Михельсонъ началъ уже постоянное его преслѣдованіе. Голицынъ былъ награжденъ чиномъ генералъ поручика, орденомъ св. Александра Невскаго и двумя тысячами душъ.

[81]) Въ подлинникѣ какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и на стр. 140 и 144, Михельсонъ названъ *полковникомъ*, но чинъ этотъ былъ получёнъ имъ уже въ слѣдующемъ году (12 февр. 1775). Извѣстный А. И. Бибикову уже по семилѣтней (стр. 10) и по конфедератской войнамъ (стр. 86, 87 и 90), онъ, послѣ Голицына, былъ глав-

Сибирской стороны отъ Верхне-Яицкихъ крѣпостей предписано стѣснять мятежническія толпы генералъ поручику де Калонгу[82]) и отдѣлить отъ себя для защиты Кунгура отрядъ подъ начальствомъ маіора Гагрина[83]). А какъ отъ Яицка по всей степи до городка Гурьева не было никакихъ войскъ и бунтующіе могли свободно пробраться чрезъ Волгу на Малыковку (что нынѣ Вольскъ), оттуда на Симбирскую, Пензенскую губерніи и даже на Москву; то, чтобъ отвратить ихъ отъ сего покушенія, когда войски подъ предводительствомъ означенныхъ генераловъ приближались къ Оренбургу, Александръ Ильичь по-

---

нымъ виновникомъ истребленія Пугачева. Главнымъ его подвигомъ было освобожденіе Казани (12—14 іюля 1774), гдѣ съ 900 человѣкъ онъ разбилъ 25 т. мятежниковъ; онъ же истребилъ послѣднее полчище Пугачева (25 августа между Царицынымъ и Чернымъ Яромъ). Михельсонъ былъ награжденъ чиномъ полковника, орденомъ св. Георгія 3-й ст., золотой шпагой съ бриллiантами и пожалованіемъ 1000 душъ.

82) Ген. пор. *де Калонгъ* былъ начальникомъ Сибирской линіи; въ ноябрѣ 1773 г. командировалъ въ Оренбургскій край отрядъ подъ начальствомъ ген. м. Станиславскаго, который безо всякой пользы простоялъ въ Орской крѣпости во все время осады Оренбурга. Нельзя не приписать продолжительности этой осады противодѣйствію всѣмъ требованіямъ Рейнсдорпа со стороны де Калонга, который, подъ предлогомъ наблюденія за Исетскими Башкирами и Мещеряками, оставался въ Верхне-Уральскѣ не заботясь о помощи Оренбургу.

83) „Нарвскаго пѣхотнаго полка премьеръ маіоръ и кавалеръ *Гагринъ*" находился въ корпусѣ кн. Голицына, въ журналѣ коего помѣщенъ слѣдующій о немъ отзывъ: „узнавъ тамъ (въ Кунгурѣ) злодѣйскій скопъ, простиравшійся до 2 тыс. чел., не смотря на ихъ многолюдство, небольшою своею командою отважился ихъ атаковать, всѣхъ ихъ разбилъ и отнялъ у злодѣевъ 18 пушекъ."

слалъ (6-го марта) того жъ гвардіи офицера Державина въ Саратовъ и иностранныя колоніи, и велѣлъ ему подряжать провіантъ для идущихъ будто бы во множествѣ гусаръ отъ Астрахани. Точнымъ и благоразумнымъ исполненіемъ єего предписанія, г. Державинъ оказалъ важную услугу и заслужилъ признательность. Пугачевъ, устрашась распущенныхъ слуховъ и остерегаясь приближенія идущихъ вымышленныхъ войскъ, сперва оказалъ нерѣшимость, потомъ остановился на походѣ, и наконецъ обратился на низовыя мѣста, чѣмъ потерялъ драгоцѣнное для себя время и допустилъ генерала Мансурова освободить Уральскъ отъ осады и совершеннаго голода; осажденные защищались съ такимъ отчаяніемъ, что употребляли въ пищу землю, какъ увѣряютъ въ описаніи сей осады. Хотя на всѣхъ вышесказанныхъ пунктахъ всего войска едва было до десяти тысячъ; но сіе искусное оныхъ расположеніе по всѣмъ опаснымъ мѣстамъ устрашило мятежниковъ и преградило дерзкое ихъ стремленіе; они вездѣ были встрѣчаемы и поражаемы, а особливо 14-го февраля при Бузулуцкой крѣпости генераломъ Мансуровымъ, который ихъ разбилъ, отнялъ 15 пушекъ и взялъ множество плѣнныхъ. Съ другой стороны полковникъ Бибиковъ, при крѣпости Бакалахъ, разбилъ мятежническую четырехъ тысячную партію[84]). По получе-

---

[84]) Полковникъ *Бибиковъ* въ экстрактѣ изъ журнала кн. П. М. Голицына названъ *роднымъ племянникомъ* Александра Ильича? Биби-

нія сего извѣстія Александръ Ильичъ для ускоренія военныхъ дѣйствій выѣхалъ изъ Казани, и 15-го марта былъ уже въ Кучуевской крѣпости[85]). По пріѣздѣ въ Бугульму, встрѣченъ пріятнымъ извѣстіемъ о пораженіи Пугачева княземъ Голицынымъ при крѣпости Татищевой 22-го марта. У самозванца было 35 артиллерійскихъ орудій и болѣе 10,000 войска, изъ коихъ три тысячи были настоящіе солдаты, попавшіеся въ плѣнъ или отъ разныхъ отрядовъ передавшіеся; всѣ же силы его совокупно простирались до 25 тысячъ съ весьма значительною артиллеріею; Оренбургъ былъ освобожденъ симъ пораженіемъ. Дѣятельность князя Голицына тѣмъ не удовольствовалась; преслѣдуя возмутителей и не давая имъ отдыха, онъ вторично ихъ разбилъ при городѣ Сакмарскѣ*), гдѣ Пугачевъ имѣлъ намѣреніе удержаться и, собравъ остальныя силы, дѣлалъ отчаянный отпоръ; но храбростію вѣрныхъ войскъ и искуствомъ ихъ начальника сіи замыслы низпровержены, злоумышленники изъ города вытѣснены и разсѣяны; Пугачевъ едва успѣлъ верьхомъ ускакать по дорогѣ къ Пречистенской крѣпости, и

ковъ особенно отличался освобожденіемъ Заинска и (11 февраля) крѣпостцы Бакалы (въ 37 верстахъ отъ Нагайбака). Подъ Татищевой (22 марта) онъ командовалъ лыжниками; также во всѣхъ слѣдующихъ дѣйствіяхъ, ведя авангардъ кн. Голицына, много способствовалъ его успѣхамъ.

85) *Кичуевскій фельдшанецъ* между Чистополемъ и Бугульмой.

*) 1 апрѣля.

слалъ (6-го марта) того жъ гвардіи офицера Державина въ Саратовъ и иностранныя колоніи, и велѣлъ ему подряжать провіантъ для идущихъ будто бы во множествѣ гусаръ отъ Астрахани. Точнымъ и благоразумнымъ исполненіемъ сего предписанія, г. Державинъ оказалъ важную услугу и заслужилъ признательность. Пугачевъ, устрашась распущенныхъ слуховъ и остерегаясь приближенія идущихъ вымышленныхъ войскъ, сперва оказалъ нерѣшимость, потомъ остановился на походѣ, и наконецъ обратился на низовыя мѣста, чѣмъ потерялъ драгоцѣнное для себя время и допустилъ генерала Мансурова освободить Уральскъ отъ осады и совершеннаго голода; осажденные защищались съ такимъ отчаяніемъ, что употребляли въ пищу землю, какъ увѣряютъ въ описаніи сей осады. Хотя на всѣхъ вышесказанныхъ пунктахъ всего войска едва было до десяти тысячъ; но сіе искусное оныхъ расположеніе по всѣмъ опаснымъ мѣстамъ устрашило мятежниковъ и преградило дерзкое ихъ стремленіе; они вездѣ были встрѣчаемы и поражаемы, а особливо 14-го февраля при Бузулуцкой крѣпости генераломъ Мансуровымъ, который ихъ разбилъ, отнялъ 15 пушекъ и взялъ множество плѣнныхъ. Съ другой стороны полковникъ Бибиковъ, при крѣпости Бакалахъ, разбилъ мятежническую четырехъ тысячную партію[84]). По получе-

---

[84]) Полковникъ *Бибиковъ* въ экстрактѣ изъ журнала кн. П. М. Голицына названъ *роднымъ племянникомъ* Александра Ильича? Биби-

нія сего извѣстія Александръ Ильичь для ускоренія военныхъ дѣйствій выѣхалъ изъ Казани и 15-го марта былъ уже въ Кучуевской крѣпости[85]). По пріѣздѣ въ Бугульму, встрѣченъ пріятнымъ извѣстіемъ о пораженіи Пугачева княземъ Голицынымъ при крѣпости Татищевой 22-го марта. У самозванца было 35 артиллерійскихъ орудій и болѣе 10,000 войска, изъ коихъ три тысячи были настоящіе солдаты, попавшіеся въ плѣнъ или отъ разныхъ отрядовъ передавшіеся; всѣ же силы его совокупно простирались до 25 тысячъ съ весьма значительною артиллеріею; Оренбургъ былъ освобожденъ симъ пораженіемъ. Дѣятельность князя Голицына тѣмъ не удовольствовалась; преслѣдуя возмутителей и не давая имъ отдыха, онъ вторично ихъ разбилъ при городѣ Сакмарскѣ*), гдѣ Пугачевъ имѣлъ намѣреніе удержаться и, собравъ остальныя силы, дѣлалъ отчаянный отпоръ; но храбростію вѣрныхъ войскъ и искуствомъ ихъ начальника сіи замыслы низпровержены, злоумышленники изъ города вытѣснены и разсѣяны; Пугачевъ едва успѣлъ верьхомъ ускакать по дорогѣ къ Пречистенской крѣпости, и

ковъ особенно отличился освобожденіемъ Заинска и (11 февраля) крѣпостцы Бакалы (въ 37 верстахъ отъ Нагайбака). Подъ Татищевой (22 марта) онъ командовалъ лыжниками; также во всѣхъ слѣдующихъ дѣйствіяхъ, ведя авангардъ кн. Голицына, много способствовалъ его успѣхамъ.

[85]) *Кичуевскій фельдшанецъ* между Чистополемъ и Бугульмой.

*) 1 апрѣля.

полковникъ Хорватъ[86]) съ отрядомъ гусаръ гнался за нимъ, но, за усталостью лошадей, принужденъ былъ оставить преслѣдованіе. При семъ совершенномъ пораженіи, самозванецъ потерялъ безъ остатка почти всѣ свои орудія, обозъ и заготовленный провіантъ, и фуражъ. Послѣ сего князь Голицынъ послалъ отрядъ внутрь Башкиріи и для очищенія большой московской дороги[87]). Въ сіе же время получены пріятныя извѣстія и изъ Башкиріи, что прошедшій къ Уфѣ корпусъ, подъ командою подполковника Михельсона, разогналъ утѣснявшихъ тотъ городъ мятежниковъ и что начальникъ оныхъ взятъ[88]).

Александръ Ильичь, донося о сихъ произшествіяхъ императрицѣ, писалъ, что по такому благополучному обороту дѣлъ скоро ожидать должно совершеннаго прекращенія мятежа и возстановленія вожделѣннаго спокойствія. Императрица, по полученіи сихъ благопріятныхъ извѣстій, видя неусыпные и успѣшные труды Александра Ильича, пожаловала его подполковникомъ гвардіи, сенаторомъ и кавалеромъ ордена

---

[86]) Осипъ Ив. *Хорватъ* (въ послѣдствіи ген. лейт. и Александровскій кавалеръ) въ 1751 г. привелъ большое число Сербовъ, которые были поселены въ верховьяхъ Ингула, гдѣ нынѣ стоитъ Елисаветградъ (см. о Новой Сербіи прим. 26).

[87]) Для усмиренія Башкиріи былъ отряженъ ген.м. фонъ Фрейманъ, для очищенія московской дороги — полк. Аршеневскій, къ Илецкому городку — ген. м. Мансуровъ.

[88]) Яицкій казакъ *Чика*, котораго Пугачевъ прозвалъ *графомъ Чернышевымъ*.

св. Андрея; — онъ не получилъ сихъ лестныхъ изъявленій монаршей милости.

Безмѣрная дѣятельность и чрезвычайныя безпокойствія души, съ служеніемъ его сопряженныя, къ тому же небреженіе разстроеннаго здоровья, произвели сильную горячку и апостему въ груди, которая въ нѣсколько дней лишила Россію одного изъ усерднѣйшихъ ея сыновъ*). Александръ Ильичь скончался 9-го апрѣля 1774 на 44-мъ году, въ маломъ и бѣдномъ татарскомъ селеніи Бугульмѣ. Послѣднія предъ кончиною слова его достойны были добродѣтельнаго теченія его жизни. Когда предстоящіе при смертномъ одрѣ напоминали ему о женѣ и дѣтяхъ, коихъ оставлялъ въ недостаткѣ, онъ отвѣчалъ: «Милосердая государыня конечно ихъ призритъ; но болѣе жалѣю «и стражду оставляя въ бѣдствіи отечество.» Императрица, получивъ извѣстіе о кончинѣ Александра Ильича, удостоила его слезъ своихъ и щедрою рукою изліяла благодѣянія на оставшуюся неутѣшную

*) Народная въ Россіи молва, подтверждаемая нѣкоторыми историческими описаніями того времени, напечатанными въ чужестранныхъ земляхъ, приписуетъ скорую кончину Александра Ильича отравѣ, данной Французомъ изъ конфедератовъ; но сему нѣтъ вѣрныхъ доказательствъ; весьма справедливѣе полагать можно, что смерть Александра Ильича послѣдовала отъ величайшихъ трудовъ, истощившихъ душевныя и тѣлесныя его силы и отъ небреженія здоровьемъ по ревности къ исполненію великаго своего служенія, на избавленіе отечества отъ угрожавшей опасности.

семью; пожаловала супругѣ и дѣтямъ 2500 душъ въ Бѣлорусіи, старшаго сына произвела въ полковники и свои флигель-адъютанты, втораго, десятилѣтняго, въ офицеры гвардіи, а дочь во фрейлины. Императрица, не довольствуясь сими милостями, повелѣла спросить у вдовы покойнаго, чего бы она особенно для себя желала, но достойная супруга Александра Ильича просила только воззрѣть на небогатое состояніе одного родственника ея мужа, съ отличіемъ служившаго подъ его начальствомъ. Екатерина пожаловала ему 500 душъ[89]).

Казанское дворянство желало въ благодарность къ своему спасителю погребсти тѣло его въ Казани и соорудить ему памятникъ. Но супруга его отклонилась отъ сего предложенія, желая соединить въ своей деревнѣ[90]) прахъ свой съ нимъ. Душевно преданный ему Н. В. Леонтьевъ оплакивалъ потерю его стихотвореніемъ, изъ коего первой стихъ взятъ для эпиграфа при сихъ запискахъ; безсмертный пѣвецъ Фелицы изъявилъ благодарность своему благодѣтелю въ одѣ и послѣднюю оной строфу предложилъ для над-

[89]) Вотъ отрывокъ изъ письма жены Новгородскаго губернатора (съ 1798 г. графа) Я. Е. Сиверса къ своему мужу, отъ 24 апрѣля 1774 г. „Ничего новаго кромѣ смерти бѣднаго генерала Бибикова: она очень меня печалитъ, потому что онъ пользовался славой хорошаго человѣка. Бѣдная жена и дѣти остались въ очень незавидномъ положеніи; какъ ты знаешь — у нихъ немного и притомъ еще долги.“ (Blum. Des Grafen J. J. Sievers Denkwürdigkeiten. Leipzig u. Heidelberg 1857 II. 23).

[90]) Въ деревнѣ Баршовкѣ, на Волгѣ въ 70 верстахъ отъ Казани.

гробной надписи Александра Ильича, потому что въ кратцѣ изъявляетъ его достоинства и заслуги*).

Онъ былъ искусный вождь во браняхъ,
Совѣта мужъ, любитель музъ,
Отечества подпора тверда,
Блюститель вѣры, правдѣ другъ;
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его.
Онъ умеръ, тронъ обороняя:
Стой, путникъ! стой благоговѣйно!
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ!

Общее мнѣніе о достоинствахъ Александра Ильича и сожалѣніе соотчичей о преждевременной его кончинѣ еще болѣе усилились по бѣдственнымъ ея слѣдствіямъ. Скоро по смерти его возникло разногласіе между начальниками и нерадивое исполненіе между подчиненными. Пугачевъ немедленно о томъ извѣстился и, не смотря на многократныя пораженія, собрался съ знатными еще силами и началъ опять дѣйствовать съ бо́льшимъ противу прежняго свирѣпствомъ. Осадилъ Казань и, разсѣевая ужасъ на московскую дорогу, устрашалъ вторично древнюю сію столицу. Общее спокойствіе возстановлено было доблестнымъ подвигомъ генерала графа Петра Ивановича Панина, который, вышедъ изъ службы по не-

*) См. приложеніе 38.

удовольствію, не отказался опять посвятить себя для спасенія отечества. Екатерина ввѣрила свое и общее спокойствіе сему достойному Александра Ильича преемнику. Графъ Панинъ въ полной мѣрѣ оправдалъ сіе великое къ нему довѣріе. Храбрыми подвигами князя Голицына и подполковника Михельсона Пугачевъ былъ опять совершенно разбитъ. Но взятіе самозванца и конечное прекращеніе мятежа совершено было неутомимымъ Суворовымъ; вездѣ поспѣвшій герой самъ третей перескакалъ для сего степь, потерявъ одного изъ адъютантовъ; Пугачевъ, скованный, привезенъ въ Симбирскъ къ главнокомандующему и, какъ извѣстно, казненъ въ Москвѣ 10-го января 1775 года.

Графъ Панинъ, по окончаніи великаго своего подвига, оставилъ паки службу и покоился на лаврахъ благословляемъ соотчичами.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Выписка изъ журнала корпуса подъ командою генералъ поручика графа Румянцова.

Сентября 3 числа полковникъ Бибиковъ репортовалъ, что онъ съ его деташаментомъ съ крайнимъ поспѣшеніемъ до Трептау слѣдовалъ, а прибывъ къ оному усмотрѣлъ, что непріятель тамъ находился; въ разсужденіи сего поставя свои эскадроны въ боевой порядокъ и здѣлавъ изъ баталіоновъ колонну, прямо къ оному мѣстечку пошолъ; козакамъ напротивъ того приказалъ, переправясь чрезъ рѣку на другую сторону, пересѣкать путь непріятелю, буде онъ въ ту сторону ретироваться станетъ. Непріятель, примѣтя нашего деташамента приближеніе, оставилъ пѣхотную команду въ Трептау, для удержанія нашихъ на мосту, а съ протчими началъ ретироваться. Почему онъ, полковникъ, вознамѣрился пушками въ помянутое мѣстечко входъ себѣ открыть, однако оставленная непріятелемъ команда, не дождавшись того, затворя ворота, изъ города ретировалась. Въ самое то время присланный отъ генерала-порутчика графа Румянцова адьютантъ Лановъ, прискакавъ съ нѣсколькими гусарами къ воротамъ, принудилъ тотчасъ жителей оные отворить, и наѣхавъ за городомъ въ другомъ форштатѣ непріятельскую остальную команду при одномъ порутчикѣ, взялъ въ полонъ. Между тѣмъ онъ, полковникъ Бибиковъ, приказалъ полковнику Минстеру съ драгунами и гранадерскимъ баталіономъ, немедленно чрезъ мѣстечко проходить. Непріятель, будучи нашими козаками остановляемъ въ его ретирадѣ, разсудилъ, остановясь въ боевомъ порядкѣ, нашъ деташаментъ принять и

по построившимся драгунамъ началъ производить пушечную пальбу. Но онъ, полковникъ Бибиковъ, заведя два баталіона непріятелю во флангъ и сильно на него наступая, началъ изъ бывшихъ съ нимъ полковыхъ единороговъ по непріятелѣ стрѣлять съ такимъ хорошимъ успѣхомъ, что онъ видимо приходилъ въ непорядокъ; и, желая себя спасти скоропостижною ретирадою, въ пущее пришелъ замѣшательство, а чрезъ то подалъ случай нашимъ драгунамъ и легкимъ войскамъ великое кровопролитіе произвесть. Онъ же, полковникъ, усмотря сіе, непрестанно гранадерамъ на непріятеля наступать велѣлъ и принудилъ онаго, оставя свои пушки, въ бѣгство обратиться. И естьлибъ наступившая ночь не здѣлала ему спасенія, тобъ должно думать, что ни одинъ человѣкъ изъ нихъ не спасся. Убитыхъ непріятельскихъ тѣлъ на мѣстѣ сочтено 631, въ томъ числѣ восемь офицеровъ и Плетенбергскаго драгунскаго полку маіоръ Гранъ. Въ полонъ взято: командовавшій непріятельскимъ деташаментомъ генералъ-порутчикъ фонъ Вернеръ, Грабовскаго полку капитанъ Бредо, Левалдскаго капитанъ фонъ Берделебенъ, Каницова полку порутчикъ Эльзенъ, Бекендорфскаго полку порутчикъ Россель; подпорутчиковъ разныхъ баталіоновъ, Платто, Горнъ, Штефанъ и фельдъ-егерь Финкъ; унтеръ-офицеровъ 13, рядовыхъ 335 человѣкъ. Отъ кавалеріи Плетенбергскаго полку капитанъ фонъ-Прейсъ, прапорщикъ фонъ Дельсъ, Виртембергскаго драгунскаго прапорщикъ фонъ Сомницъ, унтеръ-офицеровъ два, рядовыхъ 156 человѣкъ. Въ добычу получено двѣ шести фунтовыя пушки, три ящика съ зарядами, три барабана, 20 фуръ съ провіантомъ, немалое число ружей и шпагъ и до двухъ сотъ лошадей.

Съ нашей стороны убито: трубачь одинъ, барабанщикъ одинъ, драгунъ 24 человѣка и два гусара; безвѣстно пропало: Архангелогородскаго драгунскаго полку подполков-

никъ графъ Витгенштеинъ, драгунъ 23 человѣка, два гусара и одинъ козакъ; ранено: Тобольскаго драгунскаго полку секундъ маіоръ фонъ Мейснеръ, капитанъ князь Оболенской, порутчикъ Мельницкой, прапорщикъ Тулубьевъ, вахмистровъ два, капраловъ два, трубачъ одинъ, драгунъ 48, гусаръ пять, козаковъ пять же; лошадей побито 29, безвѣстно пропало 33, ранено 48.

По окончаніи сего сраженія онъ, полковникъ, возвратился въ Трептау, а легкія войска отправилъ преслѣдовать непріятеля за мѣстечко Грейфенбергъ. Между тѣмъ всѣхъ чиновъ, бывшихъ въ его командѣ при семъ случаѣ, а особливо Грузинскаго гусарскаго полку капитана князя Ратіева и Архангелогородскаго драгунскаго полку капитана Франкендека, отмѣнно въ храбрыхъ поступкахъ рекомендуетъ.

Журналъ о военныхъ дѣйствіяхъ Россійской Императорской арміи, собранъ изъ Санктпетербургскихъ вѣдомостей СПБ. 1763. ч. III. 1761 годъ. стр. 162—165.

2.

Секретная инструкція г. генералъ маіору Александру Бибикову.

1. Ѣхать вы имѣете въ Холмогоры, гдѣ содержится Принцъ Брауншвейгскій Антонъ Улрихъ съ своею фамиліею, и отъ Насъ ему данное письмо вручить.

2. Намѣреніе Наше въ посылкѣ васъ къ нему въ томъ состоитъ: Мы, по человѣколюбію Нашему, желаемъ его, Принца, избавить отъ его долговременнаго заключенія, но не можемъ еще приступить къ сему дѣлу, не взявъ прежде мѣръ надлежащихъ, по которымъ бы примирить можно статскіе резоны съ его освобожденіемъ; и потому,

3. Вручивъ письмо Принцу, объявить ему имѣете

изустно, что Мы его одного намѣрены теперь освободить и выпустить въ его отечество съ благопристойностію, а дѣтей его для тѣхъ же государственныхъ резоновъ, которые онъ, по благоразумію своему, понимать самъ можетъ, до тѣхъ поръ освободить не можемъ, пока дѣла Наши государственныя не укрѣпятся въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ къ благополучію Имперіи Нашей новое свое положеніе теперь приняли.

4. И ежели онъ, Принцъ, пожелаетъ быть свободенъ одинъ, а надежду на Насъ положитъ, то Мы дѣтей его въ призрѣніи до времени оставимъ, содержа ихъ не токмо въ пристойномъ довольствѣ, но и какъ скоро поводъ къ свободѣ усмотримъ, выпустимъ и къ нему пришлемъ, то онъ можетъ вамъ, яко повѣренному отъ Насъ, искреннее свое точное желаніе объявить. Естьли же съ дѣтьми своими на обѣщанное Нами время разлучиться не похочетъ, то бы принялъ на себя терпѣніе до тѣхъ поръ остаться въ нынѣшнемъ его состояніи, доколѣ и къ свободѣ дѣтей его ту же удобность увидимъ, которая теперь для него только одного открылася.

5. О сей матеріи вы не въ одно свиданіе, но и въ часто повторяемые случаи, бывъ съ нимъ на единѣ и выигравъ отъ него къ себѣ вашимъ ласковымъ обхожденіемъ довѣренность, требуйте отъ него откровеннаго и точнаго отвѣта.

6. Наконецъ обнадеживайте его Нашею во всякомъ случаѣ милостію, и скажите, что Мы, какъ прежде писали къ нему, такъ и теперь васъ посылаемъ единственно съ намѣреніемъ, что желаемъ облегчить его и дѣтей его злоключенія.

7. Между тѣмъ часто съ нимъ бывая и разговаривая, примѣчайте нынѣшнее разума его сложеніе, а особливо дѣтей его нравы и понятіе.

8. Также осмотрите вы содержаніе ихъ, все нынѣшнее состояніе, то есть: домъ, пищу и чѣмъ они время провождаютъ, и ежели придумаете къ ихъ лучшему въ житьѣ и безнужному въ чемъ либо содержанію, то Намъ объявить возвратясь имѣете.

9. Въ случаѣ ежели онъ приметъ намѣреніе точное дѣтей своихъ на Нашу волю и обѣщаніе предать, а самъ теперь безъ отлагательства времени выѣхать, то объявите ему, что и полковникъ Адольфъ фонъ Генбургъ освобожденъ будетъ и къ нему присланъ, который для компаніи въ его свитѣ съ нимъ отпущенъ будетъ въ отечество, чего ради для пути вашего возмите теперь съ собою унтеръ офицера и солдата одного гвардіи.

«Екатерина».

Ноября 17 дня.
1762 года.

Инструкція эта была напечатана выноской къ тексту «Записокъ».

3.

Аттестатъ.

Его Превосходительство господинъ генералъ маіоръ, гвардіи Измайловскаго полка секундъ маіоръ и ордена Св. Анны кавалеръ Александръ Ильичь Бибиковъ, въ пріѣздъ свой въ нынѣшнее время въ Сѣчь Запорожскую, по его соизволенію, въ число куреня Шкуринскаго товарищей принятъ и между товариществомъ того куреня, на всегдашнее въ томъ куренѣ исчисленіе, въ куренные реэстры записанъ; для чего Его Превосходительству изъ войска Запорожскаго Низоваго при подпискѣ и при печати войсковой, сей аттестатъ выданъ 26 августа 1765 года.

За отсутствіемъ Кошеваго Атамана, подписался пра-

вящій въ войскѣ Запорожскомъ Войсковой Судья Павелъ Головатый, съ Старшинами, Куренными Атаманами, товариществомъ и всѣмъ войскомъ.

Печать у сего аттестата изображаетъ запорожца, стоящаго возлѣ хижины, въ полукафтаньѣ, держащаго ружье и пику. Вокругъ сей печати надпись: «Печать Ея Императорскаго Величества войска Запорожскаго Низоваго».

Аттестатъ этотъ былъ напечатанъ выноской къ тексту «Записокъ».

4.

Рѣчи Миниха и довольно подробное описаніе турнира помѣщены въ 1-й части сочиненія А. Вейдемейера: «Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія» (СПб. 1846. стр. 52—58). По словамъ г. Вейдемейера на первомъ турнирѣ первый призъ былъ присужденъ графинѣ Бутурлиной; графиня же Н. П. Чернышева получила первый призъ (бриллiантовыя серьги) уже на одномъ изъ послѣдующихъ турнировъ. Вотъ переводъ рѣчей Миниха, произнесенныхъ имъ на французскомъ языкѣ:

«Знаменитые Дамы и Рыцари! Никому изъ васъ не безъизвѣстно, что нѣтъ ни единаго дня, ни единой минуты, когда бы не оказывалось вниманіе ея величества всемилостивѣйшей императрицы нашей, къ умноженію блеска ея имперіи, къ расширенію круга благоденствія ея подданныхъ вообще и къ возвышенію знаменитости дворянства въ особенности.

«Сія несравненная государыня избрала сей великій день, чтобы дать первѣйшему дворянству своей имперіи случай ознаменовать свою ловкость въ воинскихъ упражненіяхъ блистательнаго каруселя, коему подобнаго еще не видывали въ Россіи. Кто не раздѣлитъ со мною чувствъ удив-

ленія и благодарности, которыя ея величество столь справедливо стяжала сею милостію и сею материнскою прозорливостію?

«Знаменитые дамы и рыцари! Вы исполнили сіи благородныя упражненія образомъ достойнымъ вашего рожденія и могущимъ дать вамъ увѣренность, что вы заслужили милостивое благоволеніе ея величества, благосклонность его высочества великаго князя и всеобщее одобреніе.»

Графинѣ Бутурлиной.

«Милостивая Государыня! Вамъ уполномочила меня ея императорское величество вручить первый призъ, плодъ рѣдкой ловкости и прелести, заслужившихъ всеобщія похвалы. Позвольте, М. Г., мнѣ первому поздравить васъ съ симъ почетнымъ отличіемъ, которое даетъ вамъ право своими достославными руками раздать прочіе призы дамамъ и рыцарямъ.

«Что касается до меня, знаменитые дамы и рыцари! посѣдѣвъ во браняхъ въ продолженіе 65 лѣтъ службы, старѣйшій солдатъ и старѣйшій фельдмаршалъ въ Европѣ, имѣвъ много разъ честь водить русскія войска къ побѣдѣ, я считаю наградою, которая вѣнчаетъ всѣ мои труды, честь, которую я сегодня имѣлъ, быть не только свидѣтелемъ, но еще и первымъ судьею вашихъ прекрасныхъ подвиговъ.»

Графинѣ Н. П. Чернышевой.

«Милостивая Государыня! Вамъ уполномоченъ я вручить отъ ея императорскаго величества первый призъ, который вы пріобрѣли прелестною ловкостію. Вамъ, М. Г., исполненный уваженія и удивленія, дѣлаю я свое нижайшее привѣтствіе по поводу сего отличія и потому, что вамъ еще принадлежитъ право изъ своихъ прекрасныхъ рукъ

вящій въ войскѣ Запорожскомъ Войсковой Судья Павелъ Головатый, съ Старшинами, Куренными Атаманами, товариществомъ и всѣмъ войскомъ.

Печать у сего аттестата изображаетъ запорожца, стоящаго возлѣ хижины, въ полукафтаньѣ, держащаго ружье и пику. Вокругъ сей печати надпись: «Печать Ея Императорскаго Величества войска Запорожскаго Низоваго».

Аттестатъ этотъ былъ напечатанъ выноской къ тексту «Записокъ».

4.

Рѣчи Миниха и довольно подробное описаніе турнира помѣщены въ 1-й части сочиненія А. Вейдемейера: «Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія» (СПб. 1846. стр. 52—58). По словамъ г. Вейдемейера на первомъ турнирѣ первый призъ былъ присужденъ графинѣ Бутурлиной; графиня же Н. П. Чернышева получила первый призъ (брилліантовыя серьги) уже на одномъ изъ послѣдующихъ турнировъ. Вотъ переводъ рѣчей Миниха, произнесенныхъ имъ на французскомъ языкѣ:

«Знаменитые Дамы и Рыцари! Никому изъ васъ не безъизвѣстно, что нѣтъ ни единаго дня, ни единой минуты, когда бы не оказывалось вниманіе ея величества всемилостивѣйшей императрицы нашей, къ умноженію блеска ея имперіи, къ расширенію круга благоденствія ея подданныхъ вообще и къ возвышенію знаменитости дворянства въ особенности.

«Сія несравненная государыня избрала сей великій день, чтобы дать первѣйшему дворянству своей имперіи случай ознаменовать свою ловкость въ воинскихъ упражненіяхъ блистательнаго каруселя, коему подобнаго еще не видывали въ Россіи. Кто не раздѣлитъ со мною чувствъ удив-

ленія и благодарности, которыя ея величество столь справедливо стяжала сею милостію и сею материнскою прозорливостію?

«Знаменитые дамы и рыцари! Вы исполнили сіи благородныя упражненія образомъ достойнымъ вашего рожденія и могущимъ дать вамъ увѣренность, что вы заслужили милостивое благоволеніе ея величества, благосклонность его высочества великаго князя и всеобщее одобреніе.»

Графинѣ Бутурлиной.

«Милостивая Государыня! Вамъ уполномочила меня ея императорское величество вручить первый призъ, плодъ рѣдкой ловкости и прелести, заслужившихъ всеобщія похвалы. Позвольте, М. Г., мнѣ первому поздравить васъ съ симъ почетнымъ отличіемъ, которое даетъ вамъ право своими достославными руками раздать прочіе призы дамамъ и рыцарямъ.

«Что касается до меня, знаменитые дамы и рыцари! посѣдѣвъ во браняхъ въ продолженіе 65 лѣтъ службы, старѣйшій солдатъ и старѣйшій фельдмаршалъ въ Европѣ, имѣвъ много разъ честь водить русскія войска къ побѣдѣ, я считаю наградою, которая вѣнчаетъ всѣ мои труды, честь, которую я сегодня имѣлъ, быть не только свидѣтелемъ, но еще и первымъ судьею вашихъ прекрасныхъ подвиговъ.»

Графинѣ Н. П. Чернышевой.

«Милостивая Государыня! Вамъ уполномоченъ я вручить отъ ея императорскаго величества первый призъ, который вы пріобрѣли прелестною ловкостію. Вамъ, М. Г., исполненный уваженія и удивленія, дѣлаю я свое нижайшее привѣтствіе по поводу сего отличія и потому, что вамъ еще принадлежитъ право изъ своихъ прекрасныхъ рукъ

раздать всѣмъ дамамъ и рыцарямъ призы, которые они теперь заслужили.»

5.

Сопровождавшіе императрицу, въ плаваніе ея по Волгѣ, чужестранные министры были: австрійскій полномочный посолъ, князь Лобковичь; пруской посолъ, графъ Сольмсъ; гишпанскій полномочный министръ, виконтъ де ла Герерхъ; датскій министръ Ассебургъ, и шведскій чрезвычайный посланникъ баронъ Рибингъ.

Англійскій чрезвычайный посланникъ кавалеръ Макартней за болѣзнію въ Москвѣ не былъ и отправился въ Англію, Англійскій же повѣренный въ дѣлахъ г. Сердлей находился въ С.Петербургѣ.

Французскій полномочный министръ Босетъ не былъ въ Москвѣ; онъ умеръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1767 года, и вмѣсто его пріѣзжалъ въ Москву Французскаго двора повѣренный въ дѣлахъ аббатъ Гюе де Росинваль.

Списокъ этотъ былъ напечатанъ выноской къ тексту «Записокъ».

6.

Выбранный отъ Костромскаго дворянства въ коммисію о сочиненіи проекта къ новому уложенію депутатъ, генералъ порутчикъ и кавалеръ Александръ Ильичь Бибиковъ, говорилъ краткую, но прекрасную привѣтственную рѣчь, которая въ подлинникѣ включается здѣсь съ твердымъ упованіемъ, что и въ читателяхъ произведетъ она подобное чувствіе, какое произвела и въ слушателяхъ.

«Всемилостивѣйшая Государыня! Преславно и знаменито время здѣшней странѣ и граду, въ которое Всевышнему Про-

мыслу судилось возвесть на Всероссійскій престолъ вѣчно прославленія достойнаго государя царя Михаила Ѳеодоровича, прапрадѣда вашего императорскаго величества, и тѣмъ спасти и избавить многими мятежами колеблющуюся Россію отъ всеконечнаго разрушенія. По истиннѣ щастливыми предки наши называться могли, сподобясь видѣть и очи своего государя и славное его на престолъ въ семъ градѣ возведеніе! Отъ единаго воспоминовенія сего незабвеннаго событія, радостное соучастіе сердца наши ощущаютъ; но сколь несравненно превосходнѣе и живѣе чувствуемъ мы теперь собственное наше благополучіе, сподобляясь видѣть въ стѣнахъ своихъ и величайшую въ свѣтѣ обладательницу, и попечительнѣйшую мать отечества нашего, приносящую намъ миръ и благоденствіе; ощущаемъ и премудрое Твое правленіе; удивляемся со всею вселенною и блажимъ неутомленные труды Твои; вкушаемъ подъ кровомъ Твоимъ собственное наше благоденствіе; воображаемъ и будущихъ потомковъ нашихъ блаженство.

«Всеавгустѣйшая Монархиня! здѣшнее дворянство, сей градъ и вся сія страна приноситъ вашему императорскому величеству вѣрноподданнѣйшее усердіе, благодарныя сердца и непоколебимую вѣрность; приими сіе, всемилостивѣйшая государыня! вмѣсто дара отъ насъ приносимаго; а мы благополучное сіе для насъ время затвердимъ вѣчно въ памяти своей, и Всевышняго умолять не престанемъ, да сохранитъ дражайшее здравіе Твое, исполнитъ всѣ предпріятія Твои, и да продолжитъ драгоцѣнные дни Твои, да тѣмъ продолжится и наше купно благоденствіе.»

Прибавленіе къ № 46 С.Петербургскихъ вѣдомостей іюня 8 дня 1767 года. 10-е продолженіе повсядневной записки похода Ея Императорскаго Величества въ Казань.

7.

Въ выноскѣ къ тексту было напечатано слѣдующее примѣчаніе сочинителя «Записокъ:»

«Въ сіе время мнѣ былъ третій годъ. Государынѣ благоугодно было взять меня на руки, посадить на колѣни и пожаловать подпрапорщикомъ въ Измайловскій полкъ; такимъ образомъ вступилъ я въ службу и подъ высочайшее ея покровительство. Съ сего же времени щедрая рука Екатерины не истощевалась до блаженной ея кончины изливать на меня и на все мое семейство непрерывные и отличные знаки своихъ щедротъ. Щастливъ тотъ, сказалъ нѣкто изъ древнихъ, кто долженъ благодарностію тѣмъ, кои добродѣтелями своими и безъ того благоговеніе къ себѣ возбуждаютъ; я же присовокупить къ сему долженъ, что сколь превосходенъ благополучіемъ тотъ, кто не только своимъ, но и всѣхъ своимъ, такъ сказать, существованіемъ одолженъ благотворительницѣ отечества. Доколѣ не прилпнетъ языкъ къ гортани моей и не изсохнетъ рука моя, да не престанутъ они выражать отъ преисполненнаго сердца благоговѣніемъ и признательностью къ августѣйшей моей покровительницѣ.»

Въ «Повсядневной запискѣ похода Ея Величества въ Казань» посѣщеніе Императрицею Александра Ильича описано слѣдующимъ образомъ:

По полудни въ 3 часа (16 мая 1767 г.) подняты якори и плаваніе продолжалось до 9 часа, въ которомъ противъ села Стрѣльни, принадлежащаго генералъ поручтику и кавалеру Александру Ильичу Бибикову, галеры остановились, пользуясь прекрасною сего дня погодою. Ея величество соизволила во время похода болѣе трехъ верстъ плыть въ шлюпкѣ. А за нѣсколько верстъ до села Стрѣльни

выѣхавъ на встрѣчу объявленной господинъ генералъ поручикъ всеподданнѣйше просилъ ея величество о милосердомъ сего дома посѣщеніи, что ея величество съ благоволеніемъ и принять изволила, обѣщавъ на завтрѣе высочайшимъ своимъ присудствіемъ его ощастливить. Къ вечернему кушанью приглашены были на галеру ея величества, какъ онъ господинъ Бибиковъ съ супругою, такъ и отецъ его, генералъ же порутчикъ и кавалеръ Илья Александровичь Бибиковъ.

Седьмагонадесять числа маія мѣсяца, въ день праздника Вознесенія Господня, ея императорское величество, сошедъ со всею свитою съ галеръ, изволила пойти въ шлюпкахъ на берегъ. На нарочно построенной тамо пристани, видны были изъ зелени здѣланныя торжественныя ворота, украшенныя вензеловымъ именемъ ея императорскаго величества. Священники въ облаченіи, а хозяева, господа генералъ порутчики Бибиковы со всею своею семьею, такъ равно какъ и сосѣдъ ихъ отставной маіоръ князь Козловской, встрѣтили ея величество на пристани. Всемилостивѣйшая государыня, приложась къ животворящему кресту, изволила итти къ церкви, не взирая на высоту горы, пѣшкомъ. Стоящія по обѣимъ сторонамъ пути крестьянки во время шествія бросали къ стопамъ ея величества зеленыя вѣтви и цвѣты, а крестьяне непрестанно «ура!» восклицали. Божественную литургію слушала ея величество въ церкви святыхъ апостолъ Петра и Павла, а по окончаніи оныя изволила пойти въ домъ господина Бибикова, гдѣ обѣденное кушанье отъ него приготовлено было. При столѣ служили за стуломъ ея величества двѣ благородныя дѣвицы, дочери, одна самого господина Бибикова, а другая князя Козловскаго, и обрадованный всемилостивѣйшимъ ея величества присудствіемъ хозяинъ употребилъ къ угощенію все, что только могло доказать и

принялъ трудъ пріѣхать изъ Мартиники для наученія насъ ходить на заднихъ ногахъ, своимъ пріѣздомъ уже опоздали.» [92])

Примѣчаніе это было напечатано выноскою къ тексту.

10.

Рѣчь А. И. Бибикова по случаю утверждения его маршаломъ депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенія.

«Принявъ жезлъ маршала, получилъ я достоинство предводителя вашего. Высочайшая воля великой нашей самодержицы, посредствомъ собственнаго вашего выбора, почтеннѣйшее собраніе, сію должность на меня возлагаетъ.

«Почтенно и славно для меня стать предводителемъ знаменитаго государственныхъ чиновъ собранія. Неизреченная же объемлетъ меня радость, представляя въ умѣ своемъ, что собраніе сіе премудрая наша обладатель-

---

[92]) Въ любопытныхъ запискахъ баронессы Оберкирхъ говорится о Мерсье слѣдующее: «Г. *Мерсье де ла Ривьеръ* (Mercier de la Rivière) замѣчательный (французскій) писатель. Онъ былъ въ Россіи по приглашенію царицы, которой г. Дидеротъ внушилъ желаніе его видѣть. Это человѣкъ самолюбія неистоваго: онъ вообразилъ себѣ, что займетъ при ней мѣсто князя Потемкина и сдѣлается первымъ министромъ. Этотъ Ликургъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ не скрывалъ своихъ мыслей и высказывалъ ихъ всѣмъ съ необычайнымъ простодушіемъ. Понятно что, не смотря на свой умъ, онъ сыгралъ глупую роль. Онъ былъ совѣтникомъ въ парижскомъ парламентѣ 1747 г. и въ послѣдствіи управляющимъ Мартиникою; онъ воображалъ, что русскіе не образованнѣе негровъ и не могъ надивиться ихъ образованности. Щедротами своими императрица окончательно утѣшила его въ его неудачѣ. Онъ вывезъ изъ Россіи много денегъ, много подарковъ и милостиво сознавался, что: *въ этихъ дикихъ есть доброе*. (Mémoires de la baronne d'Oberkirch. I. 307).

вица созываетъ для устроенія любезному отечеству таковаго благополучія, какое только смертнымъ вмѣстимо быть можетъ; восхищаюсь усматривая общее всѣхъ усердіе видѣть утверждаемое въ Россіи благоденствіе установленіемъ ясныхъ, полезныхъ, давно намъ нужныхъ и всѣми желаемыхъ законовъ. Не имѣю сомнѣнія, почтенные господа! чтобъ мы всѣ вообще и каждый особливо сему не были ревнительны, когда собственное наше и потомковъ нашихъ благо къ тому насъ влекутъ, а премудрая и человѣколюбивая императрица наша, сіе, мыслію и языкомъ свободное, собраніе покровительствовать, руководствовать предпріемлетъ, прилагая попеченіе о томъ, чтобъ достигнуть событія сказанныхъ въ преславномъ ея манифестѣ отъ 14-го декабря 1766 года словъ: «видѣть Богомъ врученный ей народъ толико щастливымъ и довольнымъ, колико человѣческое щастіе на сей земли простираться можетъ.» Слова, воистинну неисходно во устахъ и незагладимо во вѣки на сердцахъ нашихъ пребывать достойныя; они доказываютъ и безпредѣльную къ вамъ, дѣти россійскіе! любовь вашей матери и опытъ сердца истинно монаршаго, наполненнаго благости къ подвластнымъ ему народамъ.

Не уповаю я, почтеннѣйшее собраніе! чтобъ одинъ между нами таковой найтиться могъ, которому бы труды и подвиги о пользѣ нашей и мудрое государства управленіе несравненной монархини были неизвѣстны, ибо самыя дѣла многообразно то доказали: свидѣтель тому и слава, праведно о нихъ гремящая не только въ обширныхъ концахъ Россіи, но и во всѣхъ предѣлахъ свѣта.

Кто не знаетъ попеченія ея о судѣ правомъ? кому не свѣдомы насажденныя и исправленныя училища и воспитанія? какъ умолчатъ щедротою ея оживленныя сироты и утѣшенныя вдовицы? и какъ наконецъ не прославятъ всѣ

подъ кровомъ ея тишиною огражденные пространной Россіи обитатели?

Спѣшитъ иноземныхъ народовъ множество сорадоватися и соблагоденствовать обитая съ нами. Мудрымъ, говорю, и попечительнымъ промысломъ нашей обладательницы возвращаетъ, такъ сказать изъ нѣдръ своихъ, Германія поглощенныхъ толико сыновъ россійскихъ; населяются прежде едва проходимыя степи народомъ трудолюбивымъ, споспѣшествующимъ общему благу; процвѣтаетъ пустыня, украшается селами и возрастаетъ трудъ вѣковъ въ немногіе годы.

Но когда бы мы и всего того до нынѣ не видали, то и одно предлежащее дѣло сильно было насъ увѣрить, колико щастливы и благополучны мы, имѣя таковую государыню, что главнымъ предметомъ чтитъ народа своего щастіе.

И для того должны мы въ непремѣнный долгъ себѣ поставить, все усильное о томъ приложить тщаніе, чтобъ колико возможно преуспѣвало толь спасительное о насъ и о потомкахъ нашихъ намѣреніе вседражайшей нашей государыни. Докажемъ горячую и истинную ко благу общему ревность; ознаменимъ къ толико возлюбившей насъ государынѣ нелицемѣрную любовь и послушаніе; явимъ предъ свѣтомъ, что дѣти россійскіе таковой матери достойны; отгонимъ отъ сердецъ нашихъ суровость и предубѣжденіе, могущія воспрепятствовать нашему блаженству; пойдемъ во слѣдъ намѣренія чадолюбивой нашей матери: намѣренія ея—наше благоденствіе; она утвердитъ и прославитъ Россію!

Рѣчь эта была напечатана въ текстѣ на стр. 46.

11.

Коммисіи, на которыя были раздѣлены депутаты для составленія уложенія, были слѣдующія: 1, Дирекціонная; 2, Экспедиціонная; 3, О разборѣ наказовъ и проэктовъ; 4, О разборѣ родовъ; 5, О правосудіи; 6, О имѣніяхъ; 7, О среднемъ родѣ людей; 8, О полиціи; 9, О городахъ; 10, О общемъ правѣ; 11, Для остереженія противурѣчій между воинскими и гражданскими законами; 12, О размноженіи народа, земледѣлія, домостроительства и прочаго; 13, О образѣ сборовъ и образѣ расходовъ; 14, О рудокопаніи, растѣніи и сбереженіи лѣсовъ и о торговлѣ вообще; 15, Духовногражданская; 16, О училищахъ и призрѣнія требующихъ; 17, О почтахъ и гостинницахъ; 18, О разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ; 19, О обязательствахъ.

Списокъ этотъ былъ напечатанъ выноской къ тексту. Въ недавно напечатанныхъ М. Н. Лонгиновымъ спискахъ депутатовъ 4-я коммиссія названа: *О разборѣ родовъ государственныхъ жителей*, а 5-я: *О юстиціи*. На основаніи того же любопытнаго матеріала, число депутатовъ было не 652, какъ показано въ «Запискахъ» (стр. 42), а 567. (Прилож. къ № 12 Русскаго Вѣстника 1861 года.)

12.

Рѣчь Александра Ильича Бибикова, произнесенная по случаю поднесенія Императрицѣ Екатеринѣ II-й титуловъ: Великой, Премудрой Матери Отечества.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Данный Вашимъ Императорскимъ Величествомъ съ престола Наказъ для сочиненія проэкта новаго уложенія, будучи залогъ и основаніе истиннаго блаженства нашего,

есть въ то же время самое величайшее роду человѣческому благодѣяніе.

Предуготованныя божественными Твоими, всемилостивѣйшая самодержица наша, дарованіями и премудростію и восхищенные славою великихъ Твоихъ дѣлъ и всегдашнимъ о насъ промысломъ, съ радостію текли въ первопрестольный градъ избранные сыны отечества и твердо знали, что когда обѣщанный Наказъ получимъ, тогда жъ и увидимъ исполненія Твоихъ желаній: зрѣть ввѣренный скипетру Твоему народъ столько благополучнымъ, сколько человѣческое благополучіе на землѣ простираться можетъ.

Дѣйствительно, всемилостивѣйшая государыня, Наказъ Твой исполняетъ Твои желанія, но коль далеко превзошли ваше императорское величество наши ожиданія и самую ласкательнѣйшую надежду. Мы ожидали благополучія по мѣрѣ воображенія нашего; ваше императорское величество устроевали блаженство Россіи по великости души Твоея.

Обозря благодѣющимъ окомъ Твою имперію, смотришь во всѣ концы вселенныя. Полезныя учрежденія и нравы собираешь отовсюду, какъ медъ трудолюбивая пчела, и, принося въ твое наслѣдіе, насаждаешь и ростишь побѣждая суровость климатовъ. Не нужды токмо и недостатки наши видишь, но, проникая въ сокровенныя причины, исправляешь оныя; не преходящимъ надѣляешь насъ щастіемъ, но посѣваешь сѣмена онаго въ сердцахъ нашихъ; не страхомъ строгаго правосудія воздерживаешь пороки, но воспитаніемъ добродѣтели ихъ искореняешь.

Ласкательно было бы толикихъ благъ и мечтаніе, но здѣсь ощущаемъ и самое дѣло; все велико, все удивляетъ и все превосходитъ далеко простое смертныхъ понятіе. Но, представя все то, что уже Тобою для насъ сдѣлано, ясно видимъ, что ваше императорское величество для бу-

дущихъ токмо родовъ въ неподвижныя приводите правила, дѣйствительно устроеваемое для блаженства нашего.

Ставъ дѣлами Твоими удивленіе свѣта, будешь Наказомъ Твоимъ наставленіемъ обладателей и благодѣтельница рода человѣческаго.

Потому весь человѣческій родъ и долженствовалъ бы предстать здѣсь съ нами, и принести вашему императорскому величеству имя *Матери народовъ*, яко долгъ Тебѣ принадлежащій. Но какъ во всеобщемъ благополучіи мы первенствуемъ и первые симъ долгомъ обязуемся, то первая Россія, въ лицѣ избранныхъ депутатовъ предстоя предъ престоломъ Твоимъ, приносяще сердца любовію, вѣрностію и благодарностію наполненныя. Воззри на усердіе ихъ, какъ на жертву единыя Тебя достойную. Благоволи, великая государыня! да украшаемся мы предъ свѣтомъ симъ намъ славнымъ титломъ, что обладаетъ нами *Екатерина Великая, Премудрая Мать Отечества*. Соизволи, всемилостивѣйшая государыня! принять сіе титло, какъ приношеніе всѣхъ вѣрныхъ Твоихъ подданныхъ, и, пріемля оное, возвеличь наше названіе; свѣтъ намъ послѣдуетъ и наречетъ Тебя Матерью народовъ.

Сей есть гласъ благодарственной торжествующей Россіи. Боже! сотвори, да будетъ сей гласъ вселенныя!

Рѣчь эта была напечатана въ текстѣ на стр. 48.

13.

На стр. 49 была напечатана слѣдующая выноска:

И наше время украсилось подобнымъ сему произшествіемъ. Побѣдитель и примиритель Европы не принялъ титла *Благословеннаго*, приносимаго отъ успокоенныхъ и восхищенныхъ добродѣтелями его народовъ, и, по примѣру

августѣйшей его воспитательницы, признаетъ всю свою награду и украшеніе въ благословеніи и любви своихъ подданныхъ. «Всѣ старанія и помышленія мои (отвѣтствуетъ онъ на посланіе ему отъ знаменитѣйшихъ сословій отъ лица Россіи), стремятся къ тому, чтобъ теплыми молитвами призывать на себя и на ввѣренный мнѣ народъ Божеское благословеніе и чтобъ быть благословляему отъ любезныхъ мнѣ вѣрноподданныхъ моихъ и вообще отъ всего рода человѣческаго. Сіе есть верхъ моихъ желаній и моего благополучія! но, при всемъ тщаніи моемъ достигнуть до сего, не позволяю себѣ, яко человѣкъ, дерзновеніе мыслить, что я уже достигъ до того, и могу смѣло званіе сіе принять и носить.» Отринулъ всѣ предлагаемые ему титулы и памятники сими словами, которыя достойны быть начертанными на сердцахъ всего рода человѣческаго: «Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ! Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божеское!»

Вольтеръ, описывая величіе Людвига XIV и признаваясь въ надмѣнности его, продолжаетъ: «когда бы государь къ столь великимъ качествамъ присоединилъ еще въ душѣ своей смиреніе, тогда былъ бы онъ первѣйшій изъ смертныхъ, а Людвигъ всегда остался бы вторымъ.» Видя здѣсь примѣры событія сего, не воскликнутъ ли со мною всѣ истинные сыны Россіи: «Да соединятся на всегда смиреніе съ истиннымъ величіемъ на пресвѣтломъ тронѣ Всероссійскомъ и пребудетъ онъ незыблемо утвержденъ, и подъ благодѣтельною его сѣнію да возвеличивается и процвѣтаетъ въ роды родовъ любезное наше отечество!»

14.

Правила, предписанныя Императрицею Маршалу коммиссіи для сочиненія новаго уложенія.

Господинъ Маршалъ! мнѣ разсудилось за благо сдѣлать вамъ нѣкоторыя предписанія; чрезъ которыя бы, удаляясь всякаго ненавистнаго не свободія въ голосахъ, уменьшились затрудненія, замедленія и нарушенія обряда.

1-е. Наблюдать накрѣпко при чтеніи проэктовъ узаконеній, чтобъ каждый депутатъ говорилъ бы именно противу такой то статьи.

2-е. А естьли иные намѣрены говорить противу всего проэкта, тогда поворотить въ вопросъ: полезно ли, напримѣръ, имѣть преимущества благороднымъ, или должно ли тому быть проэкту? А отнюдь не должно допускать, нарушая порядокъ, общими и неопредѣленными изреченіями коснуться до всего сочиненія, не чиня раздѣленія и не опровергая резонами статьи онаго, изъ чего бы послѣдовала одна только остановка в конфузіи.

3-е. Наблюдая непремѣнно, чтобъ каждый депутатъ говорилъ, а не письменно подавалъ свое мнѣніе, и чтобъ каждый говорилъ ясно, кратко и объ одномъ, не касаясь отнюдь до другой какой либо матеріи.

4-е. Объявить собранію, что понеже теперь разсуждается о самомъ дѣлѣ, то никому голосовъ на голоса не подавать, а дать голоса о дѣлѣ, дабы не отдалиться отъ надлежащаго предмета.

5-е. По выслушаніи всѣхъ голосовъ сказать, что какъ господа депутаты, при чтеніи проэкта, письменно изъяснили, что, изъ одного чтенія, такого важнаго дѣла понять не

возможно, то за долгъ вы себѣ ставите порядочно свесть всѣ сіи разныя мнѣнія и вписать ихъ кратко противу каждой статьи по порядку, и потомъ представить сіе собранію для разсужденія или рѣшенія.

6-е. Сводить всѣ сіи различныя мнѣнія самымъ простымъ порядкомъ, которой всегда слѣдуетъ быть предпочтителенъ, и, напримѣръ, противу каждой статьи написать: «Такой господинъ депутатъ говорилъ то; такой то то» и такъ далѣе сколько ихъ окажется, и сіе прочесть предъ собраніемъ.

7-е. Изъ вышесказаннаго будетъ явствовать, что на каждую статью говоритъ или одинъ или многіе. Ежели возражаетъ только одинъ, въ такомъ случаѣ можно какому либо члену коммисіи дирекціонной или частной, коя сочинила проэктъ, защищать оной предъ собраніемъ и опровергать словесно мнѣніе противурѣчащаго, и потомъ, въ разсужденіи той статьи, приступить къ баламъ.

8-е. Естьли же многіе депутаты на одну статью будутъ говорить, и разно, тогда дозволить собранію: кто подъ чьимъ мнѣніемъ пожелаетъ подписываться. И которое мнѣніе возражающихъ противу проэкта имѣть будетъ болѣе подписокъ, то и войдетъ въ конференцію съ тою статьею проэкта, о которой дѣло идетъ, а прочіе уничтожатся, и тогда равномѣрно частной коммисіи членъ можетъ защищать проэктъ.

9-е. При томъ, для сохраненія равенства съ обѣихъ сторонъ, можно дозволить и подписавшимся подъ мнѣніемъ возражающаго выбирать между собою кого либо, которой отвѣчалъ на защищеніе члена частной или дирекціонной коммисіи. Симъ самымъ чаятельно, что порядочно и довольно про и контра каждой статьи проэкта будутъ истолкованы, и тогда уже о сей матеріи не разсуждать и приступить къ баламъ: быть ли по мнѣнію частной коммисіи,

или большаго собранія нѣкоторой части, и тогда все собраніе сіе рѣшитъ.

Екатерина.

Все сіе къ вамъ пишу для вашего наставленія въ нынѣшній четвергъ; естьли же вы за нужное находите, чтобъ нѣкоторая статья была мною послана въ большое собраніе, то о томъ вы мнѣ доложитесь при первомъ нашемъ свиданіи.

Правила эти были напечатаны въ текстѣ на стр. 51.

15.

А., Наставленіе Лифляндскимъ депутатамъ.

Не всѣ, можетъ быть, положены права здѣсь, какія себѣ возмечтать и написать возможно. Но на то можно сказать, что тѣ только наблюдаемы были, кои состоянію государства приличествуютъ и согласны предмету блаженства всѣхъ и каждаго.

Не въ томъ блаженство состоитъ, чтобъ всякой все то имѣлъ, что нравится прихотливому желанію: сіе было бы блаженство только сильнаго; но въ томъ, чтобъ каждый и всѣ тѣ права и выгоды имѣлъ, какихъ онъ справедливо и разсудительно желать можетъ, и чтобъ сіи права и выгоды были существительны, а не мечтательны, и тѣмъ паче надежны, чѣмъ лучше ограждены и свойственны; не въ томъ и нужное между всѣми гражданами состоитъ сопряженіе и союзъ, чтобъ всѣ одними и одинаковыми пользовались правилами и преимуществами, ибо то было бы всеобщимъ смѣшеніемъ; но въ томъ, чтобъ господствовалъ порядокъ и по порядку каждому особо

принадлежащія права такъ раздѣлены были, чтобъ, напримѣръ, дворянство видѣло свою пользу въ пользѣ и выгодѣ мѣщанства, а мѣщанство равнымъ напротивъ того образомъ, и такъ далѣе.

Наставленіе это было напечатано въ текстѣ на стр. 52.

Б., Рѣшеніе А. И. Бибикова на представленіе Лифляндскихъ и Эстляндскихъ депутатовъ.

По прочтеніи голосовъ князя Волконскаго [93]), Маршалъ имѣетъ сказать, что господа депутаты изволили слышать голосъ отъ г. депутата отъ сената, князя Михайла Волконскаго, въ которомъ съ ясными доказательствами изображено, что прежде сего Лифляндія и Малая Россія торжественно признали сколь ихъ права не вразумительны, а правосудіе недостаточно; чего ради и учинили они многократныя прошенія объ исправленіи столь великаго для нихъ вреда составленіемъ новаго уложенія. Изъ сего явствуетъ, что голоса лифляндскихъ и малороссійскихъ господъ депутатовъ, въ предохраненіи ихъ правъ, противурѣчатъ прежде сего сказанному отъ ихъ собратій поступку и прошеніямъ. И такъ какъ коммисія не можетъ входить ни въ какое разбирательство, касающееся до правленія, а еще меньше зависящее единственно отъ монаршей власти, ибо въ XV статьи обряда сказано, что коммисія о сочиненіи проэкта новаго уложенія ни въ чемъ не упражняется, кромѣ того, для чего она учреждена, то есть, въ сочиненіи только сего проэкта; то ему маршалу

---

[93]) Сенаторъ ген. аншефъ кн. Мих. Никит. *Волконскій* род. 1713, ум. 1788; былъ два раза посланникомъ въ Польшѣ: при Елисаветѣ (1756) и при Екатеринѣ (1768), и главнокомандующимъ въ Москвѣ (1771—80); ему приписываютъ первую мысль о раздѣленіи Польши.

не остается инаго сдѣлать, какъ возвратить торжественно господамъ депутатамъ лифляндскимъ, эстляндскимъ, финляндскимъ, смоленскимъ и малороссійскимъ голоса ихъ съ вышеписанными противурѣчіями, поелику они касаются предохраненія въ нихъ изображеннаго. При чемъ долгъ званія г. предводителя принуждаетъ его напомнить и просить, чтобъ господа депутаты, при сочиненіи своихъ голосовъ, помнили и то, что потомство оныхъ безпристрастно судить будетъ, но наипаче то, сколь далеко простиралася наша благодарность къ тому престолу, который безпрерывно и столь много изливаетъ на насъ щедроты, которыхъ мы опыты и въ сей день ощущаемъ.

Рѣшеніе это было напечатано въ текстѣ на стр. 52.

16.

На стр. 62 была напечатана слѣдующая выноска:

Представленныя отъ депутатскихъ сословій свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ по провинціямъ, большею частію возникшихъ отъ разнообразія въ судопроизводствѣ и правленіи, побудили императрицу противупоставить сему твердый оплотъ. Она издала постепенно учрежденіе намѣстничествъ, уставы благочинія городской и земской полиціи и проч. (они написаны весьма кратко, но ясно и понятно: всѣмъ должности предписаны точно и отдѣльно; по симъ губерніи и по нынѣ управляются).—Пожаловала россійскому дворянству и разнымъ сословіямъ особенныя права, оставивъ непремѣнными привиллегіи завоеваннымъ областямъ, дарованныя имъ или ея предмѣстниками или ею самою. Тогда все обширное пространство россійской имперіи вновь преобразовалось и составилось единоправленіе, покоряющее единымъ законамъ и единому учрежденію,

равнообразно и безъ различія распространяющее свои силы на побѣдителей и побѣжденныхъ. Тишина и благоустройство провозглашали повсюду славу Екатерины и усугубили щастіе подвластныхъ ея скипетру. Многіе самодержцы, ослѣпленные блескомъ ложной славы и ей всѣмъ жертвуя, единственно изыскивали оной въ побѣдахъ и завоеваніяхъ и тѣмъ пріобрѣтали имя Великихъ. Безпристрастное же потомство утверждаетъ вѣнецъ безсмертія токмо на главахъ тѣхъ государей, которые, подобно Екатеринѣ, признавая что не для нихъ народы, но они для народовъ сотворены, всѣ свои труды и попеченія благоуспѣшно посвящали къ содѣянію своихъ подданныхъ добродѣтельнѣйшими и благополучными.

«Неувядаемый вѣнецъ, правосудіемъ и милосердіемъ ей сплетенный, украшаетъ, прославляетъ и возноситъ ее паче всѣхъ похвалъ возможныхъ.» *(Болтинъ.)*

17.

Указъ коммиссіи депутатовъ отъ 17 декабря 1768 года.

Какъ нынѣ, такъ и всегда, любимое упражненіе наше было и будетъ въ томъ, чтобы доставить нашимъ любезно-вѣрно подданнымъ высокую степень блаженства и спокойствія. А какъ оная едва быть можетъ устроена тамо, гдѣ законы недостаточны или темны, то мы, пользуясь драгоцѣнною мирною тишиною, созвали отъ всей обширной имперіи нашей депутатовъ, дабы услышать отъ сихъ уполномоченныхъ людей недостатки и жалобы каждаго мѣста, и поручили имъ сочиненіе проэкта новаго уложенія. Въ чемъ дѣйствительно они, отъ 30 іюля прошлаго 1767 года до сего числа, къ удовольствію нашему и упражнялись.

Почему надѣялись мы видѣть трудъ, увѣнчаемый успѣхами и елико возможно не продолжительнымъ окончаніемъ всего возложеннаго на нихъ дѣла. Но нынѣ учинено отъ вѣроломнаго непріятеля нарушеніе мира и тишины столь нами желаемыхъ, сколь они нужны къ окончанію предпріятаго нами поправленія гражданскихъ законовъ. При таковыхъ обстоятельствахъ намъ теперь должно быть первымъ предметомъ защищеніе государства отъ внѣшнихъ враговъ. Отъ сего же самаго коммисіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія не малая приключится остановка, по причинѣ, что многимъ депутатамъ къ своимъ должностямъ надлежитъ отправиться; однако, дабы коммисія вовсе не остановилась и одно дѣло другому не помѣшало, повелѣваемъ слѣдующее: 1) Депутатовъ, кои, за выборомъ въ частныя коммисіи членовъ, остались въ большомъ собраніи, распустить до тѣхъ поръ, доколѣ отъ насъ паки созваны будутъ, то есть, до окончанія дѣлъ порученныхъ частнымъ коммисіямъ. 2) Членамъ частныхъ коммисій остаться здѣсь, продолжать работу свою въ оныхъ по прежнему. 3) На мѣсто членовъ частныхъ коммисій, которымъ, по причинѣ войны, ѣхать надлежитъ къ своимъ должностямъ, выбрать другихъ изъ большаго собранія немедленно. 4) Такожде для каждой частной коммисіи, сверхъ полнаго числа членовъ, выбрать еще изъ большаго собранія по три человѣка, дабы, если впредь въ которой либо частной коммисіи здѣлаютъ упалыя мѣста, тобъ оныя неотмѣнно заступлены были; но и сихъ депутатовъ отпустить съ прочими, однако съ тѣмъ, чтобъ они немедленно явились, когда въ нихъ окажется надобность, о которой коммисія ихъ увѣдомитъ. 5) Естьли когда нужно будетъ собрать частныя коммисіи вмѣстѣ, то маршалъ сіе учинитъ, согласуясь напередъ о томъ съ генераломъ прокуроромъ.

Указъ этотъ былъ помѣщенъ въ текстѣ на стр. 62 и отнесенъ къ 18 ноября, хотя въ концѣ его означено: «17 декабря 1768. С.Петербургъ.» Къ указу было сдѣлано слѣдующее примѣчаніе сочинителя:

Должно быть исполнену благодарности, когда правители государствъ, жертвуя обширными и благодѣтельными своими намѣреніями затруднительности обстоятельствъ, вкоренѣлымъ обыкновеніямъ и предразсудкамъ и медлительности, не только останавливаютъ исполненіе своихъ предположеній и подвергаютъ оныя всѣмъ случаямъ будущаго, но даже и сокрываютъ отъ современниковъ мысли свои, чтобъ не возбудить всѣ буйства страстей человѣческихъ къ истребленію того благотворнаго сѣмени, которое только единымъ временемъ и щастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ вкорениться и произрасти должно.

18.

Выписка изъ писемъ г-жи Сиверсъ къ своему мужу, ген. маіору (въ послѣдствіи дѣйств. тайн. сов. и графу) Якову Ефимовичу Сиверсу.

(Изъ біографіи Сиверса: K. L. Blum. Ein Russischer Staatsmann. Leipzig. 1857. I. 312—317).

а) писано въ октябрѣ 1770. въ С.П.б.

. . . Я еще ничего не писала тебѣ о наружности принца Генриха: говорятъ, что онъ очень малъ ростомъ и худощавъ, чрезвычайно смуглъ, съ пребольшими глазами; поклоны его отнюдь не низки; мундиръ очень простъ: темносиній съ желтыми отворотами; на груди—брилліантовая звѣзда; на ногахъ — не сапоги, а башмаки съ высокими каблуками; на головѣ — превысокій торчащій ту-

ней. Говорятъ, что онъ вовсе не адонисъ, какъ вѣроятно ожидали нѣкоторыя изъ нашихъ молодыхъ дамъ. Онъ очень серьёзенъ, говоритъ мало, но что̀ скажетъ—сказано хорошо...

б) 18 октября.

...Я видѣла принца вблизи и должна сознаться, что онъ не только не красивъ, но даже необыкновенно дуренъ собой: ужасно косъ, очень малъ ростомъ и очень худощавъ; каблуки его страшно высоки, точно также высокъ и напудренный его тупей. Впрочемъ, говорятъ, что онъ уменъ и слѣдовательно милъ для тѣхъ, кто не заботится о наружности... Онъ получилъ въ подарокъ дорогую соболью шубу; императрица пожаловала ему великолѣпный Андреевскій орденъ [94]) съ бриллiантовой звѣздой и бриллiантовой же эполетой: все это стоило болѣе 30 тысячъ рублей. Третьяго дня онъ осматривалъ монастырь (Смольный) и, говорятъ, былъ изумленъ этимъ прекраснымъ заведенiемъ. Словомъ, онъ, кажется, всѣмъ очень доволенъ. Замѣчено, что сначала онъ едва отдавалъ поклоны, но теперь сталъ гораздо учтивѣе и кланяется ниже...

в) 25 октября.

...Принцъ Генрихъ ѣздилъ въ Кронштадтъ по теперешней дурной дорогѣ: дождь здѣсь не перестаетъ и въ грязи вязнешь по уши. Въ четвергъ въ Царскомъ селѣ будетъ маскарадъ на весь мiръ; кромѣ того иллюминацiи, фейерверки и т. п.; по дорогѣ будутъ также потѣшные огни и множество разныхъ чудесъ. Но, чтобы это все разглядѣть, нужно, говорятъ, будетъ ѣхать за самой ка-

---

[94]) У Бантышъ-Каменскаго принцъ Генрихъ значится кавалеромъ орденовъ св. Анны и св. Андрея еще съ 24-го августа 1770 г. *(См. Списки кавалерамъ Росс. орденовъ).*

ретой государыни во время ея поѣзда, потому что все продолжится только пять минутъ Находятъ, что, со времени своего пріѣзда, принцъ образовался, — сдѣлался гораздо болѣе людокъ и вѣжливъ; хотя въ этомъ отношеніи его путешествіе не осталось безъ пользы: оно послужило къ его выгодѣ...

г) 2 ноября.

...Принцъ Генрихъ долженъ быть очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Россіи: ужъ вѣрно нигдѣ ему не оказывали такого почета Напротивъ Зимняго дворца готовятъ еще большой фейерверкъ; долженъ быть и маскарадъ. Говорятъ, что онъ ѣдетъ въ Москву: вѣрно ли это и когда это будетъ—еще неизвѣстно...

д) 2 декабря.

...Еще не рѣшено; завтра или послѣ завтра ѣдетъ принцъ въ Москву...

Гораздо съ большимъ восторгомъ говоритъ о принцѣ Генрихѣ баронесса Оберкирхъ, имѣвшая случай видѣть его 17 лѣтъ спустя (1787) въ Монбельярѣ, во время посѣщенія имъ родителя императрицы Маріи Ѳеодоровны, принца (потомъ герцога) Фридриха-Евгенія Виртембергскаго, женатаго на его племянницѣ: «...Онъ малъ ростомъ, дуренъ собой, коситъ непріятнымъ образомъ, но исполненъ ума, но прелестенъ въ разговорѣ. Я никогда не знавала человѣка съ умомъ болѣе вѣрнымъ и болѣе утонченнымъ. Во всемъ онъ истинный герой: воспоминаніе объ его подвигахъ какъ воина, объ его геніи какъ полководца, объ его талантахъ какъ политика — исполняетъ

изумленія. О немъ ужь именно можно сказать, что душа облагороживаетъ тѣло.» *Mémoires de la baronne d'Oberkirch*. 2. 161—162).

Не должно, впрочемъ, забывать, что въ Петербургѣ принцъ Генрихъ являлся дипломатомъ, среди двора, въ которомъ встрѣчалъ многихъ изъ своихъ противниковъ по семилѣтней войнѣ; въ Монбельярѣ же — родственникомъ принца, служившаго съ нимъ подъ одними знаменами.

19.

Въ выноскѣ къ стр. 76 было напечатано слѣдующее примѣчаніе:

Долгомъ поставляю упомянуть здѣсь о великодушномъ по сему случаю поступкѣ графа Никиты Ивановича, правящаго тогда внѣшнимъ министерствомъ: хотя онъ былъ противнаго съ императрицею мнѣнія о раздѣленіи Польши, но выполнялъ однако со всѣмъ должнымъ вѣрноподданнаго усерднымъ повиновеніемъ монаршую волю. Но какъ не могъ потомъ уклониться отъ принятія за то въ награду въ новопріобрѣтенныхъ губерніяхъ деревень, то раздѣлилъ все ему пожалованное своимъ подчиненнымъ; усладительно для любящаго свое отечество примѣчать, что въ лѣтописяхъ Россіи можно найти всякаго рода доказательства любви къ отечеству, преданности къ государю, твердости и благородства души. [95])

---

[95]) Особенно достойно замѣчанія, что въ числѣ наградъ «за труды при воспитаніи цесаревича» гр. Никита Ив. получилъ между прочимъ въ 1773 г. 4512 душъ въ Смоленской губерніи и 3900 душъ въ Псковской, и что именно сіи послѣднія, находившіяся въ пріобрѣтенныхъ отъ Польши земляхъ, розданы имъ тремъ его подчиненнымъ «сотрудникамъ его въ отправленіи дѣлъ политическихъ».

20.

Прежде чѣмъ быть Русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ, *баронъ Сальдернъ* былъ Голштинскимъ министромъ при Датскомъ дворѣ. Воспитатель и въ послѣдствіи совѣтникъ короля Христіана VII, швейцарецъ Ревердиль разсказываетъ о Сальдернѣ, будто бы онъ сперва служилъ въ Голштиніи земскимъ писаремъ (greffier), былъ уличенъ въ лихоимствѣ и поддѣлкѣ бумагъ, но успѣлъ бѣжать въ С. Петербургъ, гдѣ, оправдавшись передъ тогдашнимъ наслѣдникомъ престола, великимъ княземъ Петромъ Θедоровичемъ, получилъ управленіе его Голштинскою канцеляріею. Ревердиль разсказываетъ что онъ былъ отставленъ Екатериною II-ю за вредные замыслы противъ правительства. Англійскій повѣренный въ С. Петербургѣ, Гённингъ (Gunning), въ депешѣ своей отъ 25 февр. 1774, объясняетъ, что Сальдернъ хлопоталъ о расторженіи брака наслѣдника престола и о пріобщеніи его къ правленію государствомъ. Гённингъ говоритъ, «что, дабы получить деньги, Сальдернъ прибѣгалъ къ невѣроятнымъ обманамъ и даже за какія то воображаемыя услуги былъ награжденъ Датскимъ дворомъ». Отставленный изъ Русской службы, Сальдернъ поселился въ Голштиніи, гдѣ далъ свободу всѣмъ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, жившимъ въ его двухъ помѣстьяхъ. Въ послѣдствіи написана имъ жизнь Петра III, заключающая въ себѣ осужденіе Екатерины II; она имѣла два изданія: 1, въ 1800 году въ Петербургѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, 2, въ 1802 году въ Мецѣ и Франкфуртѣ на французскомъ.

Struensee ou la cour de Copenhague 1760—1762. Mémoires de Reverdil. Paris. 1858. 123. La cour de Russie il y a cent ans. 1725—1783. Berlin 1858. 277.

21.

Рескриптъ на имя генералъ поручика Бибикова, отъ 30-го августа 1772.

Взирая съ особливымъ Монаршимъ благоволеніемъ на отличную вашу ревность къ службѣ Нашей и Отечества, равно какъ и на усердныя старанія ваши о истребленіи польскихъ мятежниковъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Нашего ордена Св. Александра Невскаго, коего включенные здѣсь знаки, возложа самому на себя, носить повелѣваемъ. Мы надѣемся, что сіе изъявленіе высочайшаго Нашего удовольствія о службѣ вашей будетъ подвигомъ къ продолженію вашего къ ней толь испытаннаго усердія, и пребываемъ навсегда Императорскою Нашею милостію благосклонны.

Рескриптъ сей былъ напечатанъ въ текстѣ на стр. 96.

22.

Договоръ о первомъ раздѣлѣ Польши былъ подписанъ барономъ Штакельбергомъ $^{7}/_{18}$ сентября 1773 года; слѣдующій отрывокъ изъ письма Д. И. фонъ Визина къ гр. П. Н. Панину (отъ 11 мая 1772 г.) содержитъ подробное росписаніе земель, которыя Россія пріобрѣла по оному:

«Наши пріобрѣтенія раздѣлены будутъ на двѣ губерніи: одна называться станетъ *Псковская,* а другая *Могилевская* Первая будетъ состоять изъ провинцій: 1. Псковской, 2. Великолуцкой, 3. Двинской, въ которую переименовать Польскую Лифляндію, 4. Полоцкой, состоящей изъ той части Полоцкаго воеводства, которая въ наши границы входитъ, и изъ Витебскаго, по правую сторону рѣки Двины; губернскимъ городомъ назначается Опочка. Вторая губер-

нія составится изъ провинцій, 1. Могилевской, 2. Оршанской, 3. Рогачевской, 4. Витебской. Сіе составится изъ лежащихъ мѣстъ между рѣками Двиною и Днѣпромъ, входящихъ въ наши границы; губернскимъ городомъ будетъ Могилевъ. Надъ обѣими губерніями поставленъ будетъ генералъ губернаторъ; но кто? неизвѣстно [96]). Въ каждую пошлется по губернатору и за тайну сказываютъ, что въ одну назначаютъ ген. маіора Каховскаго, а въ другую ген. маіора Кречетникова».

Фонъ Визинъ, соч. кн. П. А. Вяземскаго. С.П.б. 1848. 421—422.

23.

Яицкіе козаки начало свое воспріяли въ 1574 году отъ бывшихъ на Каспійскомъ морѣ разбойниковъ, у которыхъ предводителемъ былъ нѣкто изъ Донскихъ козаковъ именемъ *Нечай*. Онъ собралъ себѣ подобныхъ воровъ до 800 человѣкъ, настроилъ множество судовъ, такихъ, на которыхъ бы можно было ходить на морѣ и на рѣкѣ Волгѣ; суда сіи на Каспійскомъ морѣ бурею разбило и занесло въ устье рѣки Яика (нынѣ Уралъ), и они остановились въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ городъ Уральскъ, а прежде Яицкъ. Козаки, узнавши, что въ близости Хивинскаго владѣнія находится городъ Сорочинскъ, взяли оный; Хивинцы, боясь сихъ нападеній, откочевали къ Аральскому морю, но Нечай пошелъ и туда. Бывшій тогда у него бѣглый дьячекъ сталъ совѣтовать далѣе не ходить; Нечай за сіе противурѣчіе велѣлъ его повѣсить на горѣ, которая и по сю пору называется Дьячей горою. Потомъ построенъ городъ Яицкъ, куда начали собираться разные бѣглецы и умножили яицкихъ козаковъ до 7 станицъ, въ каждой изъ коихъ было

[96]) Гр. Захаръ Григ. *Чернышевъ* былъ первымъ ген. губернаторомъ Бѣлоруссіи.

по 508 человѣкъ; крѣпости строилъ Иванъ Ивановичь Неплюевъ, въ томъ числѣ одна названа Илецкая, другая Сакмарская. Воеводства Яицкаго двѣ крѣпости: Кулаганъ и Калмыкова.

Примѣчаніе это было напечатано выноской къ тексту на стр. 109.

24.

Яицкіе козаки происходятъ, какъ выше сказано, частію отъ донскихъ, а болѣе отъ скопища бѣглецовъ и выходцовъ изъ разныхъ земель. Изобильная ловля осетровъ, севрюгъ и другой рыбы ихъ не только прокармливаетъ, но и обогащаетъ. Народъ сей воинственной и храбрый, крайнѳ прилѣпленный къ древнимъ обычаямъ, раскольничьему суевѣрію и дорожитъ не менѣе жизни отращенными своими бородами. Духъ буйности и независимости былъ поддерживаемъ сосѣдствомъ съ Киргисцами и Калмыками, съ коими жили безпрерывно въ непримиримой враждѣ. Внутреннія безпокойства яицкихъ козаковъ задолго прежде начались и много лѣтъ продолжалися. Причиною сему были ссоры между войсковаго атамана Меркульева и войсковаго старшины Логинова: они оба въ войскѣ донскомъ были сильны и имѣли много приверженцевъ; одна сторона называлася Атаманская, а другая Логинова. Послѣдняя становилась многочисленнѣе и безпокойнѣе, они большею частью состояли изъ черни и рядовыхъ козаковъ. Войсковой атаманъ жаловался на противниковъ въ ослушаніи и въ возмущеніи, отъ чего происходятъ въ нарядахъ и распоряженіяхъ его безпорядки, медленности и затрудненія; а Логинова сторона доносила на атамана во многихъ злоупотребленіяхъ власти его, нападкахъ и притѣсненіяхъ. Вражда Меркульева и Логинова по смерть ихъ была непримирима, а поборники ихъ осталися и послѣ нихъ врагами. По прошествіи нѣ-

скольких лѣтъ, по доносамъ на войсковаго атамана въ разныхъ злоупотребленіяхъ, государственной военной коллегіи велѣно было произвести объ оныхъ слѣдствіе, къ чему опредѣлено нѣсколько человѣкъ генералитета и штабъ офицеровъ. Хотя войсковой атаманъ Бородинъ и найденъ невиннымъ, но, предупреждая могущія впредь быть отъ противной стороны безпокойства, по прошенію его отставленъ, а на мѣсто его выбранъ Танбовцовъ, который и утвержденъ высочайшимъ указомъ. Безпокойство привыкшихъ къ раздорамъ и непослушанію тѣмъ не прекратилось. Во время войны противъ Турковъ положено было отъ двора составить изъ сихъ козаковъ нѣсколько полковъ гусарскихъ и предписано назначеннымъ выбрить бороды. Они стали противиться, представляя, что нарушаютъ жалованныя имъ права и всегдашній ихъ обычай. Для понужденія ихъ къ повиновенію присланъ былъ въ Яицкъ генералъ Троубанберхъ, который вздумалъ для прекращенія сего непослушанія и утушенія возникающаго замѣшательства приказать назначенныхъ въ рекруты брить на городской площади. Сіе показалось козакамъ такъ обидно, что они явно взбунтовались и, вооружась, ранили многихъ офицеровъ, убили генерала и даже не пощадили собственнаго своего начальника, старающагося ихъ укротить. Сіе произошло 12 генваря 1773 года. Для усмиренія бунта посланъ былъ тогожъ года въ великій постъ, съ нѣкоторымъ числомъ войска и артиллеріею, генералъ маіоръ Фрейманъ, котораго мятежники, въ числѣ 3000 человѣкъ, встрѣтили за 70 верстъ отъ города Яицка. Генералъ-маіоръ Фрейманъ разбилъ и разсѣялъ ихъ, занялъ городъ Яицкъ и нѣкоторыхъ изъ зачинщиковъ мятежа наказалъ и въ городѣ оставилъ гарнизономъ часть своего войска. Въ сіе время многіе изъ бунтовавшихъ бѣжали и большею частію скрылись въ болотахъ, окружающихъ Камышь—Самарское озеро, прокармливались тамъ рыбною лов-

лею, травлею кабановъ и помощію другихъ запасовъ, отъ ихъ единомышленниковъ имъ доставляемыхъ; такимъ образомъ продержались близъ 2-хъ лѣтъ въ отчаянномъ положеніи; тогда явился къ нимъ Пугачевъ.

Примѣчаніе это было напечатано выноской къ тексту на стр. 112.

25.

Вѣрность старшинъ Яицкихъ станицъ доказывается нижеслѣдующимъ рескриптомъ, даннымъ отъ генералъ маіора Павла Сергѣевича Потемкина (бывшаго потомъ графа и генералъ аншефа), начальствовавшаго въ Казани при окончаніи мятежа; для вѣчнаго же забвенія сихъ смятеній, указомъ ея величества переименованъ городъ Яицкъ по протекающей при немъ рѣкѣ Уралу—Уральскъ, козакамъ Яицкихъ станицъ повелѣно называться Уральскими.

От генералъ маіора двора Ея Императорскаго Величества дѣйствительнаго камеръ юнкера и ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія кавалера.

Вѣрнымъ Ея Императорскаго Величества войска Яицкаго старшинамъ и козакамъ.

Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая Государыня, извѣстясь, что войска Яицкаго старшины и козаки, при настоящемъ смятеніи, оказались вѣрными и отвергая лесть и обманы самозванца и государственнаго злодѣя Пугачева не поколебнулись въ вѣрности своей къ службѣ Ея Величества, но, напротивъ того, сражались съ прилѣпившимися къ злодѣю сообщниками его Яицкими козаками, и тѣмъ вящше ознаменовали свою вѣрность истинной Государынѣ своей, каковая прилична рабамъ Ея священнѣйшаго Величества и ревнителямъ къ благу Отечества; того ради благоволила Всемилостивѣйшая Государыня Высочайше указать

чрезъ меня объявить вѣрнымъ старшинамъ и войску Материнское благоволеніе Свое, и за оказанныя отъ нихъ услуги обнадежить Монаршимъ благоволеніемъ и покровительствомъ. Исполняя Высочайшую волю Ея Императорскаго Величества, посылаю я сей листъ войску Яицкому за подписаніемъ моей руки и моею печатью. Августа 1 дня 1774 года.

На подлинномъ подписано такъ:
генералъ маіоръ Потемкинъ.

Примѣчаніе это было напечатано выноской къ тексту на стр. 113.

26.

Хотя по кончинѣ Петра III тѣло его поставлено было въ С.Петербургскомъ Александро-Невскомъ монастырѣ, для всенароднаго поклоненія, потомъ погребеніе совершено въ присутствіи многочисленнаго народа, и смерть сего государя не могла быть подвержена ни малѣйшему сомнѣнію; но не менѣе того, какъ за границею, такъ и въ отдаленныхъ областяхъ имперіи возставали многіе подъ его именемъ самозванцы,

Въ Черногоріи присвоилъ себѣ сіе имя нѣкто лѣкарь Стефановичь, но, по требованію Россійскаго министерства преслѣдуемый янычарами, скрылся. Первый дерзнувшій на сіе въ Россіи былъ воронежскій сапожникъ; онъ появился за нѣсколько лѣтъ предъ Пугачевскимъ бунтомъ, но скоро схваченъ и казненъ. Вторый, бѣглый солдатъ Орловскаго полка, показался въ 1770 году въ пограничной съ Крымомъ деревнѣ Копенко, гдѣ, съ помощію раскольничьихъ поповъ его соумышленниковъ, подговорено немалое число изъ тамошнихъ жителей, которые, посадивъ его въ церквѣ на престолъ, готовились провозгласить императоромъ; но по щастію полковникъ, проходящій въ самое сіе время съ своимъ полкомъ чрезъ деревню, узнавъ о семъ скопищѣ,

пошелъ въ церковь съ отрядомъ, приказалъ стащить злодѣя съ такъ называемаго имъ престола и предалъ достойной казни. Третій, бѣглый крестьянинъ вотчины графа Воронцова, записавшійся въ козаки въ деревнѣ Дубовкѣ на Волгѣ; отрядъ сихъ козаковъ весною 1772 года шелъ изъ Царицына для присоединенія къ Россійской арміи и остановился близъ почтоваго дома на степи между Волгою и Дономъ. Сей злодѣй, собравъ толпу своихъ товарищей, объявилъ имъ, что онъ Петръ III, предуспѣлъ ихъ въ томъ увѣрить и принять отъ нихъ присягу; началъ жаловать въ министры и генералы, но, спустя нѣсколько часовъ, внезапно явился начальникъ войскъ; солдаты были симъ неожиданнымъ явленіемъ такъ поражены, что не только не противились, когда увидѣли, что командиръ ихъ взялъ самозванца за волосы, но даже и помогали сковать его и отвести въ тюрьму въ Царицынъ. Во время производства суда, живущіе въ крѣпости, возбужденные ложными разглашеніями, опять взбунтовали; и не безъ труда комендантъ полковникъ Цыплетовъ предуспѣлъ утушить сіе смятеніе; тогда перевезли преступника на Волжской островъ, гдѣ онъ казненъ. Около сего же времени сосланный колодникъ въ Иркутскъ подговорилъ въ сообщество нѣкотораго чиновника состоящаго на казенномъ жалованьѣ, но измѣна его скоро обнаружилась и наконецъ и сей злодѣй преданъ казни. Особеннаго вниманія достойно, что ни одинъ дворянинъ не предался самозванцу: ни угрозы, ни обольщенія никакого не имѣли успѣха. Сей то непоколебимой вѣрности и преданности дворянства государю Россія обязана своимъ благоденствіемъ и славою. Лѣтописи всѣхъ народовъ доказываютъ, сколько связь государя съ дворянствомъ необходима, и что всегда и вездѣ, при ослабленіи оной, оказываются въ государствахъ приближенія къ паденію; а изъ опыта въ продолженіи всѣхъ вѣковъ особен-

но въ наши времена очевидно, что ложныя толкованія вольности и равенства разрушаютъ всѣ связи общественныя, а отъ неясныхъ начертаній раздѣленія между сословіями пораждается и проистекаетъ пагубное безначальство, ведущее къ неизбѣжному злу.

Примѣчаніе это было напечатано выноской къ тексту на стр. 114.

27.

Рѣдкій примѣръ твердости души, усердія и вѣрности въ законной власти показалъ ставропольскаго гарнизона капитанъ Калмыковъ. Попавшись въ плѣнъ къ Пугачеву въ числѣ прочихъ посланныхъ изъ Симбирска подъ начальствомъ тамошняго коменданта Чернышева, называлъ Пугачева въ лице самозванцемъ, увѣщевая своихъ товарищей не вѣрить ни въ чемъ сему злодѣю, который тотчасъ приказалъ капитана пятерить. При отсѣченіи рукъ и ногъ, Калмыковъ тожъ кричалъ. Пугачевъ, приведенъ будучи въ большую ярость, приказалъ, отрубя руки и ноги, вспороть ему грудь; но мужественный страдалецъ, и при семъ послѣднемъ мучительномъ дѣяніи, не преставалъ изобличать измѣнника въ его злодѣйствахъ и испустилъ духъ, пребывъ вѣрнымъ своему государю. [97])

Примѣчаніе это было напечатано выноской къ тексту на стр. 116.

---

[97]) Пушкинъ въ исторіи Пугачевскаго бунта (Глава III прим. 20) пишетъ, что «изъ *Калмыцкаго полковника* сдѣлали *капитана Калмыкова*»; но Рычковъ въ своей лѣтописи (осада Оренбурга, §§ 50 и 52 прим.) упоминаетъ, что бывшій въ отрядъ Чернышева *Калмыцкій полковникъ* былъ повѣшенъ, а о казни ставропольскаго баталіона *капитана Калмыкова* передаетъ всѣ вышеприведенныя подробности. Въ приложенномъ у Пушкина (гл. VIII, прим. 8 по изд. Анненкова стр. 260) спискѣ жертвъ Пугачева этотъ капитанъ названъ *Григорьемъ Калмыковымъ* и показанъ убитымъ въ Ставрополѣ.

28.

Башкирцы, народъ кочующій въ Оренбургской губерніи въ числѣ болѣе 100 тысячь обоего пола душъ, неоднократно находился въ бунтѣ; первый бунтъ былъ въ 1676 годѣ; 2-й въ 1707 годѣ, 3-й бунтъ въ 1735 годѣ, за то, что городъ Оренбургъ позади ихъ построенъ, и, хотя съ сего года по 1741-й по Оренбургской и Башкирской коммиссіямъ командированными партіями Башкирцовъ побито, казнено, подъ карауломъ померло, сослано въ работу, женъ и дѣтей ихъ обоего пола для поселенія въ Россіи роздано, а всего числомъ до 28,452 человѣкъ; но въ 1754 годѣ Башкирцы опять взбунтовали; начинщикъ былъ Баташевъ; для усмиренія ихъ побито и вывезено всѣхъ Башкирцевъ до 30 тысячь. Въ Башкиріи мѣдныхъ заводовъ 18 разныхъ помѣщиковъ; а въ Кудецкой волости, при рѣкѣ Камѣ, найдена въ пещерахъ селитра.

Калмыки въ подданствѣ Россійскомъ раздѣляются на 4 поколѣнія: Хошоты, Зюнгоры, Дербешы и Торгорты; они всѣ кочуютъ въ кибиткахъ, кромѣ крещеныхъ, которые живутъ въ городѣ Ставрополѣ и въ Симбирской губерніи; въ 1771 годѣ Торгауты въ числѣ 50,000 кибитокъ, ушли на степь Зюнгорскую; нарѣчіе языка, коимъ они говорятъ, Мунгальское, а въ книгахъ до вѣры касающихся, употребляютъ языкъ Тибетскій [98]).

Примѣчаніе это было напечатано выносками къ тексту на стр. 128.

---

98) Названіе *Колмыковъ* или *Колмаковъ*—Тюркское, собственно же имя ихъ—*Ойраты* т. е. союзники, по причинѣ союза, заключеннаго въ 1367 г. между тремя сильными Джюнгарскими поколѣніями: *Чоросъ*, *Хошотъ* и *Торготъ*, къ которымъ въ послѣдствіи присоединилось поколѣніе *Дурботъ*. (Броневскій. Описаніе Донской земли. С.П.б. 1834 III. 47).

29.

Въ концѣ перваго изданія «Записокъ» были помѣщены особымъ приложеніемъ слѣдующіе документы, которые сочтено излишнимъ перепечатывать:

1. Письмо императрицы Екатерины II-й къ Веніамину, архіепископу Казанскому и Свіяжскому, по случаю пожалованія его саномъ митрополита и отвѣтъ Веніамина.

2. Два манифеста отъ 23 декабря 1773 пода, о преступленіяхъ Пугачева.

и 3. Рапортъ ген. м. князя Голицына на имя ген. аншефа, графа П. Н. Панина отъ 15 сентября 1774 года, объ отвозѣ Пугачева въ Яицкой городокъ.

Всѣ эти документы относятся не къ жизни А. И. Бибикова, а къ исторіи Пугачевскаго бунта; первые четыре перепечатаны у Пушкина: рескриптъ императрицы и письмо Веніамина въ прим. 2 къ главѣ VIII, а два манифеста въ въ приложеніи 6, подъ литерами А и Б. Рапортъ князя Голицына еще менѣе имѣетъ отношенія къ настоящей книгѣ, ибо писанъ шесть мѣсяцевъ послѣ смерти Александра Ильича.

30.

Въ первый день генваря (1774 года) собралось здѣсь (въ Казани) въ корпусѣ благородное дворянство уѣзда казанскаго, коему г. генералъ аншефъ, объявя высочайшее ея императорскаго величества благоволеніе, представилъ при томъ отъ себя, какъ матернюю ея величества къ нимъ любовь и довѣренность, такъ видимую имъ самимъ и семьямъ ихъ опасность отъ неистовой дерзости самозванца Пугачева. Нѣтъ пера, которое бы довольно живо изобразить могло, съ коликимъ благоговѣніемъ и радостными слезами приняли всѣ дворяне отъ перваго до послѣдняго монаршее о нихъ

попеченіе и милость: всѣ они единогласно, въ сущемъ восторгѣ радости и благодарности, воскликнули: «что готовы они за всемилостивѣйшую государыню и за отечество жертвовать не только имѣніемъ своимъ, но и своею жизнію, такъ какъ и предки ихъ пребыли всегда государю и отечеству въ непоколебимой вѣрности».

Въ слѣдствіе того оное дворянство въ корпусѣ, приступивъ того же самаго дни къ общему между собою совѣту и утвердя во первыхъ письменнымъ обязательствомъ посвященіе покоя, имѣнія и жизней своихъ службѣ ея императорскаго величества и отечества, опредѣлило въ то же время, съ равнымъ каждаго члена жаромъ, согласіемъ и единодушіемъ, для скорѣйшаго искорененія настоящаго зла и для возстановленія общаго покоя съ собственною своею безопасностію; а всего наипаче, сострадая огорченію матерняго и человѣколюбиваго сердца премудрой и милосердой нашей монархини, собрать на первый случай и въ самой скорости, какъ только возможно, конной корпусъ войскъ изъ собственныхъ своихъ людей и иждивенія, съ числа двухъ сотъ душъ по одному человѣку, вооружить и снабдить оной всѣмъ потребнымъ къ службѣ, и просить его превосходительство г. генералъ аншефа о присоединеніи сего корпуса къ войскамъ ея величества, подъ достохвальною его командою находящимся, а за тѣмъ еще всѣмъ и каждому приготовить себя, особливо на всякой случай, къ защищенію отечества, не щадя жизни своей.

Сей добровольной наборъ распространило еще благородное дворянство, изъ собственнаго же своего подвига, и на другія свои деревни прочихъ уѣздовъ всей здѣшней губерніи, включивъ такъ же въ патріотическое свое дѣяніе и отсутственныхъ своихъ собратій, дабы и ихъ не лишить въ ономъ изъявленія таковой же ревности и равнаго участія къ поспѣшествованію общаго блага.

Къ новому отъ дворянства составляемому корпусу избранъ отъ онаго, по извѣстной ревности къ службѣ и по оказуемому усердію при нынѣшнемъ случаѣ, шефомъ г. генералъ маіоръ *Ларіоновъ*, а къ командованію эскадронами и ротами, по самопроизвольному ихъ ревностному желанію, господа полковникъ Николай *Толстой*, подполковникъ Дмитрей *Молоствовъ*, лейбгвардіи капитанъ поручикъ Александръ *Толстой*, артиллеріи капитанъ Дмитрій *Родіоновъ*, секундъ маіоръ Сергѣй *Тютчевъ* капитанъ Сергѣй *Левашовъ*, титулярной совѣтникъ Алексѣй *Мельгуновъ*, подпоручикъ Михайло *Голосницкой*; въ адъютантскія же должности лейбгвардіи фурьеръ Яковъ *Кудрявцовъ*, да капралъ Никаноръ *Нармотской*.

Распорядя все сіе и предоставя себѣ дополнять впредь изъ корпуса своего число офицеровъ, сколько когда ихъ потребно будетъ, такъ же и поруча, кому надлежало, дѣйствительное исполненіе всего на мѣрѣ положеннаго, заключило напослѣдокъ дворянство совѣтъ свой письменнымъ, чрезъ предводителя своего г. статскаго совѣтника *Кудрявцова*, отзывомъ къ г. генералъ аншефу съ представленіемъ ему своего плана, и съ прозьбою о принятіи корпуса его въ соединеніе войскъ ея императорскаго величества.

Между тѣмъ въ теченіе генваря мѣсяца благородное дворянство уѣздовъ синбирскаго, свіяжскаго и пензенскаго, подражая достохвальному примѣру дворянства казанскаго и желая съ своей стороны оказать себя не меньше достойными благороднаго своего званія, согласилось каждое, особенно въ своемъ корпусѣ, съ равнымъ рвеніемъ, равною готовностію и равнымъ единодушіемъ представить, въ настоящемъ случаѣ общей государственной нужды, къ услугамъ ея императорскаго величества и отечества не только всѣ свои пособія, но и самыя жизни, опредѣляя въ общихъ своихъ совѣтахъ собрать на первой случай конной корпусъ

войска изъ собственныхъ своихъ людей и собственнаго же своего иждивенія, на такомъ точно во всѣхъ подробностяхъ основаніи, на каковомъ подобной поступокъ учиненъ прежде казанскимъ дворянствомъ.

Синбирское дворянство избрало къ своему корпусу шефомъ, по собственной склонности и усердію, г. маіора Семена *Гладкова*, а къ командованію эскадронами, по способности и по собственному усердію господъ: маіоровъ, Степана *Гладкова* и Степана *Коптева*; капитановъ, Ивана *Ружевскаго*, Александра *Алакаева*, Григорья *Чуфарова*; Льва *Яковлева*, Егора *Аверкіева*, Ивана *Уварова*; порутчиковъ: Василья *Кадышева*, Ивана *Микулина*, Василья *Чуфарова*; подпорутчиковъ, Якова *Кучугова*, князь Игнатья *Баюшева*; Прапорщиковъ, Николая *Бѣлякова*, Николая *Неплюева*, Ивана *Толстова*, Семена *Саврасова*, да лейбгвардіи капрала Александра *Микулина*.

Съ другой стороны пензенское дворянство учредило начальникомъ къ своему корпусу извѣстнаго оному по усердію и ревности предводителя своего г. *Чемесова*, а къ командованію эскадронами и ротами господъ: премьеръ маіора *Вигеля*; секундъ маіора Перфилья *Дубенскаго*; гвардія подпорутчика Никанора *Ознобишина*; порутчиковъ, Ивана *Пилюгина*, Матвѣя *Варыпаева*, Ѳедора *Шехмаметева*, князь Никифора *Кикичева*; подпорутчиковъ, Сергѣя *Тухачевскаго*, Александру *Гладкова*, Ипполита *Алфимова*, Николая *Киселева*, карнета Михайлу *Аблизова*; прапорщиковъ, Николая *Саморокова*, Дмитріа *Дмитріева*; да въ адьютантскія должности лейбгвардіи сержантовъ, Ивана *Левина* и Ивана *Репина*.

По той причинѣ, что количество положенныхъ въ подушной окладъ по свіяжскому уѣзду не велико, слѣдовательно же и не можно быть особливому корпусу изъ набраемыхъ съ онаго людей, опредѣлило тамошнее дворян-

ство присоединиться къ казанскому, опредѣляя только въ предводители своей части отставнаго капитана Гаврилу *Матюнина*.

Не меньше сего ревнуя и казанской магистратъ похвальному поступку дворянскихъ корпусовъ, представилъ письмомъ генералъ аншефу, что хотятъ и граждане города Казани употребить въ настоящемъ случаѣ вѣрноподданническую ея императорскому величеству услугу, вооруженіемъ одного коннаго эскадрона гусаръ на ихъ иждивеніи и содержаніи, что имъ оной генералъ аншефъ по ихъ желанію и дозволилъ.

Его Пр-во, получа въ 27-й день генваря высочайшей Е. И. В. рескриптъ, объявилъ тотъ же самой день казанскому предводителю, чтобъ повѣстилъ онъ о собраніи всѣмъ здѣсь въ городѣ и по близости онаго находящимся дворянамъ, для выслушанія монаршего повелѣнія. Собраніе сіе и было назначено 30-го числа по утру, въ которое дѣйствительно съѣхалось тогда дворянство, о чемъ чрезъ двухъ нарочно посланныхъ членовъ своихъ дали они знать г. генералъ аншефу, и что его прибытія предводитель съ дворянами ожидаютъ, чтобъ услышать высочайшую Е. И В. волю. Въ то же время прислано было въ домѣ его превосходительства для препровожденія пятьдесятъ человѣкъ вооруженныхъ улановъ съ двумя офицерами. По прибытіи въ домъ предводителя встрѣченъ былъ г. генералъ аншефъ у крыльца дворянами, а сія встрѣча и далѣе такимъ же образомъ продолжаема была. Вошедъ въ собраніе держалъ его во приличную къ случаю рѣчь; а потомъ прочелъ самъ въ слухъ отъ слова до слова полученной имъ всемилостивѣйшей рескриптъ. Нѣтъ возможности изобразить здѣсь довольно живыми красками, съ какимъ благоговѣніемъ и радостными слезами слушали дворяне высочайшую Е. И. В. къ нимъ милость и благоволеніе. По прочтеніи слышны *только* были многогласныя повторенія: «Да здраствуетъ

великая наша самодержица! да царствуетъ надъ нами щедрая мать наша! готовы мы за нее пролить кровь нашу и жертвовать всѣмъ, что мы имѣемъ! » Таковыя восклицанія должны были привесть всякаго въ радостное умиленіе. Потомъ предводитель, имянемъ всего дворянства, говорилъ рѣчь (которая ниже сего слѣдуетъ въ точной своей силѣ купно съ письмомъ, кое онъ же имянемъ всего дворянства писалъ къ г. генералъ аншефу); а всѣ совокупно просили, чтобъ могли они получить копіи со всемилостивѣйшаго рескрипта, да останется оной у всякова для будущихъ потомковъ монументомъ милости Великой Екатерины къ казанскому дворянству; на что г. генералъ аншефъ охотно и согласился.

Послѣ того г. губернаторъ казанской, г. генералъ аншефъ Бибиковъ и предводитель дворянской со всѣми дворянами поѣхали въ соборную церковь, гдѣ, по отправленіи литургіи здѣшнимъ архіереемъ, казанское дворянство просило, чтобъ отправленъ былъ благодарной молебенъ о дражайшемъ и многолѣтномъ здравіи ея императорскаго величества; что и исполнено при стрѣльбѣ изъ поставленныхъ предъ соборомъ пушекъ. Весь сей день дворяне торжествовали, а въ вечеру собрались они въ домѣ предводителя, куда и г. генералъ аншефъ и г. губернаторъ также приглашены были. Во всю ночь были въ городѣ дворянскіе домы иллюминованы. И тѣмъ сей достопамятной и прямо торжественной день во всеобщей радости заключенъ.

Прибавленіе къ № 16. СПБ. вѣдомостей 25 февраля 1774 года.

31.

Письмо казанскаго дворянства къ А. И. Бибикову отъ 1 января 1774 г.

Всемилостивѣйшее Е. И. В. благоволеніе нашимъ

33.

Собственноручное письмо Императрицы къ А. И. Бибикову, отъ 20 января 1774 г.

Подражая примѣру вѣрнаго и усерднаго дворянскаго корпуса казанскаго, повелѣла Я, яко помѣщица той губерніи, съ дворцовыхъ волостей, съ каждыхъ двухъ сотъ душъ, всѣмъ отдать по одному рекруту, и обмундировавъ и снабдя лошадью, велѣла присовокупить ихъ къ тому казанскаго дворянства военному корпусу, о чемъ чрезъ сіе васъ увѣдомляю, дабы вы о семъ и тамошнему дворянству сказать могли.

Чтенія И. Общ. и Древн. Росс. 1860. кн. II. Смѣсь, стр. 65.

34.

Рѣчь благодарственная Императрицѣ отъ общества дворянства Казанскаго **)

Всеавгустѣйшая Государыня!

Премудрая и непобѣдимая Императрица!

Дражайшее намъ и потомкамъ нашимъ неоцѣненное слово, сей пріятный и для позднѣйшаго рода казанскаго дворянства фиміамъ, сей гласъ радости, вѣчной славы нашей и

**) Полное заглавіе, подъ которымъ эта рѣчь была напечатана въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ слѣдующее: «Рѣчь благодарственная ея императорскому величеству всепресвѣтлѣйшей государынѣ императрицѣ и самодержицѣ всероссійской Екатеринѣ Второй отъ общества дворянства казанскаго въ ихъ собраніи публично говоренная на случай объявленія всемилостивѣйшаго ея величества казанскому дворянству благоволенія за набраніе ими дворянскаго корпуса, также и при случаѣ высочайшаго соизволенія, что ея величество казанская помѣщица. Сочинена казанскимъ дворяниномъ въ Казанѣ. 1774 года».

вѣчнаго нашего веселія, въ высочайшемъ В. И. В. къ намъ благоволеніи слыша; кто бы не получилъ изъ насъ восторга въ душу свою, чье бы не возъиграло сердце о толикомъ благополучіи своемъ? Облиста насъ въ скорби нашей и печали свѣтъ милосердія твоего! а потому, естьли бы кто теперь изъ насъ не радовался, тотъ бы по истиннѣ еще худо изъявилъ усердіе свое отечеству и вашему И. величеству, дяяніемъ нѣкоторой части имѣнія своего на составленіе корпуса нашего. И бысть угодна наша жертва предъ тобою: се щастіе наше, се восхищеніе душъ нашихъ!

Но всемилостивѣйшая государыня, В. И. В. обыкнуть соизволили взирать на малые знаки усердія, какъ на великіе: изливая окрестъ престола щедроты благоутробія своего, изливаете оныя и въ страны отдаленныя; осіявая лучами милости своея всѣхъ купно, и всѣхъ вездѣ своимъ человѣколюбіемъ милуете; а по тому конечно и посильное дяяніе долга нашего, собственно самимъ же намъ нужное, ваше И. величество толь милостиво и благоугодно отъ насъ пріять соизволили.

«Сей есть прямо образъ мыслей благородныхъ», В. И. В. въ честь намъ сказать соизволили. Чтожъ мы изъ сего высочайшаго намъ признанія заключать должны? не сущее ли одно токмо матернее побужденіе къ исполненію долга нашего? Не милосердіе ли одно? За то мы похвалу получаемъ, что истинное дѣло наше! Но кромѣ особливыя, и заслугу превышающія почести, хвалится ли за то священнослужитель, что онъ всенародно Бога молитъ? Кромѣ неописанныя вашего И. величества къ рабамъ своимъ милости, достойны ли и дворяне за то похвалы особливой, что они хотятъ защищать свое Отечество? Они суть щитъ его, они подпора престола царскаго. Пепелъ предковъ нашихъ вопіетъ къ намъ и зоветъ насъ на пораженіе самозванца. Гласъ потомства уже укоряетъ насъ,

что въ вѣкъ преславной, Великой Екатерины, могло возникнуть зло сіе. Кровь братій нашихъ, еще дымящаяся, пронзая сердца наши, стремитъ насъ на истребленіе варвара своего. Расхищенныя отъ раскола церкви, яко вдовицы, сѣтуютъ дѣтямъ своимъ объ отищеніи судіямъ неправеднымъ. Чтожъ мы медлили? Чего давно не доставало совокупно поставить намъ грудь свою злодѣю своему? Ежели душа у дворянина есть, то все у него есть ко ополченію. Чегожъ не доставало? не усердія ли нашего? Нѣтъ! мы давно горѣли имъ, мы давно собиралися, и хотѣли пренебречь жизнь свою. А теперь по милости вашего И. Величества есть у насъ и согласитель мыслей нашихъ. Руководствомъ его составился у насъ корпусъ. Избранной въ немъ начальникъ трудится. По немъ въ стараніяхъ его товарищи его усердствуютъ. Все въ порядкѣ. Имѣніе наше готово на пожертвованіе, кровь наша на изліяніе, души наши на положеніе—умремъ! Кто не имѣетъ мыслей сихъ, не дворянинъ тотъ.

Но сколь ни великъ восторгъ должности нашей, сколь ни жарко рвеніе сердецъ нашихъ; однако слабы бы были силы наши на истребленіе гнуснаго врага нашего, естьлибъ В. И. В. не ускорили войсками своими въ защищеніе наше; а паче всего присылкою къ намъ его в. пр—ва, Александра Ильича Бибикова. Можетъ быть, мы бы были и по сю пору въ нерѣшимости составить корпусъ нашъ, ежелибъ не онъ подалъ намъ свои благоразумные совѣты. Онъ пріѣздомъ своимъ разсыпалъ туманъ унынія, носящагося надъ градомъ здѣшнимъ. Онъ ободрилъ души наши. Онъ укрѣпилъ сердца подлыя, колеблющіяся въ вѣрности Богу, Отечеству и тебѣ, всемилостивѣйшая государыня. Словомъ сказать, онъ оживотворилъ страну почти умирающую. Величіежъ монарховъ, какъ паче познается въ томъ, что они умѣютъ разбирать людей и употреблять ихъ

во благовременіе, то и въ немъ не оскудѣваетъ вашего и. величества тончайшее проницаніе. На сей случай здѣсь надобенъ министръ, герой, судія, всенародный чтитель святыя вѣры. По прозорливому вашего и. величества изволенію, мы все сіе въ немъ видимъ, за все сіе изъ глубины сердецъ нашихъ любомудрой душѣ твоей воспisываемъ благодареніе.

Но едва успѣваемъ сказать здѣсь, всемилостивѣйшая государыня! вашему величеству крайнія чувствія искренности нашей за милости твои; едва успѣваемъ воскурить предъ образомъ твоимъ, великая императрица, намъ священнымъ и намъ любезнымъ, кадило сердецъ нашихъ за благоволенія твои: уже мы слышимъ новый гласъ, новыя отъ тебя радости, новаго намъ твоего великодушія и снизхожденія. Что ты дѣлаешь кромѣ милосердія? Что сіе! Въ трехъ свѣтахъ владычествомъ своимъ невмѣстимая самодержица, славимая въ концахъ земныхъ, честь царей, украшеніе коронъ, матерь человѣчества, изъ благолѣпія величества своего, изъ сіянія славы своея снизходитъ, пріемлетъ на себя рабіе названіе, и именуется нашею казанскою помѣщицею! О радости для насъ неизглаголанной! О щастія для насъ нескончаемаго! Се прямо путь къ сердцамъ нашимъ! Се преславное превозношеніе праху нашего и потомковъ нашихъ! Та, которая даетъ законы вселенной, подвластвуетъ нашему установленію! Та, которая владычествуетъ нами, подражаетъ нашему примѣру! Тѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты величественнѣе!

Итакъ исполненіемъ долга нашего хотя мы не заслуживаемъ особливаго вашего и. величества высокаго намъ признанія; хотя мы не достойны любезнаго и намъ дражайшаго товарищества твоего; однако высочайшую волю твою разверзтымъ принимаемъ сердцемъ и за наивеличайшее ее почитаемъ благополучіе. Начертываемъ неоцѣнен-

ныя слова благоволенія твоего со благоговеніемъ въ память нашу. Впечатлѣваемъ въ сердца и водружаемъ въ души наша знаки сего намъ божественнаго твоего и неизреченнаго снисхожденія. Признаемъ тебя своею помѣщицею. Принимаемъ тебя въ свое товарищество. Когда угодно тебѣ, равняемъ тебя съ собою. Но за сіе ходатайствуй и ты за насъ у престола величества твоего. Ежели гдѣ силы наши слабы совершить усердіе наше тебѣ будутъ, помогай намъ и заступай насъ у тебя. Мы болѣе на тебя, нежели на себя надѣемся

Великая императрица! чѣмъ же воздаемъ тебѣ за твою матернюю любовь къ намъ, за сіи твои несказанныя намъ благодѣянія? Ничѣмъ. Наполняемъ сердца наши токмо вящимъ воспламененіемъ искоренить изъ свѣта злобу, царства твоего недостойную. Просимъ Царя Царей, да подастъ Онъ намъ Свою помощь, а вашему и. величеству, истинной матери отечества, съ любезнымъ вашего и. величества сыномъ, съ сей безцѣнной надеждой нашей и съ дражайшею его супругою, въ безмятежномъ царствѣ, многія лѣта благоденствія *).

Рѣчь эта была напечатана въ текстѣ на стр. 135.

---

*) Рѣчь сію говорилъ казанской губерніи помѣщикъ Бестужевъ, а сочинялъ знаменитый нашъ лирикъ Гаврило Романовичь Державинъ, служившій тогда въ Преображенскомъ полку подпоручикомъ. Онъ, какъ казанскій уроженецъ, бывъ подвинутъ любовью, испросилъ у ея величества позволеніе быть въ числѣ гвардейскихъ офицеровъ при Александрѣ Ильичѣ, коихъ было уже четверо, князь Волконской, Мавринъ, Лунинъ и Кошелевъ [100]).

[100]) Л. Гв. коннаго полка поручики кн. *Волконскій* и *Кошелевъ* находились въ корпусѣ кн. П. М. Голицына: Измайловскаго полка капитанъ *Лунинъ* и капитанъ поручикъ *Мавринъ* производили дѣла тайной экспедиціи; Преображенскаго полка поручику *Державину* поручено усмирить приволжскій край.

35.

Рѣчь шефа дворянскаго корпуса, генералъ маіора Ларіонова:

Я за прекрасный день жизни моей почитаю, когда, при всеобщемъ приношеніи всеподданнѣйшаго благодаренія великой нашей императрицѣ отъ лица сего родившагося или еще рождающагося изъ усердія и вѣрноподданнической любви къ августѣйшей нашей матери мнѣ ввѣреннаго корпуса.

Позвольте съ благоговѣніемъ прейти молчаніемъ, гдѣ силы разума моего великость чувствъ нашихъ обнять и возблагодарить не могутъ и желать.

И васъ, дражайшій намъ вождь и содѣтель сего въ жизни нашей счастія, всеусердно просимъ, да подашь намъ случай кровію и жизнію возблагодарить матерінскому ея благоволенію. Остатокъ дней моихъ благоволилъ Богъ увѣнчать симъ благоугоднымъ дѣломъ ея императорскому величеству, то сугубо я обязанъ послужить вамъ, благодарно воспаленный ревностію и примѣромъ [101]).

Чтенія И. Общ. Ист. и древн. Росс. 1860. кн. II. Смѣсь. стр. 64.

36.

Письмо къ А. И. Бибикову отъ казанскаго предводителя Макарова.

Казанское дворянство приноситъ своей самодержицѣ все-

---

[101]) Въ послѣдствіи поведеніе Ларіонова не оправдало его словъ: посланный на освобожденіе Уфы, онъ оставался въ бездѣйствіи въ Бакалахъ, гдѣ наконецъ его смѣнилъ подполковникъ Михельсонъ; въ Іюлѣ же мѣсяцѣ, при наступленіи Пугачева къ Казани, онъ уѣхалъ въ Нижній Новгородъ, предоставивъ храброму полковнику Николаю Вас. *Толстому* честь быть убитымъ подъ Казанью, начальствуя коннымъ дворянскимъ легіономъ.

подданнѣйшее благодареніе за высочайшую ея величества милость, съ коею она усерднѣйшее наше приношеніе воспріять соизволила; всемилостивѣйшее ея благоволеніе и покровительство съ таковымъ матернимъ увѣреніемъ и позднимъ нашимъ потомкамъ будетъ служить дражайшимъ монументомъ неизреченнаго ея къ намъ милосердія.

Восторгъ нашего теперь образованія не допускаетъ больше изъяснить той неоцѣненности, съ какою къ намъ любовію великая наша императрица ограждаетъ насъ отъ бѣдствій и опасностей нашихъ; но единственно искренность наша стремится только воздать Царю Царей всеусерднѣйшее моленіе, дабы оправдалъ онъ ея щедроту, ея великодушіе, и неусыпное о насъ попеченіе долголѣтнымъ здравіемъ ея и благоденствіемъ.

А вамъ, М. Г.! какъ виновнику нашего теперешняго удовольствія и радости, всѣ мы свидѣтельствуемъ величайшее благодареніе за ваши поданные намъ совѣты, кои учинили жертву сердецъ нашихъ благоугодною великой нашей самодержицѣ; продолжайте, М. Г.! къ услугѣ ея величества и отечества вашу къ намъ довѣренность и любовь, которыхъ учинить себя достойными мы всѣ стараться будемъ.

Воспріимите въ свое покровительство избраннаго нами шефа съ его товарищами, и подайте имъ случай пролить кровь свою за благополучіе отечества нашего и матери нашей; мы же, будучи очевидно увѣрены въ вооруженіи корпуса о ревностныхъ шефа стараніяхъ, имѣемъ несумнѣнную надежду, что всѣ они положатъ душу свою за возлюбленную нашу самодержицу.

Письмо это было напечатано въ текстѣ. на стр. 135.

37.

Въ выноскѣ къ стр. 134 было напечатано слѣдующее примѣчаніе:

Кому изъ соотчичей произшествіе сіе тотчасъ не приведетъ на память знаменитую эпоху 1812 года, когда несравненно могущественнѣйшій и злобнѣйшій еще разрушитель Божескихъ и гражданскихъ законовъ, вторгнувшись въ самое сердце Россіи, гремѣлъ надъ нею неминуемою гибелью и порабощеніемъ: тогда изъ пламенѣющей Москвы, подобно аравійскому фениксу, великія души сіи снова возродились, и Россія паки удивила свѣтъ твердостію въ терпѣніи, мужествомъ въ дѣйствіяхъ, великодушіемъ въ пожертвованіи; тогда, по словамъ высочайшаго манифеста 30 августа 1814 года, благородное дворянство, сія вѣрная и крѣпкая ограда престола, умъ и душа народа, не только самопроизвольно жертвовало десятаго человѣка изъ своихъ вотчинъ, но самою кровью и жизнію своею, многократными опытами доказывало ничѣмъ ненарушимое древнее предковъ своихъ усердіе; тогда всѣ сословія, одушевленныя и соединенныя вѣрою въ Бога и любовію къ Царю и Отечеству. противупоставили врагу безтрепетную грудь свою, попрали, изгнали и истребили злобнаго завоевателя и, вмѣстѣ съ вѣнценоснымъ и верховнымъ своимъ предводителемъ, преклонивъ смиренно колѣна предъ единымъ непостижимымъ и всесильнымъ Низлагателемъ и Возстановителемъ царствъ, съ душевнымъ умиленіемъ къ нему воскликнули: — «Не намъ, не намъ, а имени Твоему!»

Одушевляй Россійску грудь
Всегда, о мужество священно!
Присутственно и впредь намъ будь
Во время скорбно, время гнѣвно;
Взлетимъ, коль оперенны мы
Твоими страшными крылами:

Кто станетъ противъ насъ? Богъ съ нами!
Но естьли злоба ополчится,
Нарушитъ сладкой нашъ покой,
Возставъ Россія окружится
Какъ тучей чадъ своихъ стѣной.
Богъ милости предъ ней предъидетъ,
Онъ выше облакъ воды вздыметъ,
И съ шумомъ ихъ со всѣхъ сторонъ
Громъ броситъ на чело возницы,
На всадника, на колесницы,
И гдѣ грозившій фараонъ? [102])

Державинъ.

38

Ода Державина на смерть А. И. Бибикова.

Тебя ль оплакивать я долженъ,
О Бибиковъ! Какой ударъ!
Тебѣ ли кипарисны лозы
И муро я на гробъ несу?
Едва успѣлъ тобой быть знаемъ,
Лишенъ тебя я рокомъ лютымъ,
Погибъ съ печали разумъ мой!
Твои достоинства лишь вспомню,
Сердечны разверзаю раны,
И вновь терплю твою я смерть.
Твои заслуги и почтенье
Отъ всей къ тебѣ твоей страны
Уже столь громки и велики,

---

[102]) Послѣдніе десять стиховъ въ полномъ собраніи стихотвореній Державина (изд. 1843. 1. 236—237) составляютъ послѣднюю строфу стихотворенія «Монументъ Милосердію». Предъидущіе семь стиховъ не помѣщены въ означенномъ изданіи.

Что время ихъ не можетъ скрыть.
У всѣхъ, кто любитъ добродѣтель,
Въ сердцахъ твой образъ будетъ вѣченъ.
Внемли! — тамъ Музъ несется стонъ,
На щитъ облегшися Беллона,
На лаврахъ Россъ, Минерва плачутъ,
На блеклыхъ миртахъ Гименей.
Не показать мое искусство,
Я здѣсь тебѣ стихи пою,
И риѳмъ здѣсь нѣтъ въ печальномъ слогѣ.
По благодарности лишь знакъ.
Усердное мое почтенье
И воздыханій чувство нѣжно
Я здѣсь изобразить хочу:
Пускай о томъ и всѣ узнаютъ,
Что, вмѣсто мавзолея вѣчна,
Я пролилъ слезы надъ тобой.
Иные чтутъ одну фортуну
Смотря на выгоды свои,
И даръ поэзіи священный
Приносятъ только ей одной;
Но я предъ сей царицей міра
Моихъ цвѣтовъ не разсыпаю,
А сыплю ихъ на пепелъ твой;
Желаю только, чтобъ сказали:
«Онъ вѣрно любитъ добродѣтель,
«Что пишетъ ей свои стихи».
Но чтобъ мнѣ смерть твою прехвальну,
Герой! печальнѣе воспѣть,
Оттоль я собралъ черны тѣни,
Гдѣ въ подвигѣ погасъ твой вѣкъ.
Не лавръ исторгши у Прусаковъ,
Не побѣждаючи Сарматъ,

ПЕРЕПИСКА

АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА

БИБИКОВА.

Переписка Бибикова... свидѣтельствуетъ, что если онъ писалъ и не совсѣмъ правильно, то владѣлъ языкомъ какъ человѣкъ умный и придавалъ слогу веселую живость, откровенность и выразительность характера своего.

Фонъ Визинъ, соч. кн. П. А. Вяземскаго. 72.

ПЕРЕПИСКА

АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА

БИБИКОВА.

Переписка Бибикова... свидѣтельствуетъ, что если онъ писалъ и не совсѣмъ правильно, то владѣлъ языкомъ какъ человѣкъ умный и придавалъ слогу веселую живость, откровенность и выразительность характера своего.

Фонъ Визинъ, соч. кн. П. А. Вяземскаго. 72.

I.

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА БИБИКОВА

Къ Императрицѣ Екатеринѣ II-й.

1. (писано въ ноябрѣ 1769).

Всемилостивѣйшая Государыня!

Сколь милость Ваша мнѣ ни драгоцѣнна, и письма Ваши получать какъ ни радостно, но обвинялъ я самъ себя въ смѣломъ любопытствѣ, желая знать о успѣхѣ дѣлъ Вашихъ, а получа Всемилостивѣйшее письмо отъ 23 октября, сердце мое наполнилось новою благодарностію, и мысль несказаннымъ удивленіемъ: какъ, Великая Монархиня, находите Вы время столь милостиво снисходить къ подданному Вашему, когда упражняетесь въ безпрестанныхъ трудахъ и попеченіяхъ объ устроеніи жребія многихъ народовъ.

Изъ сообщенныхъ извѣстій, Великая Государыня, съ радостію чувствую успѣхи дѣлъ Вашихъ и крѣпкую имѣю надежду, что Черногорскіе пустынники вооружатся Вашимъ именемъ и не въ однихъ только ущелинахъ своихъ обороняться станутъ, но пойдутъ, подъ знаменами Вашими, отнимать храмъ св. Софіи, обращенный отъ невѣрныхъ въ агарянское капище; а сосѣдамъ ихъ, живущимъ въ Архипелагѣ и около онаго, сильны Вы вдохнуть предковъ ихъ древнюю храбрость. Они, брося торговать виноградными

виномъ, мѣхами и сладкими ягодами, станутъ съ мечами въ рукахъ доставать древнюю императоровъ православныхъ столицу и ревностнѣе еще поступятъ, нежели предки ихъ столь мужественно доставали Трою. Что флотъ нашъ, проходя медленно Балтійское море, вдругъ очутился у Англинскихъ береговъ, и уже оттуда готовъ къ выступленію, начинаю вѣрить, что конечно успѣли Вы переслать къ нему способный вѣтръ, ибо плаваніе его начинаетъ быть некакъ поспѣшное. Всемилостивѣйшая Государыня! естьлибъ разныя причины и предубѣжденія не препятствовали живущимъ по всему земному шару обитателямъ проникнуть и почувствовать прямое ихъ блаженство, то не однимъ только Едикулскимъ Татарамъ съ своими семьями долженствовало бъ прійти, но весь человѣческій родъ съ радостію поспѣшилъ бы въ Твое подданство; я о семъ увѣренъ во внутренности души моей, или можетъ быть восхищенъ Вашею милостію, какъ вѣрноподданный Вашъ, отъ сердца того желаю.

Окончивъ мое дѣло, не умедлю возвратиться и предстать предъ очи Ваши; но между тѣмъ, съ великимъ удовольствіемъ объѣхавъ я знатную часть здѣшней губерніи, осмѣливаюсь донесть одно между прочими сдѣланное мною примѣчаніе, достойное, по истиннѣ, принять участіе въ материнскомъ Вашего Величества сердцѣ. Съ радостнымъ восторгомъ видѣлъ я здѣшнихъ жителей, торжествующихъ побѣды Ваши и искренно чувствующихъ и прославляющихъ имя Ваше; ибо, на возвратномъ моемъ пути, во всей здѣшней землѣ покореніе Молдавіи торжествовалось; я, кажется безъ ошибки, видѣлъ въ простыхъ поселянахъ, что они радуются славѣ Вашей и чувствуютъ щастливое ихъ подданство. Сіе изъ ихъ лицъ, изъ одеждъ и дѣйствій заключить было можно.

---

2. (писано въ августѣ 1772).

Всемилостивѣйшая Государыня!

Молчаніе мое, которое донынѣ продолжалъ, имѣя всемилостивѣйшее отъ Васъ позволеніе, не причтется конечно ни къ чему иному, какъ къ единому опасенію, чтобъ письмами своими не обезпокоить Ваше Величество и не отнять чтеніемъ строкъ моихъ времени Вашего, которое для всѣхъ драгоцѣнно. Довольствовался я, Всемилостивѣйшая Государыня, донесеніемъ о дѣлахъ, по службѣ Высочайше на меня возложенныхъ; не усумнился я никогда мыслію моею, чтобъ Высочайшая Ваша ко мнѣ милость непремѣнно не продолжалась; а усердіе мое и непоколебимая вѣрность бываютъ всегда лучшая предъ Вами опора; самое же усердіе теперь меня убѣждаетъ и я пріемлю смѣлость обезпокоить настоящими строками. Пусть онѣ напомнятъ Вашему Величеству о вѣрномъ подданномъ, который, и въ отсутствіи будучи, размышленіями о милостяхъ Вашихъ утѣшается; неужъ ли то не найдется чего ни есть такого, чѣмъ бы ко мнѣ милостивую грамотку наполнить?

Чрезъ реляцію мою свѣдать изволите о покореніи крѣпости Ченстоховской и что симъ окончились и всѣ бывшіе до нынѣ въ Польшѣ и Литвѣ конфедераты, съ чѣмъ всеподданнѣйше поздравленіе принесть дерзнулъ, въ настоящемъ же письмѣ прибавить осмѣлюсь, что, хотя отъ всей католицкой горячности умоливанъ былъ чудотворной Ченстоховской образъ Богородицы, чтобъ не допустила насъ шизматиковъ до Своего лика, однако усердіе наше было услышано и солдатскія молитвы съ такою же пріятностію отъ сего святаго образа пріемлются, какъ бы

истинныхъ католиковъ. Папской нунціусъ, г. Дурыни, [103]) сему удивляясь, приписываетъ Польскому невѣрію и съ досады на чудеса, еще скорѣе нежели думалъ, хочетъ отсюда убраться; а Ченстоховскіе Паулинскаго ордена монахи живутъ какъ съ собратіею своею Углицкаго ордена [104]). Надѣюсь вѣрно, что не будетъ между ими обыкновенно бываемыхъ между монахами споровъ, такъ какъ бывало у капуциновъ съ францисканами за капишонъ св. Франца. Ожидаю отъ Вашего Величества рѣшенія межеваго здѣшняго дѣла, которое, сказываютъ, рѣшено будетъ не по Польскимъ статутамъ и сеймовымъ инструкціямъ, а по зборному уложенію и новоуказнымъ статьямъ [105]); а ежели ко всему этому поспѣшитъ добрая вѣсть изъ Фокшанъ [106]), окончилось бы и все и принялся бы за прожектъ уложенія, который совершить не меньше славно, какъ окончать со славою воинскія дѣйствія. Всего лучшаго желаетъ Вамъ и отъ Васъ надѣется

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества и проч:

---

[103]) Этотъ Дурини, отъявленный врагъ Россіи, былъ въ 1773 г. отозванъ Климентомъ 14-мъ изъ Варшавы, по ходатайству бывшаго въ то время въ Римѣ И. И. Шувалова.

[104]) Гарнизонъ въ Ченстоховѣ былъ занятъ Углицкимъ пѣхотнымъ полкомъ.

[105]) Очевидный намекъ на переговоры съ Пруссіей и Австріей относительно раздѣла Польши.

[106]) Фокшанскій конгрессъ открылся 15 іюня 1772.

Къ Самуилу Миславскому *).

3. (писано въ 1772 или 1773 году).

Изчезли конфедераты яко воскъ отъ лица огня, но Польша не вошла въ желаемое тремя союзными дворами положеніе. Политическое постановленіе ея существа еще не рѣшилось, хотя каждый изъ союзниковъ вступилъ во владѣніе претендуемыхъ земель. Сію поссесію подтвердить должна республика генеральнымъ сеймомъ, а согласить цѣлый народъ къ вѣчной уступкѣ взятаго и подписать актъ раздробленія, можете себѣ легко представить, съ коликою трудностію связуется. При дѣйствіи политическаго оружія, которымъ министерство дѣйствуетъ, не празденъ остаюсь и я съ 20 тысячьми проповѣдниковъ; они громче нежели краснорѣчивый языкъ полномочнаго министра справедливость требованій Всероссійской Императрицы утверждаютъ....

Къ Денису Ивановичу Фонъ-Визину.

4. изъ Варшавы 6 іюня 1772.

Сынъ мой ко мнѣ доѣхалъ и привезъ между прочимъ дружеское и пріятное ваше, любезный Денисъ Ивановичь, письмо, а прямую и нелицемѣрную дружбу дополнилъ онъ словами, пересказавъ все, что отъ васъ слышалъ. Чувствъ сердечныхъ, какъ я вами одолжаюсь, описать не могу, ибо и лучшіе писатели, имѣя время и знаніе, не

*) Епископу Сарскому и Подонскому, въ послѣдствіи митрополиту Кіевскому и Галицкому.

всегда объясняютъ ихъ удачно; а мнѣ, въ суетахъ и досадахъ бывши, есть ли къ тому удобность? Оставьте вы и не взыскивайте порядка слога и силы объясненій; довольствуйтесь тѣмъ, что я отъ сердца васъ люблю и любить буду. А одолженія чувствуетъ и братъ отъ брата: такъ, въ прибавокъ моей къ вамъ любви, знайте, что чувствую и дружескія ваши одолженія.

Перемиріе *) мы здѣсь получили: надобно думать, что оно дошло уже теперь и до васъ, съ чѣмъ отъ сердца поздравляю. Я, по содержанію договорныхъ пунктовъ, щитаю добрымъ его быть основаніемъ къ желаемому миру, и тѣмъ болѣе, что гавани Крымскія остались Туркамъ загражденными. Что Русскій Богъ великъ, тó видѣли мы и въ нашъ вѣкъ не одиножды. Согласенъ я совершенно съ вами въ томъ, что лучшая на Него должна быть и надежда.

Поспѣшайте, чтобъ недозрѣлое созрѣло. Крайне опасно, и при теплой моей вѣрѣ на Бога нашего, чтобъ не произошло какихъ либо новыхъ замѣшательствъ. Но пусть будетъ что хочетъ; пришло держаться Панглосовой системы: Tout va pour le mieux **).

---

5. изъ Варшавы, 28 февраля 1773.

Вѣсти со всѣхъ сторонъ, не отъ однихъ васъ, о Турецкомъ мирѣ часъ отъ часу хуже становятся и мы почти ежедневно ожидаемъ о Бухарестскаго конгресса разрывѣ извѣстія. По обстоятельствамъ, чудесамъ быть надобно, коли, вмѣсто ожидаемой войны, услышимъ мы вѣсти о вожделѣнномъ мирѣ. Да творитъ Богъ волю Свою! Пока руки есть, драться станемъ. Хотя впрочемъ и то истина, что православной Руси не худо бы отдохнуть: черпаютъ ее во

---

*) Съ Турками. **) Все къ лучшему.

многіе поливники. На долго ли станетъ? Конечно надобно Шведовъ укачивать, доколѣ съ Турками не помиримся; а ежели и ихъ Французы подобьютъ, то кажется не въ мочь.... Слышно, что и у самихъ друзей нашихъ глазъ ведетъ отъ плаванія на Средиземномъ морѣ. О себѣ, мой другъ, я уже не говорю. Пусть тамъ буду, гдѣ судьбѣ угодно: только къ вамъ не хочу. О васъ, и здѣсь живучи, слышать непріятно. Долго ли пиву бродить? пора уставиться. Лестны для меня отзывы его сіятельства графа Никиты Ивановича Панина, о которыхъ вы пишете. Я истинно его душевно и самъ почитаю. Поздненько вы къ намъ прислали планъ будущихъ здѣшнихъ дѣлъ. Врядъ успѣютъ ли три патріарха къ собору сдѣлать свои приготовленія. А другу нашему Өедору Өедоровичу *) то и надобно, чтобъ помутилъ Богъ миръ и накормилъ Богъ воеводу. Прости.

---

6. изъ Варшавы, 23 марта 1773.

...Здѣсь сеймики иные развили, а иные развиваются, и, по извѣстіямъ, столько уже ихъ есть, что сеймъ составить можно. Но чѣмъ все это кончится, по гадательной книжкѣ не угадаешь. А Гренадскій епископъ **) много пакоститъ. Штакельбергъ думаетъ его вести исправнѣе, нежели Жилблазъ. Но врядъ будетъ ли успѣхъ. Ни что такъ на Жилблазова епископа не похоже, какъ сей святитель. Только тотъ помѣшался на сказаніяхъ, а сей на тщеславіи. Онъ говоритъ кстати и не кстати: car je suis prince-évêque de Cracovie et duc de Sévérie et mon chancelier, ***) и тому подобное....

---

*) Фридриху Великому. **) Бискупъ Краковскій.

***) Ибо я князь епископъ Краковскій и герцогъ Сѣверскій и мой канцлеръ....

7. изъ Варшавы, 26 апрѣля 1773.

...Здѣшнія дѣла пошли, только все съ угрозами. Сила и солому ломитъ, какъ пословица говоритъ. Только прочно ли? о семъ настоитъ вопросъ. Подлинно порадовался, что адскій извергъ *) демаскированъ и честный и предпочтенный человѣкъ вышелъ изъ заблужденія; только о томъ жалѣю, что поздно. Успѣлъ этотъ злоехидный адвокатъ многимъ своими кознями сдѣлать вредъ. Я знаю это по себѣ. Да быть такъ! что пролито, того не подхватишь.

Миръ нашъ подлинно къ чорту. Жаль, что мы конгрессами дали себя провести и отъ угара, наведеннаго Туркамъ, оправиться. Вѣдь война имѣетъ свои обороты. Сохрани Боже отъ неудачи! то-то будетъ дурно. Пора, пора мириться и друзьямъ нашимъ объ этомъ посерьезнѣе поговорить. Нигдѣ они доброхотствомъ своимъ такъ не примѣтны, какъ здѣсь. Дивлюсь, что вамъ не видны. Сіе все однакоже между нами....

---

8. изъ Варшавы, 7 августа 1773.

Командированіе мое въ армію съ полками вамъ не можетъ быть неизвѣстно. Не знаю, къ худу ли это, или къ добру; только я, слѣдуя моей судьбинѣ, ѣду туда безъ всякаго огорченія и покидаю съ охотою прескучную и разорительную для кармана Польшу, въ которой много я положилъ труда и здоровья безъ всякаго по ремеслу и званію блеска. По щастью ли моему, или подлинно отъ старанія, войски получили другой видъ и въ томъ самъ себѣ отдаю справедливость, съ засвидѣтельствованіемъ всей Польши, что

---

*) Сальдернъ?

они порядкомъ и изрядствомъ своимъ стыда намъ не сдѣлаютъ; а что грабежи унялись и они скромнѣе Прусаковъ и Австрійцевъ, о томъ вся Польша свидѣтель. Уповаю, дошло и до васъ засвидѣтельствованіе, сдѣланное канцлеромъ въ письмѣ къ барону Штакельбергу. Конфедераты, въ мое время, нигдѣ ни малѣйшимъ образомъ авантажа не имѣли: вездѣ побиты, даже до исчезанія совершеннаго. За все это, мой другъ Денисъ Ивановичъ, хотя бы комплиментъ при концѣ сказали, отправляя меня на службу. Скажутъ, можетъ быть, что я произведенъ: правда—но произведенъ тогда, когда и моложе меня въ тѣ же чины вступили. А обойтить меня безъ прослуги, кажется, было не за что.

Огорчительно и преогорчительно видѣть, что прямая служба не производитъ на себя и вниманія. Пусть хотя то бы въ меритъ поставили, что я не нажился какъ Др.... и ему подобные, да нажилъ долгу двадцать тысячь рублей, за который теперь рискую потерять все, что имѣю. Ты, мой другъ, читая это, подумаешь: на что де онъ ко мнѣ пишетъ? вѣдь я помочь не могу. — Но облегчительно и то, когда можно, какъ говорится, сдать съ души другу то, что насъ угнетаетъ. Ежели отпустятъ меня, паче чаянія, то буду я самолично тебя благодарить за всѣ твои дружескія мнѣ, въ бытность здѣсь, одолженія.

Прими, мой другъ, здѣсь мою искреннюю благодарность, какъ чистѣйшую жертву, отъ нелицемѣрной дружбы приносимую, и будь увѣренъ, что я, доколѣ живъ, остаюсь твой вѣрный и истинный слуга.

---

39. изъ Казани, 29 ноября 1774.

Благодарю тебя, мой любезный Денисъ Ивановичь, за дружеское и пріятнѣйшее письмо отъ 16 января и за всѣ сдѣланныя вами увѣдомленія. Лестно слышать полагаемую отъ всѣхъ на меня надежду въ успѣхѣ моего нынѣшняго дѣла. Отвѣчаю за себя, что употреблю всѣ способы и забочусь ежечасно, чтобъ истребить на толикомъ пространствѣ разлившійся духъ мятежа и бунта. Бить мы вездѣ начали злодѣевъ, да только сей саранчи умножилось до невѣроятнаго числа. Побить ихъ я не отчаяваюсь, да успокоить почти всеобщаго черни волнованія великія предстоятъ трудности. Болѣе же всего неудобнымъ дѣлаетъ то великая обширность сего зла. Но буди воля Господня! дѣлаю и буду дѣлать что могу. Не уже ли то проклятая сволочь не образумится? Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе; а Пугачевъ — чучела, которою воры Яицкіе козаки играютъ.—Увѣдомляй, мой другъ, сколь можно чаще, о дѣлахъ внѣшнихъ. Не уже ли теперь о мирѣ не думаете? Эй, пора! право, пора!—Газеты я получаю; надѣюсь, что по твоей дружбѣ и впередъ получать буду. *Я дьявольски трусилъ за своихъ солдатъ, чтобы они не сдѣлали также какъ гарнизонные: не сложили оружія предъ мятежниками. Но нѣтъ—они бьютъ ихъ какъ слѣдуетъ, и обходятся съ ними какъ съ мятежниками. Это придаетъ мнѣ храбрости.* *) Да та бѣда, какъ нарочно все противу насъ: и снѣга, и мятели, и бездорожица. Но все однакоже одолѣвать будемъ. Прости, мой другъ! будь увѣренъ, что я тебя сердцемъ и душею люблю.

---

*) Подчеркнутыя строки въ подлинникѣ написаны по французски.

Напомни, мой другъ, графу Никитѣ Ивановичу о баронѣ Ашѣ: онъ обѣщался ему по крайней мѣрѣ хотя для сейма что ни есть исходатайствовать. Ты меня очень одолжишь, ежели сему честному человѣку поможешь.

Къ графу Петру Александровичу Румянцову.

10. (писано въ августѣ 1773).

Увѣдомляя его о своемъ назначеніи въ армію продолжаетъ.

...Неоднократно въ душѣ моей себя поздравилъ, во первыхъ: что буду имѣть честь служить подъ повелѣніями вашими, которыя мнѣ не чужи и дѣлить, по силѣ и возможности моей, труды съ моею собратіею, исполняя повелѣнія ваши; во вторыхъ: что избавлюсь отъ хлопотливаго и заботами наполненнаго, тожъ и разорительнаго для кармана мѣста, безъ всякаго впрочемъ по ремеслу нашему блеска, а можетъ быть и ни въ какой щетъ по службѣ не полагаемаго; и на конецъ не буду препятствіемъ видамъ и намѣреніямъ управляющихъ судьбою Польскою....

Къ графу Никитѣ Ивановичу Панину.

11. (писано въ 1772 году).

Представляя чрезвычайныя издержки по занимаемому имъ званію (главнокомандующаго въ Польшѣ), превозвышающія его доходы и весьма тягостныя длл него по недостаточному его состоянію, продолжаетъ:

...Со всѣмъ тѣмъ не безпокою болѣе прозьбою о моемъ отзывѣ.—Пусть я тамъ буду, гдѣ судьбѣ угодно; да и не

утруждаю о старанія какихъ либо награжденій, хотя и увѣренъ о милости и доброхотствѣ ко мнѣ вашемъ; слѣдуя моему всегдашнему правилу съ начала моей службы, чтобъ ни на какое дѣло не напрашиваться и ни отъ какого не отговариваться. Выпрошенное награжденіе въ глазахъ моихъ теряетъ свою цѣну....

---

12. (писано въ сентябрѣ 1772).

...Описалъ я выше вашему сіятельству для чего орденъ св. Александра дѣлаетъ мнѣ удовольствіе: доволенъ я и передоволенъ и отнюдь не забочусь о награжденіяхъ; одобреніе государское, добрая слава и услуги нашей отчизнѣ, лучшая самолюбію моему пища и нѣмецкая приговорка junger Soldat—alter Bettler (молодой солдатъ — старый нищій) меня еще до нынѣ не колеблетъ...

---

13. (писано въ августѣ 1773).

...Командированіе мое съ полками въ первую армію не можетъ быть вамъ не извѣстно. Пойду я туда и ѣду охотно, оставляя такую землю, которая мнѣ чрезъ два года стоила здоровья и имѣнія. Въ какомъ положеніи я нашелъ дѣла военныя въ Польшѣ и въ какомъ порядкѣ были войски наши тогда, о томъ никому лучше какъ Вашему Сіятельству не свѣдомо. Отдамъ я самъ себѣ справедливость, что имѣлъ въ операціяхъ всегдашнюю удачу, ссылаясь въ томъ на донесенія мои въ то время, какъ существовали еще конфедераты; а въ какомъ устройствѣ нынѣ войски, и какова въ нихъ военная дисциплина, въ томъ кто ихъ видѣлъ и вся Польша да будетъ мнѣ

свидѣтели. Прибавить осмѣлюсь еще къ тому, что слишкомъ полтора года имѣлъ я дѣло съ злочестивымъ С... *), который истинно болѣе мнѣ заботъ и огорченій стоилъ, нежели все то, что сказано выше. Здоровье мое возвратить мнѣ некому, а о издержкахъ и почти потерѣ достальнаго имѣнія я просить не могу, а вотъ въ чемъ прозьба моя состоять имѣетъ: Изъ присланнаго указа не вижу я, чтобъ собственно во мнѣ арміи настояла надобность; приказано мнѣ итти съ полками, по щету моему не могу я съ ними туда прійти прежде октября мѣсяца, ежели съ бережью людей и лошадей маршировать должно, слѣдовательно успѣлъ бы я побывать на самое короткое время въ Петербургѣ, и нагнать полки у Дуная; дѣла мои домашнія неминуемо сего требуютъ, ибо безъ того потеряю я и послѣднія крохи жены моей. Для меня они ненужны, да въ случаѣ смерти останется она съ четверыми дѣтьми на дворѣ: долгъ человѣчества объ нихъ попеченіе имѣть меня обязываетъ. Я о семъ писалъ къ графу Захару Григорьевичу **), чтобъ онъ исходатайствовалъ у Ея Императорскаго Величества на сіе мнѣ дозволеніе; кажется по порядку сохранилъ я и въ семъ военную дисциплину, а Вашего С—ва, какъ моего особливаго благодѣтеля, прошу подать въ семъ руку помощи, какимъ средствомъ вы заблагоразсудите. Естли же и въ семъ мнѣ откажутъ, то будьте увѣрены, что я, отслужа нынѣшнюю войну, не останусь ни на минуту въ службѣ. Желанія мои я ограничивать привыкъ: прихоти, роскошь и пышность меня не удержатъ; возвращусь я къ первобытности дворянскаго состоянія и буду ту же капусту садить, къ которой, и по окончаніи всего въ жизни теченія, наши братья возвращаются; но о томъ осмѣлюсь увѣрить, гдѣ

---

*) Сальдерномъ. **) Чернышеву, президенту военной коллегіи.

бы я ни былъ: съ шпагою ли на войнѣ или съ заступомъ въ огородѣ, вездѣ душа моя васъ любить и почитать не перестанетъ, оставшись на вѣкъ и проч....

Къ графу Захару Григорьевичу Чернышеву.

14. (писано въ 1772 году).

...Ручаюсь вамъ, какъ моему благодѣтелю, въ томъ, что я не прослужусь по долгу моего званія, слѣдовательно и обойтить меня при очереди кажется не за что, а въ стороннихъ награжденіяхъ видно, что не моя участь, что̀ мнѣ доказываетъ нынѣшнее пожалованіе деревень въ Бѣлорусской губерніи К. Р.... *) и другимъ; но божусь вамъ и въ томъ, что я съ ними въ очереди быть не хочу....

15. изъ Казани, 30 декабря 1773.

Изъ донесенія моего Ея Императорскому Величеству, В. С. свѣдать изволите о всѣхъ здѣшнихъ обстоятельствахъ, каковыя мнѣ при первомъ случаѣ открылись: они столько дурны, что я довольно того описать не могу; умолчавъ многія мелочныя извѣстія, которыя до меня дошли, изъ донесенныхъ уже усмотрите, какою опасностію грозитъ всеобщее возмущеніе Башкиръ, Калмыкъ и разныхъ народовъ, обитающихъ въ здѣшнемъ краю, а паче если и приписанные къ заводамъ крестьяне къ нимъ прилѣпятся, къ чему уже въ Пермской провинціи и есть начало Коммуникація съ

*) Князю Рѣпнину?

Сибирью отъ опасности на волоску, да и самая Сибирь тому жъ подвержена. Всего же болѣе прилѣпленіе черни къ самозванцу и его злодѣйской толпѣ. Одна надежда на войски, которыхъ, по умножающемуся злодѣйскому многолюдству, видится быть недостаточно, а паче въ разсужденіи обширности и разстоянія сего края мѣстъ.

Толпу Пугачева я разбить не отчаяваюсь и съ тѣми, кои теперь мнѣ назначены, когда соберутся; но потушить пожаръ и останавливать злодѣйское стремленіе конечно конные войски въ прибавокъ необходимы.

Въ проѣздъ мой чрезъ Москву, генералъ Берхъ меня увѣрялъ, что отъ 2-й арміи 3 или 4 полка конницы отдѣлить можно безъ всякой для тамошней стороны опасности, за что онъ отвѣчаетъ; но откуда бы то ни было, а умножить необходимо надлежитъ. Войдите въ сіе дѣло, В. С. Вы увидите, что я говорю вамъ истину.

На здѣшніе гарнизоны и другія команды никакого щету дѣлать не извольте: они, съ ихъ офицерами, такъ скаредны, что и Башкирцамъ сопротивляться не могутъ. Печальные опыты съ Чернышевымъ и маіоромъ Заевымъ вамъ доказываютъ, да и здѣсь уже по всѣмъ рапортамъ я увидѣлъ, что они, разставленные отъ Фреймана и отъ губернатора по постамъ, бѣгаютъ съ одного мѣста въ другое при малѣйшей тревогѣ.

Благодарю всепокорнѣйше В. С. за почтеннѣйшее письмо отъ 21 декабря и за преподанный мнѣ совѣтъ къ доставленію Оренбургу и Яицкому городку провіанту отъ Симбирска и Самары посредствомъ команды ген. м. Мансурова. Первая моя теперь о томъ настоитъ и забота, чтобъ доставить симъ утѣсненнымъ и крайнему бѣдствію отъ недостатка пропитанія подверженнымъ мѣстамъ. Но какъ еще и легкія команды только двѣ, а именно 22-я и 24-я прибыли, а о другихъ двухъ, гдѣ находятся, и слуху

нѣтъ, то жь и о г. м. Мансуровѣ ничего не знаю, то хоть бы они и всѣ соединены были, опасаюсь я отважить сей конвой, подъ прикрытіемъ сихъ однѣхъ полевыхъ командъ, дабы паки не были они жертвою злодѣйскою, но сіе съ надежною силою исполнить должно, что я при первомъ случаѣ и предприму и первымъ своимъ попеченіемъ конечно поставлю. А между тѣмъ провіантъ въ Симбирскѣ заготовлять велѣлъ; прибывшія же двѣ легкія команды послалъ я на выгнаніе злодѣевъ изъ города Самары, которую они злодѣи 24-го заняли; а теперь ожидаю рапорта.

Прежде доставленныхъ сюда для вооруженія здѣшнихъ командъ и поселянъ 2000 ружей недостаточно: для того В. С. покорнѣйше прошу, какъ скоро возможно, дать повелѣніе о отправленіи сюда на всякой случай 2000 ружей, 1000 карабинъ и 10.000 паръ пистолетовъ. Кажется неминуемо здѣшнихъ поселянъ вооружить, обнадежась прежде въ ихъ твердости. О семъ писалъ я къ Е. С. князю Михаилу Никитичу (*своеручно*) съ прибавленіемъ о сабляхъ, сѣдлахъ и уздахъ, ибо въ конницѣ большая нужда.

Сволочь Пугачева злодѣйской толпы конечно порядочнаго вооруженія, ниже строю имѣть не можетъ, кромѣ свойственныхъ таковымъ бродягамъ буйности и колобродства: но ихъ болѣе шести тысячъ по всѣмъ извѣстіямъ щитать должно, а щитая нынѣ воровъ Башкирцевъ, число крайне быть должно велико. Не щитаю я трудности, М. Г., разбить сію кучу; но собрать войски, запастись не только провіантомъ и фуражемъ, но и дровами, проходить въ настоящее время степныя и пустыя мѣста съ корпусомъ, суть наиглавнѣйшія трудности; а между тѣмъ

*) Ген. анш. кн. Волконскій, Градоначальникъ въ Москвѣ.

отражать во всѣхъ концахъ убивства и разоренія и удерживать преклонныхъ отъ заразы и отъ страху и прельщенія простыхъ обывателей.

Со всѣмъ тѣмъ отвѣчаю вамъ за себя, что я все исполню, что только въ моей будетъ возможности, и остаюсь на всегда съ особымъ высокопочитаніемъ и проч.

P. S. (*Собственноручно*) Сейчасъ получилъ рапортъ отъ генерала Мансурова, что, по приключившейся ему горячкѣ, пролежалъ онъ безъ памяти 7 дней. Теперь онъ здоровъ; настигъ 23 и 25 полевыя команды, и съ ними соединясь слѣдуетъ къ Симбирску, но только отъ него еще въ 409 верстахъ, въ деревни Миндани.

16, изъ Казани, отъ 17 января 1774.

Сославшись на донесенія Ея Императорскому Величеству, за излишнее почитаю повторить В. С. описаніе о здѣшнемъ дурнѣ, да только то примолвить осмѣливаюсь, что если Оренбургъ имѣетъ пропитаніе, то надѣюсь его спасти, а симъ, уповаю, и главную всему злу преломлю преграду; но маршемъ поспѣшить великія настоятъ трудности, потому что число подводъ для подвозу пропитанія на корпусъ и для способствованія городу выходитъ большое по дальнему и степному положенію, а притомъ разсѣявшуюся сволочь сперва прогнать и землю очистить надобно, ибо сей саранчи столь много, что около постовъ Фреймановскихъ проходу нѣтъ и на насъ лѣзутъ; конвоированіе великаго подвозу требуетъ по степнымъ мѣстамъ людей; безъ прикрытія жъ и саму Казань со стороны Башкиріи оставить нельзя. Время часъ отъ часу становится драгоцѣнно; а полкъ карабинерный только сего дня сюда вступилъ и лошади въ дурномъ состояніи. На гарнизонныя команды ничего щитать нельзя, что уже я и испытаніемъ знаю. Сія негодница довольна, что ихъ не

трогаютъ и, до первой деревни дошедши, остановясь, присылаетъ рапорты, что окружены, и далѣе идти нельзя. Нужно было нѣсколько разъ посылать имъ выручку. Они ободрили и злодѣевъ, что осмѣлились въ самые имъ лѣзть глаза.

Вотъ, М. Г., положеніе, въ которомъ я себя вижу. Не можно болѣе претерпѣвать прискорбія отъ досады, сожалѣнія отъ получаемыхъ ежедневно слуховъ. Одинъ Всевышній можетъ обратить все въ лучшее и помочь мнѣ въ сихъ крайностяхъ. — Сказавъ сіе, съ истиннымъ высокопочитаніемъ всегда остаюсь и проч.

P. S. (*Собственноручно*) Присемъ отправленный курьеръ привезъ ко мнѣ высочайшій Е. И. В. рескриптъ отъ 10 числа генваря препровождаемый съ письмомъ В. С. Я, предостава впредь о томъ съ первымъ отправленіемъ доносить, теперь только о полученіи его увѣдомляю. — Сейчасъ получилъ рапортъ отъ ген. м. Фреймана, что высланный для поиску надъ злодѣями Томскаго полка капитанъ Фатѣевъ при деревнѣ Кувицкой и..... разбилъ многочисленную сволочь, побивъ на мѣстѣ и въ преслѣдованіи великое число, способомъ посаженныхъ на обывательскихъ лошадей гренадеръ и бѣгающихъ на лыжахъ солдатъ; отбивъ 4 пушки, 20 человѣкъ взялъ въ полонъ.

17. изъ Казани, отъ 24 января 1774.

Изъ донесенія моего къ Ея Императорскому Величеству увидѣть изволите, что войски, прибывшія сюда, дѣйствовать начали, и полк. Бибиковъ съ деташементомъ своимъ, состоящимъ въ 4 ротахъ пѣхоты и 3 ротъ гусаръ, разбилъ злодѣйскую сволочь, не потерявъ ни одного человѣка, городъ Заинскъ освободилъ отъ злодѣевъ. Надѣюсь очистить сей уголъ; но прискорбныя вѣсти получаю со сто-

роны Сибирской: господинъ Калонгъ, не находя средства не только сдѣлать транспортъ провіанту и фуражу въ Оренбургъ, но и самъ идти опасается, написавъ премножество затрудненій. Совѣтуетъ онъ мнѣ сей транспортъ сдѣлать. Я и безъ того всѣ способы къ тому употребляю, да время проходитъ, а оно драгоцѣнно. Я писалъ къ нему, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ хотя въ Башкирію сдѣлалъ диверсію въ то время какъ я къ Оренбургу подвинусь въ исходѣ нынѣшняго мѣсяца или въ началѣ февраля.

Екатеринбургъ въ опасности отъ внутреннихъ предательствъ и измѣны. О Кунгурѣ слуху послѣ 10 числа нѣтъ. Зло распространяется весьма далеко. Позвольте и теперь мнѣ, В. С., повторить: не непріятель опасенъ, какое бы множество ни было, но народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе. Тушить оное, кромѣ войскъ, въ скорости не видно еще теперь способовъ, а могутъ ли на такой обширности войски поспѣвать и дѣлиться, безъ моего объясненія представить можете. Спѣшу и всѣ силы употребляю запасать провіантъ и фуражъ, тожъ и подводы для подвозу за войсками. Но сами представить легко можете, коликимъ затрудненіямъ по нынѣшнему времени все сіе подвержено, и тѣмъ паче, что внутрь и внѣ злодѣйство, предательство и непослушаніе отъ жителей. Не очистя саранчу злую, впередъ шагу податься нельзя. Въ томъ теперь и упражняюсь, а войски подаются впередъ. Жду съ нетерпѣніемъ Чугуевскаго казачьяго полка, о которомъ слышу, что уже въ Москву пришелъ. Вотъ М. Г., все то, что я теперь донесть вамъ могу; и заключу истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ, и проч.
P. S. (*Собственноручно*). Приложенную резолюцію покорнѣйше прошу Ея Величеству поднесть.

—

Къ Михаилу Михайловичу Философову.

18. отъ 24 января 1774.

Терпѣніе мое часъ отъ часу становится короче, въ ожиданіи полковъ, ибо ежечасно получаю страшныя извѣстія съ другой стороны, что Башкирцы съ всякою сволочью партіями разъѣзжаютъ, заводы и селенія грабятъ и дѣлаютъ убійства. Воеводы и начальники отовсюду бѣгутъ съ устрашеніемъ, и глупая чернь охотно на обольщеніе злодѣйское бѣжитъ на встрѣчу къ нимъ же. Не могу тебѣ, мой другъ, подробно описать бѣдствіе и разореніе здѣшняго края, слѣдовательно суди и о моемъ потому положеніи. Скареды и срамцы, здѣшніе гарнизоны, всего боятся, никуда носа не смѣютъ показать, сидятъ по мѣстамъ какъ сурки и только что рапорты страшные присылаютъ. Пугачевскія дерзости и его сообщниковъ изъ всѣхъ предѣловъ вышли, всюду посылаютъ манифесты, указы. День и ночь работаю какъ каторжный, рвусь, надсѣдаюсь и горю какъ въ огнѣ адскомъ; но варварству, предательству и злодѣйству не вижу еще перемѣны; не устаетъ злость и свирѣпство, а можно ли отъ домашняго врага довольно охраниться? — все къ измѣнѣ, злодѣйству и къ бунту на скопищахъ. Богъ одинъ всемогущъ обратить все сіе въ лучшее. Я, при моихъ заботахъ, непрестанно Его прошу.

Къ Настасьѣ Семеновнѣ Бибиковой.

19. отъ 30 декабря 1773.

... Казань нашелъ я въ трепетѣ и ужасѣ: многіе отсюда, или лучше сказать большая часть дворянъ и купцовъ съ

женами выѣхали, а женщины и чиновники здѣшніе уѣзжали всѣ безъ изъятія, иные до Кузмодемьянска, иные до Нижняго, а иные до Москвы ускакали. Сами губернаторы были въ Кузмодемьянскѣ [107]). Теперь нѣкоторые возвращаются, а иные уже и пріѣхали.

Навѣдавшись о всѣхъ обстоятельствахъ, дѣла здѣсь нашелъ прескверны, такъ что и описать буде бъ хотѣлъ, не могу; вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ съ начала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпуская; дѣлаю все возможное и прошу Господа о помощи: Онъ единъ исправить можетъ Своею милостію. Правда поздненько хватились. Войски много прибывать начали: вчера баталіонъ гренадеръ и два эскадрона гусаръ, что я велѣлъ везти на почтѣ, прибыли. Но къ утушенію заразы, сего очень мало, а зло таково, что похоже — помнишъ — на Петербургскій пожаръ, какъ въ разныхъ мѣстахъ вдругъ горѣло и какъ было трудно поспѣвать всюду. Со всѣмъ тѣмъ, съ надеждою на Бога, буду дѣлать что только въ моей возможности будетъ. Бѣдный старикъ губернаторъ Брантъ такъ замученъ, что насилу уже таскается. Отдастъ Богу отвѣтъ въ пролитой крови и погибели множества людей невинныхъ, кто скоростію перепакостилъ здѣшнія дѣла и обнажилъ отъ войскъ. Впрочемъ я здоровъ, только, ни пить ни ѣсть не хочется, и сахарныя яства на умъ нейдутъ. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостиваго государя, прошу о родительскихъ молитвахъ, а праведную Евпраксію *) не рѣдко поминаю — ухъ! дурно! А

---

[107]) Ген. аншефъ Яковъ Ларіоновъ. ф. *Брантъ* былъ однакоже въ Казани во время приступа Пугачева и заперся внутри города въ крѣпости, но, по словамъ Рычкова «находился въ крайней болѣзни, отъ которой скоропослѣ сего по этому и умеръ». (*Ист. Пугачев. бунта Прилож.* 514)

*) см. выноску на стр. 3. о бабкѣ А. И. Евпраксіи Кириловнѣ.

23. отъ 28 марта, изъ Бугульмы.

...Богу благодареніе! Оренбургъ освобожденъ; теперь, мой другъ, тебя и себя поздравляю. Дѣло мое сдѣлано,— правда, что и стоило мнѣ это дѣльцо! много крови испортило; но теперь знаю я самъ свою цѣну — что сдѣлалъ. То то у васъ будетъ праздникъ...

II.

ПИСЬМА КЪ АЛЕКСАНДРУ ИЛЬИЧУ БИБИКОВУ

Отъ Императрицы Екатерины II.

24, отъ 20 октября 1771.

Александръ Ильичь! за Московскими дурнотами я на два ваши письма до днесь не отвѣтствовала. Проводили и мы мѣсяцъ въ такихъ обстоятельствахъ, какъ Петръ Великій жилъ 30 лѣтъ. Онъ сквозь всѣ трудности продрался со славою и мы надѣемся изъ нихъ выдти съ честію. Начальство въ Москвѣ до невѣроятности ослабѣло, между тѣмъ ханжи выдумали народъ лечить чудесами образа надъ Варвариными воротами. Тутъ толпы черни молящейся пуще заразились и во все время того богомолья по 900 человѣкъ на день умирало. Архіерей съ генералъ порутчикомъ Еропкинымъ положили, чтобъ изъ подволь умалить теченье народа къ сему мѣсту, и для того архіерей 15-го Сентября къ вечеру послалъ своихъ людей запечатать сборъ у сего образа. Тутъ сдѣлалась драка, отъ которой воспослѣдовалъ крикъ, что архіерей грабитъ Мать пресвятую Богородицу и его убить надлежитъ; обыкновенная полиція стала коротка—

мать наша Москва велика; ударили повсюду въ набатъ, чернь кинулась въ Кремль архіерея искать. Чудовъ монастырь разграбили; главы нѣтъ въ городѣ *), унимать некому, оберъ полицмейстеръ отъ части и оплошалъ. По нещастію, подъ Чудовымъ монастыремъ и подъ архіерейскимъ домомъ винные погреба, они были разломаны; вины выпиты, при чемъ драка умножилась и буянство. На другой день, т. е. 16 сентября пошла часть черни въ Донской монастырь, гдѣ архіерей скрылся, и вытащили его съ четвертаго яруса изъ церкви, что за иконостасомъ, во время поздней обѣдни, и за монастыремъ его убили и два карантина распустили. Въ сей день, послѣ обѣда, генералъ порутчикъ Еропкинъ, который имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ все, что до чумы касалось, которому даны были гвардіи офицеры и солдаты какъ частные въ городѣ смотрители, велѣлъ ихъ собрать съ людьми и, взявъ 2 пушенки, пошелъ въ Кремль, чтобъ бѣшеную чернь разогнать. Тутъ вздумали съ нимъ барахтаться, но картечи ихъ скоро принудили уступить мѣсто и до 300 перехвачено, а солдатъ было 70 человѣкъ. Слѣдствіе теперь идетъ, изъ коего ясно открылось, что ни главы, ни хвоста нѣтъ, а дѣло вовсе случайное и все тихо; но болѣзни продолжаются, хотя съ великимъ умаленіемъ, ибо отъ 900 пришло уже на день по послѣднимъ рапортамъ до 450. Здѣсь ничего этого неизвѣстно было, кромѣ усилившейся язвы и которыя вѣсти до меня дошли 19 сентября. Я, видя колико нужно туда послать особу съ полною властію, по усильной прозьбѣ генералъ фельд-

---

*) Главнокомандующій, графъ П. С. Салтыковъ, изъ опасенія заразы, уѣхалъ въ свое подмосковное с. Марфино, на Дмитровской дорогѣ, нынѣ принадлежащее графу В. Н. Панину.

цегмейстера графа Орлова, его туда послала, и онъ изъ города выѣхалъ 21 сентября, а въ Подберезье 22 числа его встрѣтили вѣсти о московскомъ мятежѣ. По распутицѣ не могъ прежде туда прибыть какъ 26 числа. Ему чрезвычайно обрадовались всѣ добрые люди, а негодные, чаю, испугались его приѣзда. Что же онъ въ Москвѣ по сю пору здѣлалъ, о томъ при семъ прилагаю, изъ чего усмотрите, кто съ нимъ туда отправился; ибо тамъ до его приѣзда всѣ, получа *terreur panique* *) отъ язвы, по норамъ разползлись, но теперь паки возвратились по мѣстамъ.

Что г. Суворовъ окончилъ фарсу г. Огинскаго **) сіе весьма хорошо и тому радуемся, и казалось всегда, что оно такъ и будетъ.

За симъ желаю вамъ здравствовать и остаюсь къ вамъ доброжелательная.

А кто я вы вѣдаетѣ.

Отъ наслѣдника великаго князя Павла Петровича.

25. отъ 28 февраля 1772.

Александръ Ильичь! Извините, любезный другъ, что я къ вамъ не писалъ по сіе время и не отвѣтствовалъ на ваше столь пріятное для меня письмо; я хотѣлъ писать съ полковникомъ Потемкинымъ [110]), но онъ такъ скоро от-

---

*) паническій страхъ. **) см. стр. 80.

[110]) Павелъ Сергѣев. *Потемкинъ*, съ 1795 г. генералъ-аншефъ и графъ, умеръ 1796 послѣ посѣщенія извѣстнаго начальника тайной канцеляріи Шешковскаго. Гр. П. С. замѣчателенъ особенно приведеніемъ въ русское подданство Карталиніи и Кахетіи.

правленъ, что я никакъ сего здѣлать не успѣлъ. Я думаю, что долгое наше знакомство дало вамъ время узнать, что я не премѣненъ въ дружбѣ моей къ вамъ. Я же, съ моей стороны, увѣренъ, что вы не отнесли столь долгое мое молчаніе перемѣнѣ чувствъ моихъ къ вамъ. Я тотъ же каковымъ вы меня здѣсь знавали. Время докажетъ вамъ, что говорю я совершенную правду, а теперь надѣюсь, что вы мнѣ повѣрите, что я пребуду навсегда вѣрнымъ другомъ.

26 отъ 5 Іюня 1772, изъ Царскаго села,

Александръ Ильичь! Пользуюсь отправленіемъ сего курьера, чтобъ исполнить долгъ, которымъ обязываетъ взаимная наша дружба, и имѣть удовольствіе писать. Переписка наша, заступая мѣсто прежнихъ нашихъ разговоровъ, о которыхъ весьма часто съ крайнимъ удовольствіемъ воспоминаю, служитъ мнѣ истиннымъ утѣшеніемъ въ разлукѣ нашей. Но что дѣлать? всѣ удовольствія въ жизни человѣческой преходятъ, потому что и мы сами временны; и такъ должны мы оныя какъ будто схватывать, но сіе самое препятствуетъ чувствовать всю цѣну удовольствій въ то время, когда оными наслаждаемся, а дѣлаемъ уже поздо когда все миновалось и когда больше ничего не остается какъ одно сожалѣніе, что прошли и мы не умѣли познать всей цѣны имъ. Таковы всѣ люди, и сіе какъ будто въ ихъ природѣ. Посмѣетесь вы можетъ быть надо мною, что я, такъ молодъ, подобныя уже дѣлаю разсужденія, но по крайней мѣрѣ отдадите справедливость, что они съ правдою сходны. Сіе все точно случилось со мною въ вещахъ самыхъ маловажныхъ по молодости моей, но

въ тогдашнихъ лѣтахъ онѣ столь же велики для меня были (какъ по лѣтамъ, такъ и по сферѣ, въ которой я обращался), какъ для другаго бы въ совершенныхъ лѣтахъ самыя важныя. Тогда здѣлало бы мнѣ равную радость какая нибудь игрушка или какая другая бездѣлка, какую нынѣ принесла вамъ взятіе Кракова, или тому подобное. Мнѣ кажется наскучилъ я уже вамъ своими разсужденіями и сравненіями, но въ извиненіе скажу французскимъ выраженіемъ, que j'ai été emporté par le plaisir de m'entretenir et de raisonner avec vous. Вы мнѣ это легко простите по той дружбѣ, съ которою пребуду на всю жизнь мою вашимъ благосклоннымъ.

Отъ Фридриха Великаго.

27. отъ 14 іюня 1772.

Господинъ генералъ Бибиковъ! Если вы жалѣете, что не могли прибыть по моему приглашенію въ Маріенвердеръ, то навѣрно я сожалѣю не менѣе, что потерялъ случай познакомиться съ офицеромъ, имѣющимъ ваши достоинства. Я не могу даже не одобрить причины, побудившей васъ лишить меня этого удовольствія, и она не только не поколебала моего къ вамъ уваженія, но еще увеличила и укрѣпила его до такой степени, что я не премину пользоваться всѣми случаями, которые могутъ представиться, чтобы васъ въ томъ убѣдить. Генералъ, который умѣетъ, подобно вамъ, жертвовать всѣмъ своей обязанности, всегда есть человѣкъ очень почтенный въ моихъ глазахъ; и это

лучшій залогъ, который могу предложить вамъ въ тѣхъ чувствахъ уваженія, которыя я сохраню вамъ, также какъ и искренности, съ коею молю Бога, да соблюдетъ Онъ васъ, господинъ генералъ Бибиковъ, въ Своемъ святомъ и достойномъ кровѣ.

Подлинникъ писанъ по французски и подписанъ „Fédéric".

Отъ графа Петра Ивановича Шувалова.

28. (писано въ 1760 году).

Государь мой Александръ Ильичь!

Дѣйствительная бытность ваша въ нынѣшнихъ походахъ въ сраженіяхъ съ непріятелемъ, непремѣнно, уповаю я, дала вамъ случай примѣтить дѣйство нашей артиллеріи, а потому прошу васъ, государь мой, мнѣ откровенно обьяснить, въ чемъ разсуждаете вы или находите полезнѣе старую или новую артиллерію, и чѣмъ преимуществуетъ старая артиллерія новой, и какія неудобства или недостатки имѣетъ новая предъ тою, и въ чемъ они состоятъ [111]).

Мнѣ сіе извѣстіе тѣмъ отъ васъ нужнѣе, чѣмъ больше хочу я обьяснить существительное дѣйство артиллеріи, а въ случаѣ недостатка въ новой артиллеріи, оную попра-

---

[111]) Въ 1758 г. введены въ Русскую артиллерію *Шуваловскія* гаубицы пудовыя и полупудовыя, которыя, бросая бомбы, палили еще ядрами и картечами особеннаго рода: онѣ были признаны неудобными и отмѣнены при Екатеринѣ II-й.

вить; впрочемъ я не сомнѣваюсь, что вы подадите мнѣ обьясненіе на основаніи чести и должности, въ чемъ, конечно, и надобность состоитъ. Чего ради оное изъясненіе съ первою почтою прошу ко мнѣ прислать, а я есмь со всегдашнимъ почтеніемъ и проч.

Отъ Ф. В. Лейонанкара.

29 (писано 14 сентября 1761, на начальствующемъ караблѣ «принцъ Густавъ», на якорѣ передъ Кольбергомъ.

Милостивый Государь.

Позвольте мнѣ доставить себѣ честь привѣтствовать васъ со счастіемъ, которымъ Богъ благопріятствовалъ войскамъ, вами предводимымъ. Увѣряю васъ, что я чувствую величайшее въ свѣтѣ удовольствіе видѣть ваши достоинства такимъ образомъ вознагражденныя счастіемъ и успѣхомъ.

Будьте увѣрены, М. Г., что я всегда буду принимать живое участіе во всемъ, что васъ касается и что я заранѣ радуюсь тѣмъ милостямъ, которыми ваша августѣйшая государыня наградитъ ваше усердіе къ ея службѣ.

Сохраните мнѣ мѣсто въ числѣ вашихъ пріятелей; если искренняя привязанность чего нибудь заслуживаетъ, я навѣрно его достоинъ, ибо пребываю и пребуду всегда съ совершеннымъ уваженіемъ, М. Г.,

Вашъ покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга
Фридр. Вильг. Лейонанкаръ.

Подлинникъ писанъ по французски.

Отъ Ивана Ивановича Шувалова *).

30. отъ 17 сентября 1761.

Государь мой Александръ Ильичь!

Имѣю честь васъ поздравить съ оказаніемъ вашей ревности и искуства военнаго въ данномъ вамъ отъ вашего шефа предпріятіи. Желаю сердечно, такъ и надѣюсь, что ваша служба награждена будетъ. Мнѣ тѣмъ радостнѣе было слышать о прославленіи вашего имени, что, зная столь давно ваши качества, всегда ожидалъ соотвѣтствующихъ имъ дѣйствій. Вы, государь мой, много меня одолжите, естьли ваше упражненіе дозволитъ временемъ меня увѣдомлять о происхожденіяхъ вашего оружія. Желаю и прошу Бога, дабы все соотвѣтствовало къ достиженію вождѣленнаго мира.

Пребывая съ моимъ отмѣннымъ почтеніемъ, есмь, государь мой,

покорный вашъ слуга

Иванъ Шуваловъ.

Отъ графа Петра Ивановича Панина.

31. отъ 18 октября 1761 г.

Государь мой Александръ Ильичь!

Повторяя мое благодареніе за ваше, Государь мой, посѣщеніе меня вашимъ пріятнѣйшимъ письмомъ и поздрав-

*) Ив. Ив. *Шуваловъ* (род. 1727 ум. 1798), справедливо названный Русскимъ Меценатомъ, увѣковѣчилъ свое имя основаніемъ Московскаго университета (1755) и академіи художествъ (1758); пользуясь особеннымъ благорасположеніемъ Елисаветы Петровны, отличался безкорыстіемъ, щедростію къ бѣднымъ и покровительствомъ литературѣ, наукамъ и художествамъ.

Мое же намѣреніе ихъ на почтѣ не только для апробаціи мундира отправить, но чтобъ они, тамъ научась всей кадетской экзерциціи, возвратились моделью въ полкъ. Какъ въ здѣшнемъ теперешнемъ моемъ мѣстѣ, я вижу себя нѣкоторымъ образомъ въ состояніи полкъ поправить офицерами и рядовыми, то прошу съ тѣмъ офицеромъ прислать ко мнѣ списокъ штабъ и оберъ офицерамъ съ вашею дружескою довѣреннѣйшею отмѣткою (сего конечно никто вѣдать не будетъ) и когобъ изъ нихъ мнѣ стараться для какой способности въ полку удержать и ково зачѣмъ требуется освободиться; равнымъ образомъ и о рядовыхъ такую вѣдомость, по которой бы я могъ взять мѣры, отсель хорошихъ людей потребное число доставить. А сіе все будетъ самымъ величайшимъ знакомъ вашей ко мнѣ прямой дружбы и одолженія, коего я никогда не забуду и присовокуплю ко умноженію всегдашняго моего почтенія и дружеской искренности, съ коими всегда всѣмъ сердцемъ пребываю вашего превосходительства, государь мой,

покорный и истинный слуга
Петръ Панинъ.

Отъ графа Петра Александровича Румянцева.

33.

Милостивый Государь Александръ Ильичь!

Буде я когда себѣ благодарностью былъ долженъ, то тогда, когда я случаемъ воспользовался сыскать твою для себя дружбу, и отдать справедливость твоимъ достоинствамъ. Одолжай долѣе, мой вселюбезнѣйшій другъ, меня своимъ щитомъ противу ненавидящихъ и неистово ратующихъ на неповинныя души наши.

Прости, мой вселюбезнѣйшій другъ, и вѣрь, что я, при возвращеніи моемъ въ отечество, возвращу себѣ и удовольствіе отлично пользоваться твоимъ милымъ обществомъ, и найду для себя удовольствіе тебѣ отблагодарить за всѣ твои благонамѣренные о мнѣ отзывы, и вѣрь, что я до послѣднихъ дней истинно, вашего превосходительства,

вѣрный и всепокорный слуга

Г. Румянцовъ.

Отъ Михаила Михайловича Философова.

(Писаны въ 1767 и 1768 годахъ).

34.

...Истинно душа моя соболѣзновала воображая окружающія тебя бездны: но слѣдуй одному только правилу и не дѣлай ничего того, что собственное твое разсужденіе вреднымъ пользѣ Отечества или противнымъ должности честнаго человѣка тебѣ представитъ; то увѣряю, что съ тѣмъ останешся на всегда невредимъ; а къ исполненію сего забудь домъ, жену, дѣтей, меня и самаго себя, и жертвуй всѣмъ. Вотъ сколь велика надежность въ твердости твоей безцѣнной души!

35.

...Подлинно правду говоришь, что ты по своему дѣла въ пучинахъ и пропастяхъ океана обращаешься; я увѣренъ что не можетъ достигать, ни самая величайшая степень человѣческаго разума проникать во всю связь обстоятельствъ къ доставленію прямо благоденственнаго правленія государству. Я болѣзную о тебѣ и однимъ тѣмъ утѣшаюсь, что будешь на столько прославленъ, сколько истинный одолжитель твоихъ соотчичей добрымъ водительствомъ сего

зла народу, между коимъ я находился и даже неудачи, кѣмъ либо причиненныя, лишь обнадеживали меня. Извѣстность есть удѣлъ всякаго добраго человѣка; но извѣстность эту я основывалъ на славѣ моей отчизны, коей успѣхи служили только къ ея благоденствію. Никогда самолюбіе, большею частью порожденное мимолетнымъ влеченіемъ, не владѣло моими дѣйствіями, и я забывалъ себя, гдѣ дѣло шло о патріотизмѣ. Воспитаніе, суровое въ отношеніи къ свѣтскому обхожденію, но нравъ, невинный по природѣ, и великодушіе по привычкѣ облегчали мнѣ мои труды; чувства мои были свободны и я не палъ. Боже! скоро ли буду поставленъ въ подобныхъ обстоятельствахъ? Теперь томлюсь въ жизни бездѣятельной, свойственной тѣмъ низкимъ душамъ, которыя живутъ лишь для себя, которыя обрѣтаютъ высшее блаженство въ этой истинѣ, и отъ пресыщенія къ пресыщенію, бѣгутъ къ огорченіямъ. Мизантропія уже покрываетъ мое чело, и я думаю, что въ послѣдствіи я предвижу еще большую скорбь. Трудолюбивый духъ долженъ всегда находить пищу въ своемъ ремеслѣ и частыя упражненія столь же способствуютъ его здоровью, сколько и обыкновенныя упражненія тѣла.

Казанскій кирасирскій полкъ пошелъ уже въ квартиры въ Гаспаль; я съ лейбъ кирасирскимъ и Вятскимъ пойду въ Дерптъ, а оттуда уповательно также по квартирамъ. И въ Литвѣ квартиры, однако великая разница: тамъ есть правленіе; въ нравахъ земли попеченіе о занимающемъ войскѣ и труды въ безпрестанномъ осмотрѣ мѣстъ. А предосторожности! ...по знакомству, могъ бы развѣ все оттуда выдти. Кажется, есть надежда: однако пора было мнѣ отъ вашего высокопревосходительства извѣститься. Препоручая паки мою судьбу въ ваши руки, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

39. (писано въ январѣ 1772).

...Теперь вашему высокопревосходительству донести долженъ и о причинѣ невѣроятнаго произшествія съ замкомъ. Полковникъ Штакельбергъ!.. по прибытіи моемъ сюда, я истинно отъ него ничего вѣрнаго объясненія добиться не могъ; и 1-е, онъ изъ числа избалованныхъ отъ Ивана Ивановича Веймарна переписками съ нимъ на иностранныхъ діалектахъ, и для того онъ съ принятія его полку никогда шпаги не вынималъ; 2-е, здѣсь, какъ въ знакомомъ ему мѣстѣ, ксензы и бабы голову ему весьма повредили; онъ, вмѣсто благодѣтельнаго человѣка, былъ человѣкъ добрый и на томъ онъ спалъ; не имѣлъ я ухищреніе ловить даваемыя мнѣ иногда о семъ его снѣ увѣдомленія: чтобъ ксензовъ и бабъ никогда не тревожить, разрядилъ онъ и ружья, да и, по прозьбамъ ихъ, сводилъ часовыхъ, а того часоваго дѣйствительно свелъ, который былъ у скважины, гдѣ Французы вошли. Коренныхъ плѣнныхъ бунтовщиковъ, не взирая на мое приказаніе, изъ Кракова къ Люблину не отправилъ; я думалъ дѣйствительно, что для какого ихъ увольненія отъ вашего высокопревосходительства на то повелѣнія имѣлъ, въ числѣ которыхъ одинъ изъ выпущенныхъ изъ замку застрѣлилъ нашего офицера. Къ нимъ всѣ ходили, кто хотѣлъ, а отъ утрени, когда каноники изъ города ходятъ въ замокъ съ двухъ часовъ по полуночи, и ворота замковые отворяемы были. Сіе я говорю о ближнемъ полковникѣ Штакельберга, изключая изъ того весьма достойныхъ офицеровъ, кои въ свое время ему о томъ представляли; но онъ обремененъ (будучи) ксензами и бабами, ихъ не слушалъ. Однако, М. Г., все сіе въ точности утверждать не можно до будущаго разбирательства, не имѣя нынѣ на то достаточнаго времени. Симъ человѣкомъ добрымъ, Французы съ трактирщикомъ воспользовавшись, предпріяли то дерзновеннѣйшее дѣло,

поелику то видно изъ трактирщикова допроса; прочее, что по Французской реляціи, рѣдко что не правда, кромѣ гдѣ излишнее хвастовство; поправленія же горшаго должно приписать подполковнику Елагину и проч.

40. (писано въ февралѣ 1772).

...Быть такъ — неудачное наше штурмованіе доказало правда весьма храбрость, но купно въ тѣхъ работахъ и неискуство наше, превозвышающее невозможность. Безъ Вобана и Кегорна учиться было намъ лучше прежде тому на Петербургской сторонѣ. Согласіе поздо и полно. А ежели идтить на одни блокады, то дѣйствительно конца не будетъ; пока мы одну фортечьку *) отворяемъ, укрѣпляться могутъ въ другой, свѣжей; изъ одной блокады войско наше отойдетъ къ другой тоже; а у нихъ противъ истраченнаго будетъ безъ сомнѣнія прибавка. Трехъ фортечекъ въ годъ почти не отобрать. Въ горахъ сіе тяжелѣе, а къ сторонѣ Ченстохова легче. Выжимать ихъ туда можно по нижеслѣдующему и уповать на удачу, хотя съ перваго виду покажется дерзновенно:

Пока блокируется Краковской замокъ, а потомъ, Боже даруй, до Тиница и проч.

41. отъ 8 августа 1772.

...Да дайте мнѣ, милостивый государь! такое философское мѣсто (какъ кончится съ Ченстоховымъ и росписанія здѣлать изволите), чтобъ никому не было завидно; здѣсь близко 4-хъ лѣтъ, часто думается бѣжать—грѣхъ—отъ васъ... я нагрубилъ и мнѣ злодѣйствуютъ: Р... ссоритъ

*) т. е. маленькую фортецію.

меня съ А. И. (Романусомъ) и проч... я человѣкъ доброй, отпору дать не умѣю; здѣсь боюсь и сосѣдей Езуитовъ —все тѣже д'Алтоны. Да простите мнѣ и проч. Пора бы мнѣ на покой въ Люблинъ. Честной человѣкъ со Ветрѣтеньева дни не разувался: что я у тебя, батюшка, сталъ за политикъ? пожалуй, пришли другаго, чортъ ли съ ними говорить и проч.

42. Lettre à l'Angloise *) отъ 21 октября 1772 г. изъ Вильны.

...Вотъ я, елико возможно, въ своей тарелкѣ. Слѣдую за судьбой своей, которая приближаетъ меня къ отечеству и выводитъ изъ страны, гдѣ я хотѣлъ дѣлать лишь добро, по крайней мѣрѣ всегда того старался. Сердце мое въ этомъ не затруднялось и долгъ мой никогда не полагалъ сему препятствія. Искренній въ своихъ дѣйствіяхъ, я остерегался лишь зла нравственнаго, а зло физическое само собою изгибало. Безупречная моя добродѣтель весьма довольна одобреніемъ, которое оказываютъ за мое поведеніе; только здѣсь знаютъ меня скорѣе съ одной стороны моей извѣстности, потому что я здѣсь мало останавливался, или по крайней мѣрѣ не считаю, чтобы довольно оказалъ заслугъ сей странѣ. Простодушная благодарность порождаетъ во мнѣ любовь къ этой странѣ, гдѣ мнѣ желаютъ лишь добра— покидаю ее съ сожалѣніемъ.

Но если я взираю Д..., Р..., Алт..., неправедныхъ преслѣдователей моей невинности, то начинаю дышать свободнѣе. Я кончаю здѣсь поприще честнымъ человѣкомъ, отдѣлываюсь отъ нихъ; мои безуспѣшныя **) жалобы усугубляли мою скорбь, тогда особенно когда я хотѣлъ строго

*) „Письмо на англійскій образецъ". Намекъ этотъ непонятенъ.
**) слово въ слово: *хрупкія* жалобы—plaintes fragiles.

на моя проклятая должность, ибо по пословицѣ: *браги частые, а руки одинакіе.* Премордіумъ не очень краснорѣчивъ, теперь начну говорить дѣло.

Я уже тебѣ сказывалъ, что мы какъ при Браилѣ, такъ и при Гирзовѣ хотѣли переходить чрезъ Дунай; но при первомъ нашли за Дунаемъ худыя дороги, а при послѣднемъ 9 верстъ перевозъ; и такъ разсудили подвинуться вверхъ Дунаемъ 130 верстъ, до извѣстнаго прохода Гурабалъ, который соединяетъ рѣку Боршъ съ Дунаемъ.

Между тѣмъ покойный Вейсманъ шелъ правою стороною и, разбивъ неприятеля при мѣстечкѣ Карасу, пошелъ къ упомянутой переправѣ Гурабалъ, которую стерегли Турки въ нѣсколькихъ тысячахъ, и оный постъ разбилъ съ помощію друга нашего Потемкина *), который между тѣмъ съ лѣваго берега перебрался на правый и проч.

Подъ ихъ то прикрытіемъ и кордарме перешелъ; но не одинъ былъ бы Дунай препоною нашего стремленія къ Силистріи, ибо находящаяся дефиле Дервентуль не много отъ онаго отстоитъ; но Турки, будучи разбиты, возбранили уже намъ пройтить симъ узкимъ мѣстомъ. Тутъ я работалъ три дня, но могъ (не могъ?) вести въ 2 колонны.

Прошедъ Дерна, отъ корпуса Ступишина посланъ былъ 1-й гренадерскій егерскій баталіонъ для прикрытія занмщиковъ лагеря, которые тотчасъ были атакованы со всѣхъ сторонъ и отрѣзаны отъ войскъ, однако неприятеля отбили. При семъ самомъ случаѣ и Павлу **) удалось одного Турка

---

*) Бывшій потомъ фельдмаршалъ князь Григорій Александровичь Потемкинъ Таврическій.

**) Павелъ Александровичь, по храбрости и пылкости своей, бывалъ всегда въ переди и въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ сего сраженія, гдѣ убилъ изъ своихъ рукъ пистолетомъ стремящагося къ отнятію жизни его Турку, 12-го іюня 1773, чему свидѣтелемъ былъ графъ Воронцовъ со всѣмъ каре.

застрѣлить, чему я очень былъ не радъ, что онъ тутъ случился, ибо естьлибъ не приспѣла Потемкина кавалерія, то бы было очень худо.

Симъ самымъ дѣломъ ангажировался съ нашими т. е. двумя корпусами неприятель 12-го іюня; онъ прогнанъ в лагерь, стоящій предъ Силистріею въ 5 верстахъ, окруженный ретраншаментомъ Осланъ-паши, взятъ безъ урона, а Турки ушли. Потомъ и кордарме, пришедъ, сталъ въ срединѣ, а Потемкинъ занялъ дорогу въ Шумлу и посты наши распространились отъ Дуная ниже и до Дуная выше Силистріи. Турки, видя себя стѣсненныхъ въ семъ большомъ городѣ, ударили на Потемкина, т. е. на лѣвое наше крыло, но, будучи встрѣчены, по трехъ часовомъ шармицелѣ, побѣжали въ городъ и ретраншаментъ, здѣланный предъ онымъ на горѣ. 18 іюня пошли мы его атаковать. Двѣ колонны, кои шли отъ Потемкина, выбѣжавшими Турками разбиты, а потомъ и атака съ низу Дуная, которой предводилъ другъ нашъ Игельштромъ *), державшись цѣлой день, къ вечеру отошла.

Прежде сказанный ретраншаментъ, какъ колонны ретировались, занятъ былъ съ тылу полковникомъ Кличкою и

---

*) Нынѣ генералъ отъ инфантеріи графъ Игельштромъ[114]).

[114]) Баронъ (съ 1792 г. Римской имперіи графъ) Осипъ Андр. *Игельштромъ* въ теченіи 86-ти лѣтней жизни (1737—1823) подвизался на поприщахъ службы: дипломатическомъ, гражданскомъ и военномъ: содѣйствовалъ кн. Н. В. Репнину при избраніи на Польскій престолъ Станислава Понятовскаго (1764); подписалъ Вергельскій трактатъ со Швеціею (1790, и былъ посломъ въ Стокгольмѣ (1791); получилъ Георгія 3-й ст. за взятіе Аккермана (1770); участвовалъ въ Шведской войнѣ (1790) и былъ главнокомандующимъ войсками въ Польшѣ (1793); былъ намѣстникомъ Симбирскимъ и Уфимскимъ (1784); Псковскимъ (1792), Кіевскимъ, Черниговскимъ и Новгородъ-Сѣверскимъ (1793); и военнымъ губернаторомъ Оренбургскимъ (1796); ум. въ отставкѣ, въ чинѣ генерала отъ инфант. 1823.

словомъ собравшимися нашими войсками, къ чему послужила и кавалерія, и Запорожцы, а потомъ и корпусъ Вейсмановъ: мы его держали до полуночи; но въ день 18 іюня атакованы были Черкесъ пашею съ тылу, а скоро послѣ того узнали, что у насъ въ тылу находится непріятель противъ самаго дефиле Дервентъ. Командующіе онымъ были: Нюманъ, Куртъ и Черкесъ паши. Корпусы кордарме Потемкина остались за дефилеею къ городу, а Вейсманъ пошелъ атаковать. При сей то атакѣ и я находясь не думалъ уже васъ, любезный другъ, увидѣть. Мы пришли къ вечеру въ 2-хъ верстахъ отъ непріятеля и нашли межъ соединеніемъ прегустой лѣсъ и узкую дорогу; да что дѣлать—надобно атаковать. 22-го пошли и, продравшись насквозь; нашли столько мѣста, чтобъ построиться. Турки дали намъ дефилировать и строиться, думаю, съ умысла непремѣнно побѣдить, ибо ихъ было въ четверо. Потомъ, построивши 2 каре, мы пошли, а Турки съ горы, конница была противъ насъ, зачали стрѣлять по насъ изъ 24-хъ пушекъ. Мы, не взирая на сіе, къ нимъ подвигались. Они, видя насъ смѣлыхъ, атаковали и окружили правый фасъ и задъ; а пѣхота ихъ, увидя, что наша ретирада пресѣчена, бросясь въ 10 тысячахъ изъ ретраншамента съ горы, ударила въ передній и лѣвый фасы, не выключая и нашу кавалерію, которая къ пѣхотѣ прижалась. Вообрази себѣ живо, любезный братъ, сіе дѣяніе: крикъ ужасный *Алла*! со всѣхъ сторонъ, кавалерія тѣснясь съ тылу, пѣхота врывается въ каре съ переди и съ боку. Тутъ показалъ прямо героя Вейсманъ и полковникъ Кличка, уговаривая солдатъ. Но чѣмъ ни будь рѣшить надобно было. Мы сами, закричавъ, тронулись. Конницу Турецкую погнала наша съ помощію резервовъ и пушекъ. Пѣхота ихъ, увидѣвъ, что конница побѣжала, послѣдовала ей, и такъ сія баталія кончилась. Мы пошли въ передъ, взя-

ли ихъ лагерь, обозы и артилерію. Представь, братецъ, не должноль было думать, что намъ устоять нельзя, когда видѣли, что колоны, подкрѣпляемыя цѣлымъ корпусомъ, атакующія ретраншаментъ, побѣжали. Тутъ убитъ полковникъ Лукинъ.

22 Іюня мы потеряли нашего храбраго Вейсмана [115]); и, по разбитіи, когда я плѣннаго спросилъ; куда они намѣрены были идти? онъ сказалъ: къ Гурабалу. Сіе равнехонько къ намъ въ спину и отрѣзать переправу; а намъ къ нимъ идти чрезъ прежде упомянутую дефиле Дервентуль, гдѣ бы они и малымъ числомъ держать могли, не токмо такою оравою, которую мы разбили. Каково жь бы это было? 23, 24, 25, и 26, мы перешли изъ той переправы, а корпусъ Вейсмановъ пошелъ правою стороною въ Измаилъ, ибо появившійся турецкій флотъ противъ устья Дуная грозилъ нападеніемъ на наши города, гдѣ почти никого не осталось.

---

115) Баронъ Отто-Адольфъ *Вейсманъ ф. Вейсенштейнъ* за подвиги свои въ семилѣтнюю войну былъ награжденъ чиномъ полковника; участвовалъ въ войнѣ противъ конфедератовъ (1768); за истребленіе турецкаго корпуса на Днѣстрѣ (1769) произведенъ въ ген. маіоры; за Ларгу (1770 іюл. 7) получилъ св. Георгія 3 ст., за Кагулъ (21 іюл.) св. Александра, за побѣды при Тульчѣ и Исакчи (1771 март. 23, апр. 14 и мая 19) св. Георгія 2 ст. Убитъ подъ Кучукъ Кайнарджи предводительствуя авангардомъ гр. Румянцова (22 іюля 1773). Въ извѣстіяхъ о дѣйствіяхъ 1-й арміи, смерть его описана въ слѣдующихъ словахъ: «...вся пѣхота непріятельская опровержена была примѣромъ великаго мужества предводительствовавшаго корпусомъ ген. маіора и кавалера барона Вейсмана фонъ Вейсенштейна, который, особою своею въѣхавъ въ шеренгу, ободрялъ своихъ подчиненныхъ и побуждалъ на штыкахъ дѣлать отпоръ непріятелю. Но тутъ, среди полной своей побѣды, на мѣстѣ бою, палъ самъ убитымъ оружейною пулею, которая пронзила насквозь его руку, грудь и сердце. Симъ запечатлѣлъ сей многократный побѣдитель Турковъ на томъ берегу Дуная славу своихъ военныхъ подвиговъ и великое усердіе къ службѣ ея императорскаго величества». (*Прибавленіе къ № 58 Санктпетербургскихъ Вѣдомостей. Іюля 19 дня 1773 года).*

Вотъ каковъ былъ нашъ переходъ чрезъ Дунай: и можно ли посылать съ такими малыми силами? Правду сказать, надобно быть Румянцовымъ, чтобъ держать себя въ такомъ респектѣ и вездѣ успѣвать. И естьли бы въ тотъ день не успѣлъ Вейсманъ по приказанію атаковать, то бы и всѣхъ насъ поминай какъ звали. Надобно чтобъ Богъ такъ хотѣлъ, Который всегда даетъ время одуматься. Послѣ всего представь, братецъ, живо мое состояніе: пришли въ незнакомую землю и должно было ходить ощупью, и по нѣскольку разъ лѣса и ущелины осматривать, кои почти всю землю покрываютъ...

Вѣрной твой другъ Муромцовъ.

Примѣчаніе. Письмо это было напечатано, при слѣдующемъ примѣчаніи: „Подробныя произшествія сего перехода можно видѣть въ слѣдующемъ письмѣ отъ ближняго Александра Ильича родственника, Матвѣя Васильевича Муромцова, исправлявшаго тогда должность генералъ квартирмейстера въ главной арміи".

Отъ графа А. Мокроновскаго.

47. отъ 30 августа 1773 г. изъ Бялостока.

Совершайте, любезный генералъ, столько завоеваній надъ врагами вашего отечества, сколько вы совершили надъ сердцами Поляковъ друзей; это искреннѣйшее желаніе друга, который пребудетъ привязанъ къ вамъ на всю жизнь. Память о васъ будетъ намъ всегда любезна и вы можете служить примѣромъ всѣмъ тѣмъ, которые могутъ замѣстить васъ. Вы умѣли сочетать человѣколюбіе, справедливость съ вашимъ долгомъ, слѣдовательно никто не можетъ отказать вамъ въ уваженіи, на которое вы столь справедливо имѣете право: живите счастливо, слава за вами послѣдуетъ всюду; не забывайте друга, который, со слезами

на глазахъ, прощается съ вами и который, пока будетъ живъ, любезный и почтенный генералъ, пребудетъ

вашъ покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга

А. Мокроновскій.

Примѣчаніе. Подлинникъ, писанный по французски былъ напечатанъ съ слѣдующимъ примѣчаніемъ „Сообщая письмо сіе, изъ коего видно, сколько Александръ Ильичь успѣлъ пріобрѣсти всеобщее отъ Поляковъ уваженіе и при томъ благопріязнь, не излишнимъ почитаю упомянуть, что, во время пребыванія своего въ Польшѣ, онъ особенно доказалъ истинну слѣдующаго о немъ, послѣ его кончины, изреченія:

Съ простымъ ты былъ простой,
Мудрецъ былъ съ мудрецами,
Съ героями—герой,
Любезный другъ—съ друзьями.

Любезность его была равная отличному остроумію; по быстрому взгляду большихъ черныхъ глазъ, по пріятной его улыбкѣ, черты смуглаго и рябоватаго его лица имѣли нѣчто особенно привлекающее.

Славный Лафатеръ написалъ на портретѣ его слѣдующія слова: „Вотъ „еще благородное, твердость сердца изъявляющее, откровенное, истинно „руское лице, на которомъ гладкость, округлость, плосковатость, а особливо брови, носъ, уста и весь внѣшній окладъ показываютъ руское“.

Отрывки изъ писемъ

Императрицы Екатерины II къ Я. Е. Сиверсу.

48. отъ 10 декабря 1773 г.

...Два года тому назадъ я имѣла чуму въ сердце государства, въ настоящую минуту у предѣловъ царства Казанскаго у меня такая политическая чума, изъ за которой много хлопотъ: вашъ любезный и достойный сотоварищъ Рейнсдорпъ уже цѣлые два мѣсяца какъ осажденъ скопищемъ разбойника, который производитъ страшныя жестокости и раззоренія. Генералъ Бибиковъ отправляется туда съ войсками, прошедшими черезъ вашу губернію, дабы укротить эту язву XVIII вѣка, которая не принесетъ ни

славы, ни выгоды Россіи. Надѣюсь однако, что, съ помощію Божіей, мы одержимъ верхъ, потому что эти мерзавцы (canailles) не имѣютъ на своей сторонѣ ни порядка, ни искуства: это сбродъ негодяевъ, имѣющихъ во главѣ обманщика столь же наглаго, сколь невѣжественнаго; вѣроятно все кончится висѣлицами; но каково это ожиданіе, господинъ губернаторъ, для меня, которая не любитъ висѣлицъ? Европа, въ мнѣніи своемъ, причтетъ насъ ко времени царя Ивана Васильевича! таковъ почетъ, котораго должны мы ожидать отъ этой презрѣнной продѣлки. Я повелѣла болѣе не дѣлать тайны изъ этого происшествія, потому что полезно, чтобы люди степенные высказывали о немъ свои мнѣнія и говорили о немъ въ томъ духѣ, какъ оно должно было разсматриваемо...

49. отъ 11 сентября 1774 г.

...Маркизъ Пугачевъ недавно, 25 августа, разбитъ нашимъ героемъ Михельсономъ въ ста верстахъ ниже Царицына. Донскіе казаки пустились въ погоню по слѣдамъ злодѣя и маіоръ Дуве, привезшій это извѣстіе, не хочетъ даже, чтобы сомнѣвались, что онъ будетъ взятъ. Не надобно, впрочемъ, продавать шкуру прежде чѣмъ медвѣдь пойманъ. Достовѣрно однако же то, что пушки, добыча, люди и животныя — все досталось въ руки корпуса Михельсона. Предатель ускакалъ во всю прыть съ своей обыкновенной шайкою какихъ нибудь пятидесяти Яицкихъ казаковъ, къ Астрахани по сю сторону Волги; тамъ ему воды не замутить, а 15 тыс. Донскихъ казаковъ у него за пятами, на свѣжихъ лошадяхъ, даютъ надежду, что онъ будетъ взятъ...

Подлинники обоихъ писемъ на французскомъ языкѣ.

Отрывки изъ переписки

Императрицы Екатерины II съ Вольтеромъ.

50. (писано въ 1773 году.)

Вольтеръ писалъ къ императрицѣ:

...Вѣроятно фарсу эту (бунтъ Пугачева) поставилъ кавалеръ Тоттъ [116]), но мы живемъ не во времена Димитрія и театральная пьэса, которая могла имѣть успѣхъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, теперь будетъ освистана.

Императрица отвѣчала:

...Однѣ газеты много шумятъ о разбойникѣ Пугачевѣ, который не имѣетъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ сношеній съ господиномъ Тоттомъ. Я столько же забочусь о пушкахъ, которыя льетъ одинъ, сколько о предпріятіяхъ другаго. Впрочемъ г-нъ Пугачевъ и г-нъ де Тоттъ имѣютъ общаго то, что первый каждый день сучитъ себѣ пеньковую веревку, а второй каждую минуту подвергается шелковому снурку.

51.

Вольтеръ шутливымъ и льстивымъ его слогомъ, писалъ къ императрицѣ:

Я великодушно прощаю молчаніе вашего императорскаго величества и вновь возлагаю на себя прежнія оковы. Ни султану, ни мнѣ ни мало не выгодно на васъ гнѣваться; но смѣю одно только условіе предписать

---

[116]) Баронъ *Тоттъ* р. 1733. Венгерецъ по происхожденію, служилъ при французскомъ посольствѣ въ Константинополѣ (1757—63); былъ французскимъ консуломъ въ Крыму (1767); служилъ Мустафѣ III, и вновь вступилъ во французскую службу начальникомъ консульствъ въ турецкихъ и варварійскихъ портахъ, ум. въ Венгріи 1793. Въ Крыму Тоттъ помогалъ хану Керимъ-гирею противъ Русскихъ, а въ Турціи улучшилъ артиллерію и инженерную часть и защищалъ Дарданеллы противъ русскаго флота.

за всемилостивѣйшее мое вашему величеству снисходительство; хотѣлъ бы я узнать: г. маркизъ Пугачевъ не служитъ ли кому или не орудіе ли чье нибудь? Я не полагаю, чтобы былъ онъ одинъ изъ служителей Ахмета 4, который такъ плохо ихъ выбираетъ; онъ не служитъ покойному Ганганелли, отправленному къ св. Петру съ паспортомъ, даннымъ отъ св. Игнатія [117]); онъ, по видимому не на жалованьѣ ни у китайскаго Богдыхана, ни у Шаха персидскаго, ни даже у Великаго Могола. Желалъ бы я со всякою должною осторожностію сказать Пугачеву: «я не осмѣливаюсь, г. маркизъ! добиваться отъ васъ кѣмъ вы возбуждаемы; но желалъ бы только знать: собственно ли за себя или кого другаго дѣйствуете? словомъ: господинъ ли вы или чей холопъ?»

52. отъ 22 октября 1774.

... Я охотно удовлетворю ваше любопытство на счетъ Пугачева: это мнѣ будетъ тѣмъ легче, что мѣсяцъ тому назадъ онъ былъ взятъ, или, чтобы говорить точнѣе, былъ связанъ и скрученъ своими же людьми въ необитаемой долинѣ между Волгой и Яикомъ, куда его загнали войска отовсюду противъ нихъ высланныя. Лишенные пищи и средствъ къ добытію съѣстныхъ припасовъ, притомъ утомленные жестокостями, которыя они совершали, и надѣясь получить прощеніе, его люди выдали его коменданту Яицкой крѣпости, который отправилъ его въ Симбирскъ къ генералу графу Панину. Въ настоящее время онъ въ дорогѣ: его везутъ въ Москву. Представленный графу Па-

---

[117]) Лаврентій *Ганганелли*, бывшій (съ 1769 г.) папою подъ именемъ Климента 14, ум. въ 1774 г. какъ думаютъ отъ отравы, данной ему Іезуитами, которыхъ орденъ онъ уничтожилъ въ 1773 г. Отсюда у Вольтера намекъ на Игнатія Лойолу, основателя ордена Іезуитовъ.

нину, онъ простосердечно сознался на допросѣ, что онъ Донской казакъ, назвалъ мѣсто своего рожденія, объявилъ, что былъ женатъ на дочери казака, что у него нѣтъ дѣтей, что во время этихъ смутъ онъ женился на другой женѣ, что его братья и его племянники служатъ въ первой арміи, что онъ самъ служилъ въ первыя двѣ войны противъ Порты и проч.

Такъ какъ при генералѣ Панинѣ находится много Донскихъ казаковъ и такъ какъ войска этаго племени никогда не поддавались на удочку этому разбойнику, то все это было вскорѣ подтверждено земляками Пугачева. Онъ не умѣетъ ни читать, ни писать, но человѣкъ чрезвычайно наглый и рѣшительный. До сихъ. поръ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда, чтобы онъ былъ орудіемъ какого либо государства, или чтобы онъ послѣдовалъ чьему бы то ни было внушенію. Должно предполагать, что г-нъ Пугачевъ самъ хозяинъ-разбойникъ, а не чей нибудь холопъ.

Не думаю, чтобы послѣ Тамерлана кто нибудь болѣе изгубилъ человѣческаго рода. Вопервыхъ онъ вѣшалъ безъ помилованія и безо всякаго обряда суда всѣхъ лицъ дворянскаго рода—мущинъ, женщинъ и дѣтей,—всѣхъ офицеровъ, всѣхъ солдатъ, которыхъ могъ поймать; ни одно мѣсто, гдѣ онъ прошелъ, не было пощажено: онъ грабилъ и раззорялъ даже тѣ мѣста, въ которыхъ, чтобы избѣжать его жестокостей и снискать его благоволенія, ему дѣлали хорошій пріемъ: передъ нимъ никто не былъ безопасенъ отъ грабежа, насилія и убійства.

Но что показываетъ до чего человѣкъ можетъ себя обольщать—это то, что онъ осмѣливается сохранять нѣкоторую надежду. Онъ воображаетъ себѣ, что изъ за его храбрости, я могу его помиловать, и что онъ можетъ загладить память своихъ минувшихъ злодѣяній своими будущими заслугами. Если бы онъ только меня оскорбилъ

то его разсужденіе могло бы быть справедливо и я бы его простила; но это дѣло касается государства, которое имѣетъ свои законы...

53. отъ 20 декабря 1774.

...Маркизъ Пугачевъ, о которомъ вы мнѣ опять говорите въ вашемъ письмѣ отъ 16-го декабря, жилъ злодѣемъ и умретъ трусомъ. Онъ показалъ себя въ тюрьмѣ столь боязливымъ и столь слабымъ, что принуждены были съ осторожностью приготовить его къ приговору изъ опасенія, чтобы онъ не умеръ на мѣстѣ со страха...

Отрывокъ изъ письма

Оренбургскаго губернатора ген. пор. И. А. Рейнсдорна на имя командующаго войсками ген. м. кн. И. М. Голицына.

54. отъ 24 марта 1774.

...Побѣда, которую Ваше Сіятельство изволили одержать надъ мятежниками возвратила жизнь жителямъ Оренбурга. Этотъ городъ, уже шесть мѣсяцовъ какъ осажденный и доведенный до ужаснаго голода, оглашается ликованіемъ и жители возсылаютъ мольбы о благоденствіи своего знаменитаго освободителя. Пудъ муки уже стоилъ 16 рублей, а теперь изобиліе заступаетъ мѣсто недостатка. Я вытребовалъ подвозъ въ 500 четвертей изъ Каргале и ожидаю другаго въ 1000 изъ Орска. Если отрядъ Вашего Сіятельства успѣетъ взять въ плѣнъ Пугачева, всѣ наши желанія исполнятся и Башкирцы не преминутъ искать помилованія...

Подлинникъ писанъ по французски.

Письмо Императрицы Екатерины II

на имя генералъ фельдмаршала князя Александра Михайловича Голицына.

55. (писано въ іюлѣ 1780 г.)

Князь Александръ Михайловичь!

Увѣдомилась Я, что дворянство санктпетербургской губерніи вздумало приносить Мнѣ титулы и собирается здѣлать огромныя встрѣчи. Вамъ извѣстенъ образъ мыслей Моихъ, а потому и судить можете, сколь излишнимъ и непристойнымъ все то Я почитаю. Не пріобрѣтеніе пустыхъ названій есть предметъ Моего царствованія, но доставленіе блага и спокойствія Отечеству и вознесеніе славы и величія его; почему и не можетъ иное Мнѣ пріятно и угодно быть, какъ повиновеніе Моей волѣ, ревностное и тщательное каждымъ званія, на него возложеннаго, исполненіе, вмѣсто упражненія въ подобныхъ выдумкахъ. Равнымъ образомъ и встрѣча для Меня не нужна. Чего ради Я желаю, чтобъ собранныя деньги отданы были въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія для употребленія на дѣла полезныя. Сіе письмо сообщите князю Александру Алексѣевичу Вяземскому *), такъ какъ можете здѣлать тоже и со всѣми другими, кои будутъ любопытствовать о семъ.

Пребываю въ протчемъ вамъ доброжелательная

Екатерина.

P. S. Сія есть непремѣнная Моя воля, которую выполнить вамъ предписываю,

---

*) Генералъ прокурору Сената (см. прим. 33).

Поправка.

На стр. 3, въ выноскѣ 3-й, дочь Ильи Александровича Бибикова отъ втораго брака ошибочно названа *Аграфеною*. Имя супруги князя Смоленскаго, графа Михаила Иларіоновича Голенищева Кутузова было: *Екатерина Ильинишна*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Записки.

Приложенія.

Письма Александра Ильича Бибикова:

АЛФАВИТЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

⁂ *Примѣчаніе.* Въ этомъ алфавитѣ цифры означаютъ страницы, буква П приложенія, знакъ № письма, а буква В—выноски или подстраничныя примѣчанія, въ которыхъ упоминаются имена разныхъ лицъ.

